

Людмила
ОСОКИНА

**НОВАЯ
БОЖЕСТВЕННАЯ
КОМЕДИЯ**

ЛЮДМИЛА ОСОКИНА

Людмила Осокина

Новая божественная комедия

Веселые истории о делах земных,
небесных и поднебесных

Москва 2014

УДК 821.161.1-3
ББК 84Р7-4
О72

Макет, оформление — *Дмитрий Минеев*

Осокина Л. М.

О72 Новая божественная комедия: Веселые истории о делах земных, небесных и поднебесных. — М.: Время, 2014. — 176 с. — (Серия «Время читать»).

ISBN 978-5-9691-1195-0

Бог посылает на землю трех ангелов, чтобы помочь людям, погрязшим в грехах, встать на путь истинный, но ангелы сами попадают во всевозможные переделки и их тоже приходится в итоге спасать. Всё смешалось и на земле, и на небе: святые не так уж и святые, грешники не настолько грешны. Сам Бог не может наладить отношения с собственным сыном. Книга Людмилы Осокиной полна тонкого юмора и вместе с тем философична. Описывая забавные, смешные ситуации автор пытается найти ответы на извечные вопросы бытия: в чем причина мирового зла, кто виноват и что, в конце концов, со всем этим делать?

ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-9691-1195-0

9 785969 111950

© Людмила Осокина, 2014

© «Время», 2014

Глава 1

ЧЕРНАЯ ДУМА, или АНГЕЛЬСКИЙ ВАЛЕТ

Отца всех бесов называли звучным именем — *Дьяво!**
(По желанию можно добавить и «л» на конце.)

Дьяво сидел у себя в *Поднебье*** и обдумывал очередное черное дело против Бога, людей и светлоликих, то есть ангелов.

По сведениям, полученным от личного советника Дьяво Черного Праведника, Бог собрался послать на землю трех светлоликих, чтобы они, вселившись в души избранных людей, доказали, что добро и справедливость в мире все-таки существуют, что мир подвластен пока что ему, Богу, но никак не супротивнику его — Дьяво. Ход был весьма серьезный, и Дьяво никак не устраивало оставаться в проигрыше или просто в бездействии в этом вопросе.

* То же, что и Дьявол. Из поэтического словаря Юрия Влодова.

** Невидимая страна между небом и землей, в которой обитают Дьяво и его народ.

Дьяво собрал всех своих советников из Черной Думы в Черном зале, и все вместе стали размышлять, как испортить очередную Божью задумку.

Советники усердно думали. Их было одиннадцать. Дьяво из принципа сделал количество советников в одиннадцать единиц, а не в тринадцать. Число 13 уже так поднадоело и навязло в зубах, не меньше чем черные кошки, что Дьяво очень редко использовал его в своих делах. Ведь одиннадцать тоже являлось его, дьявольским числом, но почему-то было незаслуженно забыто, и Дьяво решил воздать ему должное. Итак, советников было одиннадцать.

Первым советником являлся Черный Праведник, или попросту — Черный. Он занимался сбором информации, которая становилась потом основой для ведения всех дьявольских дел. В Думе находились также колдун Зяма, гадалка Вириная, астролог Фукс, ведьма Амалия, философ Квентис, волшебник Лин, кудесница Софья и тому подобные личности.

Для поддержания традиций пригласили Черную Кошку. Но Дьяво, как известно, особо следовать традициям не любил, поэтому он выбрал такую кошку, у которой под хвостом имелось небольшое белое пятнышко. Никто об этом не знал, а сама Кошка особо хвост не задирала. Так благополучно и числилась в Думе. А Дьяво, всякий раз глядя на эту Кошку, испытывал особую, тайную радость: вроде и традиции соблюдены, но все-таки он, Дьяво, хоть немного, но им всем напроотиворечил — Кошка-то с изъяном!

Советники думали уже довольно долго, но никто не решился начать.

— Кто-нибудь что-нибудь может сказать по данному вопросу? — произнес начавший терять терпение Дьяво. — Так ведь можно и до скончания времен просидеть!

— Предлагаю для начала бросить карты, — отозвался Черный Праведник, — ну, то есть погадать. Нужна дополнительная информация.

— Погадать — так погадать, — согласился Дьяво. — Поди сюда, Вириная.

Гадалка подседа ближе, раскинула карты и заверещала зловещим шепотом:

— Червы, бубны, пики... Вижу все, вижу...

— Что видишь, что? Говори скорей! — заволновались присутствующие, обступив ее.

— Вижу я при поздней дорожке, — продолжала гадалка, — три валета красной масти... Тут им препятствие в дорожке — восьмерка пик!

— А третий валет какой масти будет?! — изумленно спросил Черный Праведник.

— Третий-то — бубновый.

— Ну а второй и первый? — не унимался Черный.

— Второй и первый — червы, — ответила гадалка.

— Неправильно все это! — с жаром возразил Черный. — Не бывает двух валетов одной масти!

— Не бывать-то не бывает, так вот — есть! — запальчиво выкрикнула Вириная.

— Как это — есть? Что значит — есть? Что за шутки? — зашумели черномудцы.

— Что же это ты, Вириная, карты передергиваешь? Думаешь, управы на тебя нету? Ну-ка, признавайся, откуда взялся второй червовый валет? Из другой колоды

добавила? — попытались докопаться до истины советники.

— Ничего я не добавляла, он сам откуда-то появился, — оправдывалась Вириная. — Я — честная гадалка и в такие игры не играю.

— Откуда же он мог взяться? Хи-хи! — продолжал изводить гадалку Черный. — Нарисовался? Материализация из воздуха? Фокус-покус? А может, ты в кудесницы переучилась, чудеса начала городить?..

— Она уже не в первый раз жульничает! — завопила ведьма Амалия. — Мне вон на прошлой неделе гадала, так у нее сразу четыре пиковые дамы откуда-то появились. С тех пор у меня неприятностей — по самую макушку!..

— Обysкать ее надо! — предложил кто-то. — Мне думается, у нее везде лишние карты понапиханы...

— Крапленые! — крикнули откуда-то сверху.

— При чем здесь крапленые? — возразила Вириная. — Крапленые для игры используют, а не для гадания!

Гадалку все ж таки обыскали. Ничего лишнего при ней не оказалось. Она после такого унижения принялась обиженно шмыгать носом, но подозревать ее все равно не перестали. Заодно пересчитали и колоду карт: их оказалось ровно столько, сколько и нужно для обычного гадания — тридцать шесть. Это при всем при том, что второй червовый валет тоже был в колоде. Такое положение вещей всех озадачило, ведь при счете должно получиться тридцать семь карт, но их все-таки было тридцать шесть, как ни считали.

— Мне кажется, я кой о чем догадываюсь, — в напряженной тишине Черного зала вдруг вымолвил философ Квентис. — Это ангельский валет!

— Как так — ангельский?! — ахнули собравшиеся.

— Ну, мы ведь на ангелов гадаем, а ангелы не могут быть темной масти, — закончил свою речь Квентис.

— Может, и вправду она не виновата, может, так оно и есть — валет-то — ангельский! — заговорили черnodумцы.

— Н-да! — мрачно произнес Дьяво. — Ну и заморочила ты нам голову, Вириная. Гадать сегодня больше не будем. Темное, однако ж, это дело, даже при наличии ангельских валетов.

Опять наступило молчание.

— Есть еще какие-нибудь соображения? — спросил Дьяво.

Но никто не решался говорить.

— Мяу! — подала наконец голос Черная Кошка. — Предлагаю перебежать им дорогу. Тогда уж им точно пути не будет, все пойдет наперекосяк.

— Чепуха какая — дорогу!.. — загалдели вокруг. — Нашла что предложить. Старо как мир, ничего интересного.

— Старо, зато надежно, — проворчала Кошка, сворачиваясь в клубок.

— Между прочим, идея неплохая, — поддержал предложение Кошки Дьяво, — хоть и несовременная. Но в данном случае нам ничего другого не остается. Кошка — она кто? Животное. Ходит, где ей вздумается, и гуляет сама по себе. Почему бы ей не прогуляться там, у Небесной дороги, и как бы ненароком ее перебежать?

— А что нам это даст? — спросили советники.

— Как это — что? — ответил Дьяво. — Проход Кошки спутает траекторию их судеб, и они попадут на земле не туда, куда им нужно, а как раз туда, где меньше всего предполагали бы очутиться. Тогда посмотрим, как им удастся сделать свои дела!

— Верно! Вот это здорово!
— Надо попробовать! Стоит рискнуть!
— Таким образом, их миссия вообще может быть нарушена, и мы здесь будем вроде бы ни при чем, — подвел итог Дьяво.

На том и порешили.

Глава 2

ЧЕРНАЯ КИТИ, или ПЕРЕБЕЖЧИК

Наконец наступил день и час спуска светлоликих на землю. Ангел Милосердия, Ангел Честности и Ангел Чистоты заканчивали последние приготовления. Приготовились, как известно, и бесы. Черная Кошка по прозвищу Кити, с возложенной на нее сверхдьявольской задачей, сидела у Небесной дороги, притаившись за кочкой.

И вот вдали послышался тонкий свист, который, разрастаясь, превращался во все более угрожающий рев. Земля Поднебья задрожала у Кити под ногами мелкой дрожью. Три маленькие светлые точки, показавшиеся в конце дороги, стремительно увеличивались, превращаясь в ослепительно-яркие шары. Шары неумолимо приближались, обдавая Кити жутким жаром. Казалось, еще немного — и ее шерсть начнет дымиться. И в самом деле запахло паленой шерстью. «Так ведь можно и заживо сгореть!» — с ужасом подумала Кити и, не помня себя от страха, рванула через дорогу, прошмыгнув почти что под ногами у светлоликих.

Загрохотало!.. Завизжало!.. Задергалось!..

Шары стали уклоняться с дороги...

— Черт побери! Кто тут путается под ногами?! — раздался громоподобный возглас.

— Мы потеряли направление! Я не вижу дороги! — вмешался второй.

— Я заметил под ногами что-то черное! — прокричал третий. — Наверное, мы задавили кого-то из чертей!

— Какое несчастье, если задавили, — стал сокрушаться второй. — Нам не положено давить даже черномазых!

— Нашел о чем сожалеть! — сказал первый. — Черт бы с ними, с чертями! Лучше подумай о том, куда мы теперь попадем, — дорога-то пропала!..

Голоса и сияние ангелов стихли вдали. Кити с трудом встала на ноги. Шерсть еще тлела, и она заковывалась к близлежащей канаве с водой, чтобы окунуться. К ней со всех сторон спешили наблюдатели, обмениваясь между собой впечатлениями от происшедшего.

— Ну и Кити! Здорово как сиганула!

— Надо же, какая смелая, прямо под ноги!

— Даже шерсть свою не пожалела, бедняжка!

Дьяво поприветствовал Кити прямо из воды. До поры до времени он был в образе коряги.

— Объявляю тебе благодарность, киска, и дарю новую шубу, твоя-то в негодность пришла! — Дьяво бросил Кошке новую, только что сотворенную шубу. — Иди, переодейся! Да не бойся ты, не растает! Когда от всей души творю, и у меня получается по-настоящему!

Дьяво сверкнул глазами:

— Ну, теперь у них действительно все пойдет — наперекосяк!

«КАЗНЬ» НЕГОДЯЯ, ИЛИ «НЕ УБИВАЙ!»

Ангел Милосердия, этой ночью спущенный с небес на землю, попал не в душу добродетельного человека, как поначалу предполагалось, а в душу городского палача. Может быть, палач был добрым и гуманным, однако должность у него была совсем немилосердная. Палач этот прозывался Микó, и жил он со своей женой Нелиной в небольшом собственном домике на окраине одного городка.

Нелина, как всегда, разбудила мужа на рассвете, так как вскоре должна была состояться казнь очередного негодяя.

— Эй, Мико! — теребила она своего не в меру разославшегося супруга. — Пора вставать, завтракать да и на работу идти. Ты говорил вчера, что нынче будешь пьянчугу Вячика казнить.

— Давно пора, — продолжала бормотать себе под нос Нелина, — уж по нему, по душегубцу проклятому, топор плачет. Это ж надо до чего допитаться, что жену свою пристукнуть за то, что похмелиться ему не дала.

Мико, а теперь уже и не Мико вовсе, а наполовину почти что ангел, просыпался в этот день с душой новорожденного младенца, не понимая еще, кто он такой и что от него, собственно, требуется.

— Я никогда не был душегубцем, — бормотал он сонно, — никогда! Я — Ангел Милосердия!

— Да не ты душегубец, не ты, — успокаивала его супруга, — а Вячик, а ты его сегодня должен будешь казнить...

Мико наконец окончательно проснулся и сел на кровати с расширенными от ужаса глазами:

— Кто? Я должен его казнить? Ни за что... Никогда... Что я, изверг какой, чтобы убивать человека?!

Нелина отшатнулась от него и побежала на кухню принести смоченное холодной водой полотенце, чтобы приложить его ко лбу Мико, думая, что тот переутомился от такой тяжелой работы и спросонья бредит.

— Все будет хорошо, кормилец ты мой, — говорила она вполголоса, прикладывая ко лбу Мико полотенце, — все будет хорошо. Казнишь ты этого изверга в два счета. Я и топор тебе вчера отточила, притупился он у тебя малость, а теперь — сечет, как молния. Сейчас я тебе его принесу, попробуешь на палец.

Мико, с поселившимся в нем Ангелом Милосердия, о присутствии которого в своей душе он и не догадывался, содрогался от каждого слова, произнесенного Нелиной, а когда та сказала, что принесет ему для пробы топор, то и вовсе пожелал вознестись вместе с Ангелом на небо. Ему не хотелось быть соучастником таких страшных дел, но — увы! — пока это было невозможно. Поэтому палач взял наконец себя в руки и лихорадочно стал искать выход из создавшегося положения.

Тут он подумал, что для того чтобы казнить принародно этого самого пьянчугу и изверга Вячика, совсем необязательно его убивать. Нужно просто инсценировать казнь, чтобы все присутствующие подумали, что Вячик казнен, а на самом деле и не притрагиваться к нему вовсе. У Мико в кладовой сохранился еще достаточный запас прошлогоднего вина. Вино было темно-красного цвета и при казни вполне могло сойти за кровь казнимого, которую Мико уж

ни в коем случае не хотел проливать. Палач попросил жену принести ему один бурдюк с вином якобы для того, чтобы угостить после казни одно высокопоставленное лицо. Уложив бурдюк в свой заплечный мешок, Мико зашагал по дороге. Его беспокоила еще одна мысль: как объяснить такое неожиданное милосердие своей жертве.

Вьячик дрожал от холода и страха, когда палач распахнул тяжелую дверь камер, где тот был заперт.

— Что, боишься меня?! — загрохотал Мико. — Бояться надо было раньше, когда женку свою губил! А сейчас — боись не боись — конец один! Вот так-то, голубчик мой! — громко говорил Мико, так чтобы слышали стражники, стоящие за дверью. Но, подойдя к Вьячику поближе, прошептал:

— Слышь ты, доходяга, жив останешься сегодня, не буду тебе голову рубить...

— Как так?! — изумился Вьячик.

— А вот так! Добрый я нынче очень, потому и милую тебя.

— А как же... — начал было Вьячик.

— Что — как же? — перебил его Мико. — Казнь, ты хочешь сказать?.. Казнь я тебе организую самую что ни на есть раскрепрасную, — закачаешься! Но ты не переживай! После казни ты будешь цел и невредим, как огурчик с грядки!

Пьянчуга с сомнением покачал головой, оглядев себя. Он представлял не очень-то привлекательное зрелище.

— И-эх! — произнес он с досадой. — И на что мне такая жисть, если выпить не на что!

— Вот неблагоприятный! — возмутился Мико. — Я ему жизнь дарю, а он мне за это и спасибо не хочет сказать!

— Жисть — она всякая бывает! — со вздохом сказал осужденный. — Иную и даром не возьмешь! Ну да ладно, согласен я помиловаться, все ж таки своя голова — не чужая, что ж ее раньше времени-то лишаться.

— Вот то-то! Уразумел наконец! — проворчал Мико. — Поднимайся, идти нам уже пора. Ждет народ твоей крошечки.

— Эй, стража! — крикнул он в коридор. — Сопроводите заключенного к месту казни.

Вьячик нехотя направился к выходу. За дверью к нему присоединились два стражника и, не отставая ни на шаг, повели его на площадь.

Народу собралось довольно много. Городская площадь шумела, как штормовое море. Вьячик взобрался на помост и, сам не зная почему, поклонился собравшимся. Народ заулюлюкал.

— Смотри-ка, он еще и кланяется! Как в цирке, ребята, ей-ей!

— Эй, ты! Шут гороховый! Тебе сейчас голову отрубят, а ты кланяешься тут! Лучше бы помолился напоследок, изверг! Глядишь, Господь и простил бы тебя!

— Что ж! И помолюсь! — в сердцах вымолвил Вьячик, грохаясь на колени. — Помолюсь, пропади вы пропадом!

Пока Вьячик молился, стучаясь лбом о доски, Мико приготовил место казни, укрепив на нем бурдюк с вином и прикрыв его рогожкой. Закончив молиться, Вьячик подошел к палачу и покорно положил свою голову в предназначенное для нее место. Приглашенные на казнь барабанщики стали выбивать на барабанах предсмертную дробь, а Мико занес высоко над головой свой топор, думая в этот момент только о том, как бы ему не промах-

нуться и опустить топор точно на бурдюк, а не на Вячикову голову.

Дробь достигла по силе своего апогея, когда палач со всей силы рубанул по бурдюку с вином, положенному рядом с головой казнимого. Эффект казни получился великолепный! Вино брызнуло фонтаном во все стороны! Народ ахнул! Крик восхищения и ужаса пронесся по толпе!

— Надо же, сколько крови у этого пропойцы! — заметил стоящий неподалеку старичок. — Кто б мог подумать!..

— Кровопивец, вот кто он такой! — отозвалась одна бабуса. — А ты спрашиваешь, милоч, откуда кровь-то у него? За всю жизнь, небось, насосался!..

— Это Вячик-то кровопивец? — возмутился какой-то мужик. — Да он сам еле ноги таскал! Кровопивец!.. Тоже мне, скажешь, бабка...

Бабуса с осуждением поджала губы и поспешила отодвинуться.

В это время со стороны помоста дохнул легкий ветерок, и стоящие вблизи уловили отчетливый винный запах. Народ заволновался.

— Вот пьянчуга! Допился до чертиков, даже кровь вином пропахла!

— У Вячика вместо крови — вино! — пронеслось по толпе. — Вино вместо крови!..

— Так как же ей вином-то не быть! — заголосила стоящая в толпе толстушка Настя. — Он у меня недавно из погреба целую бутылку наливки упер! Вот она где теперь, моя наливочка-то! — добавила она, причитая.

— Хватай подойник и цеди свою наливку, пока льется! — крикнул кто-то.

Вокруг захохотали.

Известие о том, что у казненного Вячика вместо крови оказалось вино, сильно всполошило присутствующих на казни и еще не привлеченных к такой суровой ответственности местных пьяниц. Некоторые из них полезли под помост, желая испробовать на вкус кровь казненного собутельника и думая о том, что не пропадать же добру. «Кровь» еще щедро стекала сквозь дырки в помосте и пьянчуги получили несколько блаженных минут, поглощая ее.

— Превосходная кровь! Пальчики оближешь! — весело отвечали они на вопросы любопытствующих горожан. — А на вкус — так чистое вино. И не отличишь!

Горожане стали оживленно обсуждать между собой происшедшее событие. А Вячик, лежащий под грязной рогожкой и ничуть, как известно, не казненный, испытывал в этот момент адские муки. Ему тоже так хотелось испытать собственной «крови», что у него даже в горле пересохло от желания. Он, конечно же, догадался, что палач для его спасения пожертвовал огромным количеством первосортного вина. Но для Вячика это было совершенно невыносимо: знать и чувствовать, что рядом с тобой льется рекой превосходное вино, и не мочь его испить — что может быть ужаснее!

Скорее всего, казнь Вячика все-таки состоялась, правда, не физическая, а душевная. Но это-то и было хуже всего, так как удар пришелся точно в цель. «Уж лучше б казнили меня, чем так издеваться!» — со смирением вконец измученного человека подумал пропойца.

А Мико, очень довольный тем, что ему так ловко удалось инсценировать казнь, не убив человека, подошел к рогожке, под которой лежал еле живой от страха и жела-

ния выпить Вячик, схватил его своими огромными ручищами за ноги и вместе с рогожкой швырнул в дрожки с сеном, предназначенные для трупов казненных, чтобы везти их к месту погребения за город. Как будет потом почти казненный Вячик выбираться из этих дрожек или из могилы, его уже не интересовало. Он, Мико, сделал свое дело, он его — не убил!

Глава 4

КОШЕЛЕК, ИЛИ «НЕ УКРАДИ!»

Ангел Честности попал в душу уличного воришки. Воришке было не то тринадцать, не то четырнадцать лет, он и сам не знал — сколько, так как жил один, без родителей, на чердаке старого полузаброшенного дома. Звали воришку Мунька.

С того момента, как Ангел Честности влетел в его душу, Мунька, конечно же, не мог воровать. Но как это было сделать, если всей своей жизнью он был вовлечен в прямо противоположные занятия, если вся его жизнь была ни с какой честностью не совместима.

Первой мыслью, после того как Мунька неожиданно-негаданно проснулся честным человеком, была мысль о кошельке, который лежал у него в головах. Кошелек этот Мунька стянул вчера у одного толстеного господина в большом магазине. Господин этот, видно, хотел купить себе костюм, и пока он примерял его, пока то да се, Мунька

изловчился и стибрил кошелек. Заглянув в одном из укромных уголков вовнутрь, Мунька подивился своей удаче — кошелек был битком набит крупными купюрами.

Пацан в этот день решил больше не воровать и все оставшееся до сна время с радостью в сердце пробродил по городу. Ночью, ложась на своем чердаке спать и положив кошелек под голову, Мунька блаженствовал на нем, как на лебяжьей подушке, а утром, проснувшись уже совсем другим человеком, ощутил его под изголовным тряпьем, как жесткий бульжник. Кошелек, казалось, прожигал его насквозь и являлся весомым доказательством вчерашнего Мунькиного греха. Становилось ясно, что от кошелька нужно избавляться и одним-единственным только способом — вернув его законному владельцу. Но как найти этого владельца и каким образом вернуть ему кошелек, Мунька не имел понятия. Для начала он решил сходить в тот самый магазин, возле рынка, где он этот кошелек «приобрел», и каким-то образом постараться найти там хозяина кошелька.

Спускаясь с чердака, Мунька нос к носу столкнулся со своим напарником и наставником, вором по кличке Удав. Тот обрадовался так, будто не видел Муньку сто лет.

— Ба! На ловца и зверь бежит! Не пришлось под самую крышу подниматься! А я хочу с утра пораньше по магазинам прогуляться, может, и обломится чего. Дай, думаю, Муньку с собой прихватчу, пацан он хороший, надежный, прикроет, если что.

Муньку огорчило появление Удава. Он не только мешал исполнению его честных намерений, но еще вдобавок мог вовлечь Муньку в какую-либо историю.

— Ты это... — замялся Мунька, — иди пока один. Мне сейчас некогда. У меня тут дело одно есть...

— Мунька, — удивился Удав, — какие у тебя могут быть дела? Ты что, с луны свалился? Давай пошли, не гони дуру... Я хочу для начала в магазин, что возле рынка заглянуть. Там народ хороший ходит, богатый...

Мунька решил согласиться на такое предложение, так как ему надо было именно туда, все равно по дороге. А там он, может, как-нибудь от Удава и ускользнет, а заодно, возможно, и намеченное дело удастся сделать.

В магазине, как всегда, толпилось много народу. Удав, надвинув кепку на глаза и насвистывая под нос какой-то мотивчик, стал выбирать себе жертву.

Мунька же прошел в отдел готовой одежды и начал приглядываться к посетителям, надеясь отыскать среди них обворованного им вчера человека. Но они все не были похожи на того, кого искал Мунька. Один, правда, был весьма похож, и воришка уже собрался было к нему подойти, как вдруг этот человек обратился к продавцу с просьбой: «Не могли бы вы показать вон тот костюм для моего мужа. Никак не подберу нужного размера». Продавец кинулся показывать костюм, а Мунька остановился как вкопанный, представляя, как бы он сейчас опозорился, ведь дяденька оказался тетенькой, несмотря на усы, брюки и прочие атрибуты мужского пола.

В расстройстве Мунька прошатался по магазину почти час, но предполагаемого хозяина кошелька так и не встретил. Удав куда-то подевался. Мунька собрался было уходить, но вдруг его внимание привлек один человек, покупавший ремень в галантерейном отделе. Мужчина был настолько толст, что ни один ремень на нем не застегивал-

ся. «Тот, точно, тот, — решил про себя Мунька, — у того тоже, когда он примерял костюм, пуговицы на брюках не застегивались». Да и внешне человек был похож. Мунька обошел его кругом. «Все, решено, отдаю ему кошелек», — подумал Мунька.

Но тут он столкнулся для себя с таким вопросом: а каким образом он будет это делать? Воровать кошельки он воровал, а вот отдавать еще не приходилось. Просто так подойти и отдать мужчине кошелек, сказав при этом: «Дяденька, возьмите ваш кошелек, я его вчера у вас украл, а сегодня решил, что поступил нехорошо, и возвращаю его вам», Муньке не хотелось. Дяденька-то, может, кошелек и возьмет, а его, Муньку, как пить дать после этого упрячет в тюрьму. Даже при наличии Ангела Честности в душе Муньке не хотелось начинать новую жизнь, сидя за тюремной решеткой.

Тогда Мунька решил сделать по-другому. Он придумал незаметно положить кошелек в карман предполагаемому пострадавшему. Вот то-то он обрадуется, когда потом пропаяжу у себя обнаружит!

Поскольку все-таки дело по положению кошелька в карман представлялось для Муньки не совсем обычным, а точнее, совсем необычным, Мунька решил для начала обследовать намеченный карман — нет ли там чего, какого-либо предмета, что могло помешать осуществлению его, Мунькиной затеи. Поэтому, подойдя к толстяку на самое по возможности близкое расстояние, Мунька незаметно просунул руку в карман его пиджака.

Там что-то лежало. Продолговатое, плоское, твердое, но не кошелек. Что бы это могло быть?.. Мунька частенько, тренируя свой профессионализм, старался определить на

ощупь лежащие в карманах предметы. В карманах ничего особенного обычно не водилось. Кроме кошелька можно было встретить разве что носовой платок, расческу, зеркальце, ключи, записную книжку. Иногда попадалось оружие: нож или пистолет.

А в этом кармане лежало что-то непонятное. Мунька щупал этот диковинный предмет и так и эдак и даже потряс его, но так и не смог определить, что это было такое.

За этим занятием и застал его владелец кармана, накрыв карман с зажатой в нем Мунькиной рукой своей огромной ручищей. Осторожно отцепив Мунькину руку от предмета, незнакомец повернул к нему свое удивленное лицо:

— Мальчик, скажи мне, пожалуйста, что ты делал сейчас в моем кармане?

Мунька не имел представления, как ответить на этот вопрос, он только мычал и покрывался красными пятнами.

— Я не о том спрашиваю, зачем ты туда залез, — продолжал толстяк, — в чужой карман залезают понятно зачем. Но почему ты так долго там прокопошился? Почему же ты сразу не взял то, что там лежало?

«Если б я только мог знать, что там у вас лежало...» — пронеслось в бедной Мунькиной голове.

— Это полная безграмотность и непрофессионализм, — говорил мужчина, — я в молодости тоже был воришкой, но я бы так глупо не засыпался, ясно тебе?

— Ясно, — произнес наконец своим голосом Мунька.

— Так вот, из уважения к своему далекому прошлому я тебя прощаю. Иди и больше не попадайся. — Толстяк от-

пустил Мунькину руку. Мунька вздохнул с облегчением и повернулся, чтобы уйти, но вдруг вспомнил о кошельке.

— Дяденька! — позвал мужчину Мунька. Но, всмотревшись теперь уже более внимательно в его лицо, понял, что ошибся, это был не тот человек, которого он вчера обворовал, одна деталь не совпадала: у того был двойной подбородок, а у этого — тройной. И ради чего он тогда так рисковал да еще чуть было не вляпался! Хорошо хоть толстяк попался ничего, из бывших, понятливый. Другой бы и думать не стал, сразу бы полицию кликнул.

— Чего тебе, мальчик? — отозвался тот.

— Да так, ничего, — потупился Мунька, — ничего, извините меня.

Толстяк наконец-то растворился в толпе. А Мунька с несвеселыми раздумьями побрел по магазину.

Что же теперь делать? Где искать хозяина этого злополучного кошелька? Мунька понял, что болтаться в этом магазине можно было часами и даже целыми днями, но так и не встретить того, кто нужен. Может, этот человек вообще не местный и находится сейчас за сотни миль отсюда. Так что избранный Мунькой способ возвращения кошелька решительно не годился. Мунька уныло побрел к выходу.

В это время к нему как-то боком подошел запыхавшийся Удав и со словами: «Держи, малыш, а мне тикать надо, хвост за мной!», сунул в его карман только что украденный кошелек. Удав тут же исчез, а Мунька остался стоять посреди магазина, с ужасом ощупывая у себя в кармане еще один ворованный кошелек.

Тут в центре зала послышались крики, плач. Народ засуетился, собираясь в толпу. Мунька поспешил туда, пыта-

ясь хотя бы краем глаза взглянуть на того, кого обчистил Удав.

Потерпевшей оказалась немолодая женщина крестьянской наружности, вся обвешанная мешками и сумками, по всей видимости, приехавшая в город за покупками для всей деревни. Она причитала:

— Ой, люди добрые! Украли всё, украли! Ироды треклятые! Не на что даже домой уехать!

К ней протолкался полицейский:

— Так, гражданка! Сейчас мы этот факт запротоколируем, свидетелей опросим. Придется пройти со мной в участок.

— Ироды, украли всё, украли! — женщина рыдала в голос, не обращая внимания на слова полицейского.

В другом конце магазина послышались свист, топот, какая-то возня, ругань. Двое сыщиков в штатском подвели к пострадавшей пойманного Удава. Тот бубнил своим осипшим баском:

— Ничего не знаю, господин начальник, я эту бабу не трогал, при мне ничего нету, можете пошмонать...

— Мы сейчас разберемся: нету, есть ли, — пробурчал сыщик.

— Эй, тетка! — крикнул другой. — Посмотри-ка, не было ли поблизости этого молодца, когда у тебя кошелек пропал?

Тетка отерла слезы и взгляделась в Удава:

— Так как же — был! Провалиться мне на этом месте! Он мне еще сумки помог поднести, спрашивал — не тяжело ли мне.

— Уж и помочь женщине нельзя, — пробурчал Удав. — Чуть что — сразу вязать.

— Помогать надо сумки носить, а не кошельки, — заметил сыщик.

Тетка рванулась к Удаву:

— Так вот, значит, как ты помочь мне хотел, а я, старая дура, поверила, уши развесила, думала, хоть один добрый человек нашелся...

Она схватила вора за грудки:

— А ну-ка, отдавай мои денежки, ирод, иначе живым от меня не уйдешь!

— Ну ты, гражданка, остынь, — вмешался полицейский, отстраняя ее, — все должно делаться у нас по закону. Закон разберется, кто прав, кто виноват, тогда и наказание последует. А самосуд мне тут не устраивай!

Потерпевшая отстранилась, продолжая с ненавистью прожигать Удава глазами.

— Чего зенки выпялила? — вдруг взбеленился тот. — Еще доказать нужно, что я взял. А так, мамаша, на меня где сядешь, там и слезешь, понятно тебе? Нету у меня твоего кошелек, и всё тут. Может, обронила где, а на людей грешешь. Господин полицейский, общите меня, что же это я должен ни за что оскорбления терпеть!

Удава в конце концов обыскали. Кошелек при нем, конечно же, не оказалось. Он бросил на тетку торжествующий взгляд.

— Всё равно, гражданин, — не пожелал вот так просто расставаться с Удавом сыщик, — пройдемте с нами в участок, там составим протокол происшествия, запротоколируем вашу личность в качестве свидетеля.

Личность у Удава была самая что ни на есть темная, поэтому выражение неприкрытой досады появилось у него

на лице. Видно, попадание в полицейский участок и выяснение там личности грозило ему неприятностями необычайными.

Мунька, наблюдая эту сцену, разрывался от сочувствия и жалости как к ворюге Удаву, так и к этой чужой, совсем незнакомой женщине. Поняв, что медлить больше нельзя и надо как-то спасать положение, он придумал следующее. Нагнувшись, якобы для того, чтобы завязать шнурок на ботинке, он незаметно вынул теткин кошелек из кармана и бросил его на пол. Потом, отойдя шага на два в сторону, крикнул:

— Ой, люди, смотрите! Чей это кошелек тут валяется? Я чуть было на него не наступил!

Все взоры обратились на Муньку. А Мунька подошел к кошельку, взял его в руки и, подняв высоко над головой, повторил свой вопрос:

— Чей кошелек?

Обворованная, увидев свое сокровище, ломанулась сквозь толпу к Муньке, издали глядя на свой кошелек и причитая:

— Нашелся, родненький, нашелся, надо же... Неужели обронила, растяпа я эдакая, неужели ж обронила?..

— Ваш кошелек, маманя? — обратился Мунька к владельцу кошелька.

— Мой, мой, — закивала счастливица.

— Ну так возьмите, — сказал Мунька, протягивая ей кошелек.

— Стойте! — вдруг вмешался полицейский. — Не трогайте кошелек. Может, он не ваш, а чей-нибудь еще, ведь мог же его кто-нибудь другой потерять.

Тетка замерла с протянутой рукой и с разинутым от изумления ртом. Она и не предполагала, что нельзя будет вот так просто взять свой собственный кошелек.

— Видно же, что мой, — пролепетала женщина, не зная, что еще сказать в свою защиту.

— Ну, это вам видно, а нам не видно, — возразил полицейский. — Всё, гражданка, должно делаться у нас по закону. Ясно сейчас только одно, что вот этот гражданин к краже не причастен, так как сам факт кражи при обнаружении этого кошелька ликвидируется. Отпустите его, — обратился полицейский к сыщикам.

Те нехотя отпустили Удава. Удав, воспользовавшись благоприятным моментом и бросив на Муньку благодарственный взгляд, тут же исчез.

— Итак, сударыня, — опять обратился полицейский к тетке, — вы утверждаете, что это ваш кошелек?

Та поспешно кивнула.

— В таком случае, сколько в нем было денег и какими купюрами?

Пострадавшая стала что-то шептать себе под нос, загибая при этом пальцы.

Тут к одному из сыщиков протолкался какой-то человек и сказал:

— Господин начальник! Я видел, как вот этот пацан, — он указал на Муньку, — выгасил кошелек у себя из кармана, бросил его на пол, а потом всем сказал, что он его нашел. Сами понимаете, свои собственные кошельки человек из карманов выбрасывать не будет, правильно я говорю? Значит, дело нечисто, господин начальник, верно ведь?

Сыщик побагровел:

— Это правда, гражданин?
— Истинная правда, господин начальник, ей-ей, не вру, провалиться мне на этом месте.

Сыщик вперился в Муньку тяжелым взглядом:

— А ну-ка, поди сюда, хлопец!

Мунька остался стоять, как замороженный змеей кролик. Он и не предполагал такого поворота событий, поэтому был застигнут этим происшествием врасплох. Конечно, он в мгновение ока сообразил, что при наличии такого свидетеля да еще другого ворованного кошелька в кармане не миновать ему сегодня тюрьмы. Надо было такому случиться, что при всех своих сегодняшних благих намерениях он в конце концов так бесславно влип. «Чтоб тебе, идиоту, кирпич на голову свалился, — подумал он о невесте откуда взявшемся прозорливце, — все мне испортил».

— Ты что, оглох? Поди сюда, слышишь! — угрожающе повторил сыщик.

— Сейчас иду, — еле слышно ответил воришка.

Мунька понял, что единственным выходом из создавшейся ситуации будет его бегство. Не дойдя до сыщика трех шагов, Мунька боднул стоящего рядом с ним мужика головой в живот, прополз под кем-то на четвереньках, в два прыжка оказался у двери, одним рывком выскочил на улицу и, вдохнув свежего ветра, юркнул в какой-то темный двор и пропал из глаз.

У сыщиков даже голова закружилась от быстроты происходящего. Они засвистели, закричали: «Держи его, держи!». А кого держать-то, не прошло и десяти секунд, как мальчишки и след простыл, а народ даже не понял,

что, собственно, произошло и кого и почему надо держать.

А Мунька, пропетляв изрядно по городским подворотням и убедившись, что за ним никто уже не гонится, приходил в себя на одном из потайных чердаков.

«Вот ведь как получается, — с горечью думал он, — захочешь доброе дело сделать, а тебе же еще за это и достанется! Как это вообще понять и где, в конце концов, справедливость Божья?.. Да, — продолжал сокрушаться мальчуган, — что же теперь с этим добром делать? — Он потрогал злополучный кошелек. — Где найти его хозяина? А что если взять и выбросить его, вот просто — взять и выбросить?»

Мунька обрадовался такой прекрасной идее. И как он раньше до этого не додумался? Он подошел к широко раскрытому чердачному окну и, не глядя, швырнул кошелек вниз.

Кошелек бухнулся прямо под ноги одной полунищей старушке, сидевшей на скамейке у дома. Она трясущимися руками подняла кошелек, раскрыла и, убедившись, что никто не посягает на это неизвестно откуда свалившееся богатство, мысленно поблагодарила Бога за такой подарок и тут же поспешила домой.

Мунька же спустился вниз, вышел из подъезда через другую дверь и, освобожденный наконец-то от ворованных денег, с ангелом в душе, пошел искать новую, чистую и светлую жизнь.

Как-то ему это удастся?..

БЛУДНИЦА, ИЛИ «НЕ ПРЕЛЮБОДЕЙСТВУЙ!»

Фаина, красотка из публичного дома, спала довольно крепко, но когда Ангел Чистоты после прохода Черной Кити не совсем мягко спланировал в ее душу, вздрогнула, как от толчка, и проснулась. Первое время она лежала не шевелясь, ни о чем не думая, но ощущая, что с ней что-то происходит. Она наслаждалась этим происходящим. Словно какой-то бальзам изливался в ее душу, и душа ее становилась нежной и чистой, как у маленького ребенка.

Она вспомнила, как еще девочкой бегала по лугу неподалеку от своего деревенского дома, как пыталась поймать при этом красивую бабочку, но это ей никак не удавалось. Как рыбешки стайками кружили возле ее ног, когда она заходила по щиколотку в теплую маленькую речку, как она хотела поймать хоть одну из них, но это тоже не получалось. После таких воспоминаний все ее занятия в этом грязном доме разом вдруг стали для нее отвратительны, и она подумала, что ничего больше не допустит над собой, уйдет отсюда, лучше будет стирать или мыть полы, чем заниматься всей этой мерзостью. Успокоенная такой чудесной мыслью, Фаина хотела еще немного поспать, но никак не получалось.

Кто-то упорно скребся по стеклу. «Наверное, голубь, — подумала Фаина, — голодный, небось». Она взяла из тумбочки кусок хлеба и подошла к окну, чтобы покормить

проголодавшемуся голубю. Но это оказался не голубь, а самый неистовый поклонник из ее клиентов Федор. Он едва дождался рассвета, спровадил свою супругу на базар за провизией, а сам со всех ног кинулся к своей возлюбленной.

Заведение еще было закрыто в столь ранний час, поэтому он решил забраться к своей красотке на второй этаж по водосточной трубе и шаткому карнизу.

Проснись и пой,
Красотка мая!
Окно открой,
Меня впускай! —

радостно пропел он куплет почти что собственного сочинения. Федор уже протягивал к ней из форточки свои темпераментные руки:

— Моя лебедка! Твой лебедь прилетел и хочет попасть в твои объятия!

Но радость любовника была преждевременной. Если вчера Фаина страстно попросившись с Федором, только и мечтала на следующий день поскорее увидеть его вновь, то уже сегодня, после происшедшей в ее душе метаморфозы, о причинах которой она и не догадывалась, она не иначе как с ужасом думала о подобных встречах. В душе блудницы нежданно-негаданно поселился Ангел Чистоты, и не только спать с мужчинами, но даже и думать о чем-то таком она уже была не в состоянии.

— Уходи отсюда, слышишь, уходи! — зашептала она срывающимся голосом. — Я сегодня работать не буду.

— Пенка моя, иди ко мне — я хочу тебя слизать, — продолжал Федор, не обращая никакого внимания на ее слова. Он дотянулся до оконного шпингалета, щелкнул им, и окно распахнулось. Любвеобильный Федор шагнул в комнату с распростертыми объятиями.

— Ты что, не слышишь меня?! — вскричала Фаина. — Уходи отсюда, уходи немедленно...

Федор оторопел:

— Послушай, любовь моя, что я тебе такого сделал, что ты меня прогоняешь? Я всю ночь не спал, так хотел тебя увидеть, а ты меня гонишь? Ай-я-яй! Как нехорошо!

Фаина решила перейти к более тонкому приему избавления от своего кавалера. Она отошла от окна и всхлипнула:

— Дело в том, дорогой, что я сегодня ночью заболела страшной болезнью...

— Какой болезнью, любовь моя, — испугался Федор, — ведь вчера вечером никакой болезни не было.

— Я спала с открытой форточкой, ночью у меня начался жар и кашель, а это признаки самого настоящего смертельного гриппа.

— Но с таким же успехом это может быть обычная простуда, — возразил Федор.

— Может, и простуда, а может, и грипп, — настаивала Фаина, — поэтому ты сейчас, чтобы не заразиться, должен надеть на лицо ватно-марлевую повязку.

Повязку эту красotka придумала для того, чтобы Федор в пылу своей страсти не вздумал бы наброситься на нее с поцелуями, что в ее теперешнем положении было

совершенно невыносимым. Смастерив повязку, Фаина с такой силой завязала ее на физиономии Федора, что тот едва не задохнулся.

Немного придя в себя от произведенного над ним насилия, Федор вдруг вновь обрел надежду.

— Скажи, а она, — проговорил он, едва дыша и тыча пальцем ниже пояса, — а она, «лапочка» твоя, тоже болеет гриппом?

— Да, тоже, — твердо ответила Фаина. — Если я вся болею, то как же ей не болеть?

— Но она ведь не чихает и не кашляет, так что моему «мальчику» этот грипп не помеха. Давай все-таки займемся любовью, ангел мой!

— Дело в том, что это особая разновидность гриппа с фильтрующимся вирусом В₂В₄, — Фаина начала втолковывать Федору дотолу неведомые ей самой медицинские истины.

— Вон и вирус у тебя какой-то особенный, — мечтательно сказал любовник, — флиртующий!.. Чтоб его!..

— Да не флиртующий, а фильтрующийся, — с досадой поправила Фаина, — от слова «фильтр».

— А чем же он опасен, этот флиртующийся вирус? — продолжал упорствовать в своем невежестве Федор.

— Он проходит сквозь всё, даже сквозь кожу! — страшным шепотом предупредила блудница.

— Надо же, какой шустрый!..

— Поэтому твоему «мальчику» в моей «лапочке» будет очень даже небезопасно, — подвела итог своей лекции Фаина.

Но Федор сделал свой выбор.

— Дорогая! — торжественно произнес он. — Я хочу рискнуть! Потому что если я не умру от гриппа, я умру от любви!

Теперь уже застонала красотка, не зная, что еще предпринять.

Но от любовной горячки ее кавалера имелось одно, но очень эффективное средство, и этим средством являлась его собственная супруга. А она, уже давно заподозрив неладное и получив кой-какие сведения от своих доброжелателей, проследила сегодня за Федором и вычислила его теперешнее местонахождение. И как раз в тот момент, когда Фаина ломала руки, не зная, что еще придумать, в дверь громко постучали.

— Эй, муженек! — раздался сиплый, грубый голос, — ты опять у этой проститутки? А ну-ка, открывайте сейчас же!

— Это моя жена! — в страхе зашептал Федор, — спрячь меня, голубка моя, спрячь поскорее, иначе не сносить мне головы!

— Самое время тебе сейчас удалиться, — воспрянула Фаина. Она была рада такому удобному случаю избавления от измучившего ее кавалера.

— Но как? — взмолился тот.

— Точно так же, как и пришел, — Фаина показала на распахнутое окно.

Федору не хотелось теперь и выходить таким же неестественным способом, но другого не предвиделось. Он с неохотой взобрался на подоконник, сделал из окна шаг в сторону по карнизу, схватился за водосточную трубу, державшуюся уже на честном слове, и с грохотом рухнул вместе с трубой на землю.

— Да открой же ты, шалава несчастная! — гремел голос его супругницы. — А то я сейчас дверь выломаю!

Фаина, проводив таким образом Федора, поспешила открыться.

— Вам кого? — обратилась она к разъяренной фурии. Та, отшвырнув Фаину в сторону, ворвалась в комнату.

— Где он, кобель проклятый?! — заорала она так, что Фаине пришлось заткнуть уши.

Убедившись, что на первый взгляд ее супруга в комнате таки нет, она занялась более тщательным осмотром: заглянула в шкаф, под кровать, в ванную комнату и даже в прикроватную тумбочку, где не только ее супруг, но даже его ботинок 43-го размера не смог бы поместиться.

— Куда ты дела моего мужа, проныра? — обратилась она к хозяйке. — Я же сама слышала его голос, когда стояла за дверью!

Тут она заметила распахнутое окно.

— Ах, вот оно в чем дело? Через окно, значит, утек!

Женщина подбежала к окну и выглянула на улицу. Ее благоверный, едва пришедший в сознание после приземления на каменистую почву, отползал из-под окна на четвереньках.

— Так вот где ты ползаешь! — торжественно проголосила супруга. — До чего докатился, голубчик, тошно смотреть! Ну, я тебе сейчас покажу!.. А с тобой, подруга, мы еще сочтемся! — пообещала она Фаине, скрываясь за дверью.

Потрясенная Фаина присела на кровать перевести дух после всех этих событий.

О Боге и Дьяво, о Поднебье и поднебовцах, о Райской Трубе и Божьей манне и кое-что о Гордости

Отца всех ангелов, а также всего сущего на земле и на небе звали Господь Бог. После всем известной ссоры со своим сыном, в прежние времена называвшимся Сатаной, а в теперешнее время — Дьяво, Господь продолжал жить как и жил у себя на Небе, в Раю, а вот сын оказался за пределами Райских врат, или в Поднебье.

Часть небесных жителей поддержала в этой ссоре сына и ушла вместе с ним из Рая в Поднебье. С той поры дотоле дружные обитатели Небес раскололись на два враждебных лагеря и, как могли, строили друг другу всевозможные козни.

Ангелы являлись коренными жителями Неба. Ангелов, ушедших в Поднебье, стали называть поднебовцами, поднебесами или просто бесами. А кто-то даже обозвал их чертями, то есть находящимися за чертой, за Райскими вратами.

Жизнь в Поднебье оказалась намного тяжелее, чем в Раю. Не хватало света, тепла, да и пропитание было довольно скудным. Поэтому со временем многие поднебовцы от такой жизни потемнели лицом, обзавелись рогами и копытами. Правда, сами за собой они такой перемены не замечали, так как сменилось уже не одно поколение чертей. А откуда современным жителям было знать, какую наружность имели их далекие предки?

Только бессмертный Дьяво мог помнить, какими были те, древние поднебесы. Все ж таки Божий сын, хоть и ушедший из Рая!

Дьяво, конечно, видел эти печальные перемены, происходившие с его народом, но что он мог сделать? Как Божий сын он обладал определенным могуществом, но на его народе лежало Божье проклятие, и никакими собственными усилиями он не мог его снять.

Правда, Дьяво тоже не миновало это проклятие, и он потемнел лицом и обрел рога и копыта, но мириться с Батей не захотел, даже попав в такое затруднительное положение.

Господь с самого начала хотел примириться с сыном, словно чувствовал за собой какую-то вину, но Дьяво ни на какое примирение идти не соглашался, гордость не позволяла. Так все и оставалось по-прежнему.

Небо и Поднебье связывала специальная Труба. Для Небес Труба являлась своего рода канализацией — в нее сбрасывали все райские отходы. Нельзя же было Рай захламлять!

Для нижних жителей Труба стала чем-то вроде рога изобилия, и поднебовцы толпами подбегали к Трубе в назначенное время, чтобы хоть что-то ухватить от очередного сброса.

Сбрасывали много чего. Но особой любовью у нижних пользовались райские колбаски. Вкус и запах у них был отменный, кроме того, они прекрасно утоляли голод. Очень нравилась также поднебесам райская водичка, или «ситро», как ее называли в народе. Водичка эта прибавляла сил, вселяла бодрость. Но требовались определенные предосто-

рожности в употреблении райского напитка. Ситро являлось довольно крепким, и если выпить его чуть больше положенного, то можно было оказаться в неудобном положении. Его действие было сродни земному вину, перебравший мог свалиться и уснуть прямо на дороге, а некоторые особо буйные личности начинали горланить песни или дебоширить.

Среди чертей уже были сильно пристрастившиеся к напитку, ведь он давал во многих случаях райские видения, а так не хотелось потом с этими видениями расставаться и опять смотреть на брентную поднебесную жизнь. Поэтому около Трубы, где-нибудь в кустах или в канавках, прятались любители хлебнуть. И как только начинали падать первые капли благодатной жидкости, выпивохи-ситрошники с криками подбегали к Трубе и подставляли кто ведро, кто банку, кто бутылку, а кто и просто собственное горло.

Сыпалась из Трубы и так называемая манна небесная. Ее было больше всего. Поднебесы с удовольствием собирали манну и варили из нее потом вкусную манную кашу. Правда, они не догадывались, что это всего-навсего мыльные хлопья, образовавшиеся от Божьей стирки. Да и зачем им было об этом знать?

И поднебесы недоумевали, почему это верхние жители выбрасывают такие превосходные продукты? Наверное, от изобилия.

Только один Дьяво не пользовался Божьими дарами, никогда ничего не собирал у Трубы, не вкушал райских продуктов. Он, конечно, понимал, что это за «ситро» льется из Трубы и что представляют собой «райские колбаски», да

и о «манне небесной» имел понятие. Но не хотел лишать свой народ удовольствия есть райские отходы. Ведь с удовольствием в Поднебье всегда было туговато. Раз нравится — пусть едят.

Сам же Дьяво питался единственным блюдом личного приготовления — своей собственной Гордостью. Запасы Гордости в стародавние времена казались неисчерпаемыми, но постепенно она стала заметно убывать. А может, и воровал кто потихоньку. Из-за убывания Гордости стали вдруг возникать сомнения: а может, он чего делает не так? Это сильно беспокоило Дьяво, и он в последнее время был сам не свой, весь на нервах.

А тут еще Господь-Батюшка душу берedit, в Трубу постукивает, масла в огонь подливает.

К слову сказать, в личные покои Дьяво тоже выходила райская Труба, но уже другая, не канализационная. Ее Господь специально сотворил для связи с Дьяво в экстренных случаях. Мало ли что может случиться, и ему, Дьяво, вдруг срочно понадобится Божья помощь. Не кричать же об этом в канализацию!

Но Дьяво из гордости никогда этой Трубой не пользовался и даже заткнул ее от соблазна разными тряпками, паклей, мусором. Но Господь не унимался, все стучал в Трубу и говорил громким шепотом:

— Сынок! Эй, сынок! Как ты там, без Божьей-то помощи? Эх, горе ты мое горькое, горе луковое! Молчишь? Ну помолчи, помолчи еще чуток! Вот Гордость кончится, тогда и заговоришь! Тогда и потолкуем с тобой!

Дьяво недоумевал, откуда Отцу известно об убытке его Гордости, но тем не менее ему об этом было известно.

Господь частенько подходил и к общей Трубе, только не во время сбросов (что лишний раз нижний народ баламутить!), а в промежутках между ними.

Под Трубой играли чертенята — чертовы дети, не приспособленные пока еще по младости лет ко всяким демоническим работам.

Резвясь и играя, они заглядывали в Трубу, любовались в просвет Трубы райскими кущами, а завидев его, Господа, кричали: «Дедка! Дай конфетку!».

Господь доставал из бездонных карманов своего одеяния разные сладости и бросал их чертенятам, с умилением наблюдая, с каким удовольствием поедают их эти ни в чем неповинные его создания.

Однажды его за подобным занятием застал Великий Праведник и раскричался так, что тошно стало:

— Ну и ну! Чертей, значит, подкармливаете?! Нехорошо, Господь-Батюшка, эдак поступать! Мы с ними борьбу ведем, дней и ночей не спим, а вы им конфетки суετε! Так они пуще прежнего разведутся, совсем покою не дадут!

— Да я разве чертей кормлю, — пытался оправдаться Господь, — я самых маленьких, безгрешных еще. Ведь малыши совсем, сладенького хочется им, а откуда у них там сладенькому взяться?.. Вон, посмотри, самый мой любимый малыш, Чертоша, — Господь подвел Великого Праведника к Трубе, — какой миленький, а? Вот только личико ему немножко от сажи отмыть — и чем не ангелок?..

Чертоша в этот момент стоял под Трубой и умильно смотрел вверх, ожидая, когда добрый Дедка появится еще раз и сбросит ему сладкое мороженое.

Великий Праведник как раз заглянул в Трубу и, увидев замызганного Чертошу с рожками, ожидающего подношения, тотчас отпрянул, скривившись от отвращения:

— Что вы такое говорите, Господь-Батюшка, только поганей рожки я не видел еще! Тьфу! Сгинь, нечисть проклятая! Сгинь! — и сплюнув, пошел прочь от Трубы.

— Эх, горе вы мое горькое, горе луковое, — с укоризной сказал Господь вслед уходящему Праведнику.

Под Трубой, внизу раздавались горькие рыдания обиженного чертенка. Господь позвал малыша:

— Чертоша, эй, Чертоша! Глянь-ко сюда!

Чертеночек посмотрел на Господа глазами, полными слез.

— Не слушай его, это нехороший дядя. Пойди-ко лучше ко мне, я тебя пожалею и мороженое дам.

— А как, Дедка? — Чертоша отер слезы. — Я уже пробовал туда забраться, но ничего не получилось, все время скатывался вниз.

— Просто так, без моей помощи ты, Чертоша, никогда сюда не заберешься, — шепотом сказал Господь. — Но если я разрешаю, значит, можно. Я тебе сейчас ступеньки сотворю.

Тотчас внутри Трубы появились очень удобные ступеньки, и чертеночек в мгновение ока взбежал по ним в Рай.

Господь усадил малыша на колени и, сунув ему мороженое, которое Чертоша тут же начал уписывать за обе щеки, принялся расспрашивать юного жителя Поднебья о его житье-бытье. Тот с живостью отвечал.

— Скажи, Чертоша, ты когда-нибудь пробовал умыться? — спросил Господь после своих безуспешных попыток стереть с лица малыша грязь, размазанную слезами.

— Никогда не пробовал! — с гордостью отвечал Чертоша. — Нам Тятяня мыться не велит. Говорит, раз мы черти, значит, должны чумазыми ходить!

— Ну, это он зря говорит, — с досадой пробурчал Господь. — Чистота — она никому еще не помешала. Тятяня! Ишь, чему детей учит!

— Непременно должны грязными ходить! — весело лопотал чертенок, — иначе кто ж нас бояться будет? А нам надо всех стращать, так Тятяня гутарит. Мы ж — черти, значит, стращать всех должны. Так положено нам.

Господь уже почти ничего не говорил и только печально качал головой в ответ на рассказы малыша:

— Эх, горе вы мое горькое, горе луковое, эх-хо-хо!..

— Дедка! — вдруг встрепенулся чертеныш. — Когда еще раз в Трубу заглянет этот противный дядька, я в него из рогатки стрельну. У него вот такой фингал вскочит! Будет знать, как забижать меня!

Господь опять покачал головой, не зная, что и возразить на подобное заявление:

— Эх, горе вы мое горькое. Горе луковое...

— Ну ладно, Дедка, мне пора! — сказал Чертоша. — А то меня маманя искать будет. Испужается, подумает, что где-нибудь в болоте утонул, у нас ведь такие страшные болота кругом!

— Иди, ненаглядный, иди, — проговорил Господь, спуская Чертошу с колен. — Как-нибудь опять придешь ко мне в гости.

— Приду, Дедка, приду, — весело крикнул чертенок, сбегая по ступенькам вниз.

Когда Чертоша скрылся из глаз, Господь, тяжело вздохнув, опять убрал ступеньки. Непонятно было только, по-

чему его так волновали бесовские проблемы и зачем ему, Господу, это было нужно.

Глава 7

БОЖИЙ ГРЕХ, или КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ

А Господу это было очень даже нужно, потому что... потому что беспокойно было у него на душе. Ведь не кто иной, как Дьяво и его народец, отдувались сейчас за все райские грехи. Заодно, конечно, и род людской. Но об этом никто не знал: ни ангелы, ни демоны, ни святые, ни праведники, ни уж тем более люди. Не знал об этом и Дьяво.

Дьяво думал, что он сам, по собственной воле, из своей великой Гордости ушел из Рая и обретается теперь в Поднебье. Ничего подобного. Не будь на то его, Божьей воли, никакая свободная воля Дьяво не смогла бы проявиться. Он, Господь, все это подстроил, потому что так было нужно.

И вот Всевышний все-таки решил признаться Дьяво в своем грехе, иначе уж было невозможно. Подойдя к личной Трубе и оглядевшись, нет ли кого кругом, Господь постучал в Трубу:

— Сынок, а сынок, ты слышишь меня?

Дьяво не отозвался напрямую, но кашлянул, желая показать, что он здесь и в принципе слушает.

— Сынок, подойди-ка поближе, мне нужно тебе что-то важное сказать.

Дьяво не проронил ни слова, но к Трубе подошел.

— Сынок мой любимый, самый чистый, самый светлый, самый умный из всех! Помнишь ли ты то время, когда здесь, на Небе, ты действительно был таким?

«Помню, помню, как не помнить», — сказал про себя Дьяво.

— Так вот, — продолжал Господь, — в то самое время в Раю скопилось очень много всяких грехов, всяких нечистот, всякой грязи. Никто их не замечал, только мне, как Богу и Творцу, дано было это видеть. Я не знаю, откуда взялись эти грехи, эта грязь. Наверное, я при сотворении мира допустил какой-то просчет, что-то недосмотрел, что-то недоделал. Но факт оставался фактом — на Небе обнаружались грехи, и надо было что-то с этим делать.

— Я не хотел весь Рай объявлять греховным и грязным, тогда надо было просто уничтожить его и делать заново, а где гарантия, что тот, новый мир получится опять без изъяна? Тогда я решил поступить по-другому: я решил собрать все грехи воедино и взвалить их на кого-нибудь одного. Пусть уж лучше один будет виноват, чем все разом. Я взвесил тяжесть этих грехов: никто из жителей тогдашнего Рая не смог бы поднять и с честью понести этот груз, кроме тебя, мой сын. Ты оказался еще и самым сильным. Только ты мог спасти Небо да и весь мир от грядущей катастрофы.

— И я пошел на *это*! Я принес в жертву собственного сына! Я сделал его козлом, *козлом отпущения*! Вот он, мой грех, мой великий грех, сынок!

Голос Бога потонул в рыданиях.

Вот это получался номер! Такого Дьяво действительно не ожидал! Он, конечно, знал, что он — козел, да и как

было не знать, если на голове рога, а на ногах копыта! Не знал он только, что является одним из самых несчастных козлов, которые когда-либо существовали, — козлом отпущения!

Да, здорово с ним Батяня обошелся! Ничего не скажешь — ловко придумано: вали все на серого! Вот и валят! Что получается — кто где когда какую гадость ни сделает, все оказывается он, Дьяво, виноват! А он, может, и не слыхивал об этом вовсе! У Дьяво от такой обиды даже слезы навернулись на глаза.

— Сынок, а сынок, — опять зашептал Господь, немного успокоившись, — ты уж прости, сынок, душу мою грешную, чего уж там. Ведь сделанного не исправишь. Самое ужасное в том, что изменить ничего нельзя. Грехи ведь продолжают образовываться и их надо, опять же, куда-то девать, кто-то должен их ликвидировать. Только твой народ вполне способен с ними справляться, да я вижу, они и не жалуются.

«Чего уж там, — хмыкнул про себя Дьяво, — райские колбаски, ситро, божья манна! Черти чумазые всё стерпят, куда ж им деваться, есть ведь что-то надо!»

— Я вот что еще хочу сказать тебе, сынок, — продолжал свои откровения Господь, — зря ты Гордость взял, когда уходил. Гордость — она что железяка, ее и не разгрызешь. Лучше б уж Смирение захватил, всё помягче да и повкуснее ведь будет. Я тебя сейчас Смирением попотчую, может, понравится тебе, сынок.

Господь повертел своим дорожной палкой дырку в Трубе и сыпанул вниз горсть чего-то, похожего на хлебные крошки. Дьяво взял одну крошку и положил на язык. Она источала ненавязчивый аромат горних просторов.

КТО ВИНОВАТ: БОГ-ОТЕЦ ИЛИ ПРИРОДА-МАТЬ?

«Попробовать или не стоит? — призадумался Дьяво. — А попробую! Хуже не будет!»

Он проглотил загадочную крошку и в тот же миг все его существо охватили покой и умиротворение. Обида на Бога прошла, слезы высохли. Дьяво даже не понимал, почему он минуту назад так нервничал.

«Что ж, блюдо, пожалуй, ничего», — решил Дьяво, присаживаясь на корточки и собирая оставшиеся крошки.

— Сынок, что — понравилось? — повеселел Господь.

— Понравилось, — буркнул Дьяво, не решаясь еще в открытую выражать свои чувства.

— Тогда я тебе сейчас все закрома заполню, будешь есть, когда пожелаешь! Да не бойся ты, Гордость твою я не трону, будь она неладна! Я все это рядышком уложу.

За стеной, в дьявольских закромах, что-то громыхнуло, сдвинулось. Дьяво любопытствовал в щелку. Господь разобрал часть крыши, сотворил громадный ларь и сыпал сейчас в него прямо из рукавов своего одеяния полноводной рекой новое кушанье. Гордость же скромно лежала в уголке, зажатая этим неподобающих размеров ларем. Да и осталось ее всего ничего, с небольшой сундучок. В другое время Дьяво бы возмутился подобными вещами, но сейчас почему-то решил промолчать.

Или съеденное Смирение уже начинало действовать?..

Теперь Господь и Дьяво, помирившись, часто беседовали, сидя в Потайной комнате, которую Господь сотворил прямо внутри личной Трубы. Им было что сказать друг другу.

— Отец, — сказал как-то Дьяво, — мне думается, вовсе и не ты виновен в этих так называемых райских грехах.

— Если не я, то кто же? — удивился Всевышний. — Ведь кроме меня тогда никого и на свете-то не было!

— Все дело в твоей матери, — задумчиво произнес Дьяво, — вот у нее и надо искать разгадку этому вопросу.

— Какой такой матери? — насторожился Господь. — Не было у меня никогда никакой матери!

— Как это — не было? — возразил Дьяво. — Мать, она, Батя, у всех должна быть. Вот отец не всегда бывает, а без матери никак нельзя.

— Что ты такое говоришь, сынок, даже в голове не укладывается, — пробурчал Господь, — какая может быть у Творца Небесного мать? Я сам себе и отец, и мать, и сын к тому же.

— Не было, говоришь, матери у тебя? — не унимался Дьяво. — А откуда же ты тогда взялся?

— Откуда я взялся? Откуда взялся, говоришь? — Господь даже задохнулся от возмущения. — Да я всегда тут был!

— Быть-то ты, может, и был, а вот появился ты откуда?

Всевышний сжал кулаки и тяжело дыша, начал ходить по комнате, стараясь остыть от гнева и бормоча про себя:

— Надо же, откуда я взялся?! — цедил он сквозь зубы. — До чего дожить!

«А ведь и вправду — откуда? — вдруг промелькнуло в голове. — Не мог же меня аист принести, и не нашли меня, как некоторых, в капусте. Интересный вопрос, надо будет над этим поразмыслить. А может, Дьяво чего знает? С какой стати он бы стал подобные вопросы задавать?»

— Сынок, а может, ты знаешь, кто моя мать? — спросил Господь как бы в шутку.

— Может, и знаю, — неопределенно отвечал Дьяво. — Во всяком случае, догадываюсь.

— Ну так скажи.

— Могу и сказать...

— Скажи, скажи, что же ты от родного отца такие вещи скрываешь?

— Да я не скрываю, я только недавно об этом подумал.

— Ну, так и кто же моя мать?

— Твоя мать, Отче, в тебе самом.

— Ну вот, приехали, Отца передразниваешь. Это я тебе только что говорил, что я сам для себя и отец, и мать, и сын к тому же.

— Я не передразниваю. Ты меня не так понял. То, из чего ты создан, Отец, и есть твоя мать.

— Ма-те-рия?.. При-ро-да?.. Так вот о чем ты говоришь?.. А я-то думал...

— Да я об этом говорю. О материи от слова «мать» и о природе от слова «род».

Господь впервые оглядел себя в большом, наскоро сотворенном зеркале.

— В общем-то, ты по-своему прав, сын мой. Я действительно из чего-то создан, из чего-то состою. А иначе бы ты

меня просто не увидел. Вот ведь какие дела происходят! Как это я раньше не подумал? Всё только заботы и хлопоты, всё только об ангелах, о чертях да о людях думаешь, а собой и заняться некогда. Кто б мог подумать — первый раз на себя в зеркало смотрю! И ведь состою же я из чего-то!..

— Ну конечно, я не из той материи состою, из которой их всех делаю, — начал успокаивать себя Господь. — Постой-ка, что значит — не из той? А из какой же еще? Другой откуда возьмется?.. Так что же такое получается? Если материя, субстанция, природа, ну, то есть материал, из которого я всех их делал, то есть из которого меня делали... Тьфу ты, запутался совсем...

Господь в очередной раз прошелся перед зеркалом:

— Короче, мы все: и я, Господь, и ангелы, и демоны, и даже люди сделаны из одного и того же вещества, значит, мы все одной и той же природы: я ничуть не лучше их, а они ничем не хуже меня... Все мы, как говорится, одним миром мазаны...

Дьяво осторожно вышел, чтобы не мешать.

«Нет, не может этого быть! Не может, да и всё! Это чтоб люди да черти — да вровень со мной, с Богом! Нет, нет, никогда! Надо бы у матери спросить, из чего я все-таки сделан, может, из чего-нибудь другого, особенно-го... Да, но где ее искать-то, эту мать... Тоже мне, нашел о чем подумать...»

Господь метался по Потайной комнате, как раненый зверь.

И зачем только Дьяво ему об этом сказал? Не было, как говорится, печали... А теперь вот размышляй: кто из чего сделан и кто кому кем приходится...

— Господь-Батюшка! Где вы?! — донесся до него из Рая голос Великого Праведника. — Ищем, ищем, и куда запропастились?!

— Опять зачем-то понадобился, — оторвался от своих размышлений Всевышний. — Уж и минуты нельзя одному побыть. Надо выходить, пока эту комнату не обнаружили, а то совсем тогда покоя не дадут.

Господь вышел в Рай, осторожно прикрыв дверь Потайной комнаты.

Глава 9

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ВЕЛИКИЙ ПРАВЕДНИК, ИЛИ «НЕ РОЙ ДРУГОМУ ЯМУ...»

Небесная канцелярия получила первые сведения о пребывании своих посланцев на земле, и они оказались не очень-то приятными. Все обеспокоились тем фактом, что ангелы неизвестно по каким причинам сбились с пути и в итоге попали в столь неприглядные души. Также очень огорчило служителей Рая все, что с ними потом произошло. Они стали искать Господа, чтобы сообщить ему о случившемся и решить, что делать дальше.

Великий Праведник встретился с Господом в тот момент, когда тот вышел из Потайной комнаты, где он беседовал с Дьяво о смысле бытия.

— Господь-Батюшка, что же это такое происходит на свете белом — сплошное безобразие! — кинулся Великий Праведник к Богу.

— А в чем дело?

— С нашими ангелами по пути через Поднебье что-то стряслось, и они попали из-за этого на земле в большую переделку.

— Интересно, интересно, что же это могло стрястись с нашими ангелами? — пробурчал Всевышний.

— Они сбились с пути и попали на земле совсем не в те души, в какие было запланировано, — начал отчитываться Праведник. — Наверное, черти проклятые подсустились, иначе с чего бы это все?

— Что вы всё на чертей валите, — возразил Господь, — сами, небось, тоже хороши!

— И не защищайте их, Господь-Батюшка. Черти, говорю вам, виноваты, чувствует мое праведное сердце. Больше некому. Вот давайте в зеркала посмотрим, тогда и убедитесь.

На Небе имелись специальные зеркала, с помощью которых райские служители могли наблюдать за происходящим не только на земле, но и в некоторых районах Поднебья. Зеркала обладали памятью и могли показать впоследствии разные запечатленные в них эпизоды.

Особое наблюдение велось за Небесной дорогой. Господь с Праведником прошли в Небесную канцелярию и приблизился к стене с зеркалами.

— Вот, посмотрите, Господь-Батюшка, а то вы думаете, я зря наговариваю.

Великий Праведник подошел к одному из них и нажал на рычаг управления. Зеркало осветилось изнутри. Показалась Небесная дорога. Она имела безмятежный вид. На придорожных деревьях не шевельнулось ни листочка. Вокруг не было ни души.

Праведник еще раз нажал на рычаг. Зеркало подернулось рябью. Эпизоды Небесной дороги замелькали в нем с ужасающей быстротой, пока наконец не остановились. Снова показалась дорога, только в правом верхнем углу зеркального экрана красными цифрами были написаны день, час и минута того момента, когда происходил спуск ангелов на землю.

Опять послышался тонкий свист, переходящий в рев. В зеркале показались ангельские шары. Они благополучно передвигались по дороге. Вдруг что-то черное, выскочив из-за придорожной кочки слева и с быстротой молнии прошигнув под ногами у ангелов, скрылось в ближайшей канаве. На экране произошел как бы всплеск, мгновение ничего не было видно, послышались грохот, скрежет и ругательства: «Черт побери, кто тут пугается под ногами?! — Мы потеряли направление, я не вижу дороги! — Я заметил под ногами что-то черное, наверное, мы задавили кого-то из чертей!..».

— Я думаю, для начала довольно, Господь-Батюшка.

Праведник подошел к зеркалу и остановил просмотр.

— Что вы теперь можете сказать?

— Что тут скажешь? Я и не знал, святейший, что мои ангелы, оказывается, могут ругаться не хуже чертей! Кроме того, они кого-то там еще и задавили, вот это уж действительно — безобразие!

— Господь-Батюшка, — опять занудил Великий Праведник, — сейчас не об этом нужно думать. Задавили и задавили, бес с ними, одним нечистым станет меньше, всё хлопот поубавится. Вы бы лучше подумали о том, кто им дорогу перебежал и с какой целью? Ведь с этого все неприятности и начались.

— Ладно, с ангелами за их поведение я потом разберусь, когда вернутся. А вот насчет перебежчика, так это, наверное, какой-нибудь чертенок, малыш ихний, с перепугу сиганул. Они ведь вон как скрежетали — до смерти напугаться можно!

— Всё-то вы упрощаете, Господь-Батюшка, — не унимался Праведник. — Чует мое праведное сердце, что тут дело нечисто и вряд ли это малыш. Давайте еще раз посмотрим.

Праведник прокрутил эпизод еще раз и остановил изображение на том месте, где черный клубок выскочил из-за кочки. Правдоискатель нажал еще одну кнопку. Черный клубок стал увеличиваться и вскоре принял совершенно реальные очертания черной кошки.

— А вы говорите — малыш! Кошка это! — с торжеством провозгласил святейший.

— Тем более кошка! Уж совсем пустое дело! Перепугали беднягу, она и бросилась бежать! Вечно вы, святейший, делаете из мухи слона, зря панику поднимаете!

— Э, не зря, Господь-Батюшка, вовсе даже не зря! — теперь уже с полной уверенностью воскликнул святейший. — Ладно бы просто кошка была, а ведь кошка-то — черная! Вон, глядите-ка! А ведь известно, если черная кошка дорогу перебежит — добру не бывать. Вот и нашли разгадку загадке, вот и ясненько все стало.

Господь призадумался.

— Пожалуй, ты прав, святой отец. Это меняет дело. Черная кошка могла наделать переполоху. Но опять же, кому мы можем претензии предъявить? Кошка — она все-таки животное, гуляет, где ей вздумается, ходит по своим кошачьим делам. Могла просто так, из вредности, дорогу пере-

бежать. Да и не серьезно как-то с кошкой счеты сводить, хоть она и черная.

— А вы не подумали, что ее мог кто-то послать?

— Об этом не подумал, — засмеялся Господь. — Кошку послать! Брось ты, святейший. Ну и кто же, например, ее послал?

— Дьяво, а то кто же еще!

— Устал я от тебя, святейший. Только и слышишь: Дьяво да черти, черти да Дьяво, а никаких доказательств нет. Хоть бы потрудились что разузнать.

— Хорошо, Господь-Батюшка, я раздобуду вам сведения насчет содеянного безобразия. Только в первую очередь надо решить, что же теперь с ангелами делать, вызволять их как-то надо, несладко им там сейчас приходится.

— Насчет ангелов я что-нибудь придумаю, — заверил Великого Праведника Господь, не зная уже, как избавиться от столь настойчивого радетеля за Божьи интересы.

Праведник, успокоенный, удалился.

А Господь не настолько был огорчен происшествием с ангелами, как представлял Великий Праведник. Если бы правдолюбец мог видеть Творца в тот момент, когда его оставил, он увидел бы Господа улыбающимся и даже потирающим от удовольствия руки. Это по официальной версии Бог посылал ангелов на землю для пущего торжества своих принципов. На самом же деле задумки у Творца были несколько иные, но он никому об этом не собирался докладывать.

Всевышний, конечно же, понимал, что никакими ангелами не повлиять на запутанное земное жите-бытие. Отправь он на землю хоть легион ангельских созданий, вряд ли из этого вышло что-либо путное. Земля являлась таким

местом, где сам черт, как говорится, ногу сломит. Однако жители Неба этого не понимали. Они обладали положительным, но достаточно однобоким восприятием мира и требовали того же и от людей, и от чертей. Но земля — не Небо, и люди — не ангелы. Господь хотел, чтобы ангелы лично убедились, что такое земная жизнь и каково там, на земле, оставаться честными, чистыми и милосердными. На Небе-то несложно ангелами быть, пусть вот на земле попробуют! Так что самые сокровенные замыслы Бога осуществлялись, и он радовался, что посланцы получают хороший жизненный урок, от которого наверняка уж поумнеют да и другим об этом расскажут с назидательной целью.

Еще он подумывал о том, к каким чертям услать Великого Праведника. Уж так он достал его своей праведностью, просто слов не находилось! Праведник, пожалуй, слишком долго засиделся в небесных чертогах, потому и потерял истинное представление о добре и зле, стал чересчур прямолинейным, самонадеянным. Не мешало бы ему проветриться, побывать в местах не столь отдаленных... А что если отправить его на землю, якобы для помощи попавшим в беду посланцам?.. Господь даже расхохотался, представляя, что из этого получится. Вот будет потеха! Насмеявшись вдоволь, он пошел искать святейшего, чтобы сообщить ему о своем решении.

Святейший и не подозревал, что его еще раз хотят подвергнуть такому жестокому испытанию, каким являлось пребывание на земле. Завидев Господа, он с радостью поспешил к нему навстречу, подумав, что Господь, наверное, уже решил, как помочь несчастным ангелам, и хочет ему об этом сообщить.

— Господь-Батюшка, что-нибудь решили насчет ангелов? — обратился Великий Праведник к Богу.

— Да, святейший, да, — ответил Господь.

— Ну так что же?

— На помощь к ангелам я решил послать тебя. Твое пребывание на земле было бы сейчас как нельзя кстати: ты и ангелов из беды выручишь, а заодно, глядишь, и людей на путь истинный наставишь.

Праведника как громом поразило. Некоторое время он стоял не шевелясь, с выпученными, как после кошмарного сна, глазами. Он, конечно же, жил на земле, но это было так давно, так давно, так давно, что и не вспомнишь. К тому же, воспоминания об этой жизни у него остались не совсем приятные, а точнее — совсем неприятные. А скольких трудов стоило ему вести там, внизу, свой благочестивый образ жизни! Легче усмирить тысячу чертей, чем еще раз такое попробовать! Но делать было нечего, отказываться в таких случаях не полагалось.

— Хорошо, Господь-Батюшка, — еле слышно прошептал Великий Праведник, — только как же...

— Ты хочешь сказать — Рай без тебя останется? — с юмором произнес Господь. — Ничего, святейший, я пригляжу, уж не сомневайся. К твоему прибытию черти тут не заведутся!..

— Не шутите, Боже, не до смеху мне, — со слезами в голове произнес Праведник. — Когда прикажете отправляться?

— Да чем скорее, тем лучше. Им ведь там тоже несладко приходится.

— Ну тогда прям сейчас и отправлюсь, вот только вещички кой-какие соберу.

Праведник понуро пошел собирать свои вещички. А Всевышний был рад, что ему так ловко удалось решить сразу два неприятных вопроса: и ангелам помочь, и от Праведника хоть на время избавиться.

Сборы Праведника были недолгими. Господь проводил его до Небесной дороги и долго смотрел, как удаляется святейший. И только когда совсем потерял его из виду, глубоко и с облегчением вздохнул, после чего со спокойной душой пошел делать свои Божьи дела. А их у Бога и Отца всех времен и народов было немало.

Глава 10

КАК СТАТЬ БОГОМ, ИЛИ КАК НЕ БЫТЬ ДЬЯВОЛОМ

После примирения с Богом Дьяво за очередным разговором решил спросить его о дальнейшей судьбе людского населения. Он, Дьяво, да черти понятно почему страдают — по необходимости, а вот людям-то к чему такие муки? С одной стороны, они были наказаны за непослушание, но не могут же их наказание и муки длиться вечно?

— Видишь ли, сыне, в чем дело, — ответил Господь, — теперешние люди почти не имеют никаких шансов попасть назад в Рай, потому что они гораздо дальше от меня, чем даже твой народ.

— Ты хочешь сказать — грешнее?

— Да, грешнее, сын мой, они настолько грешнее, что я не имею к их душам совсем никакого доступа. Между

мной и людьми лежит пропасть, и эта пропасть непреодолима.

— Но почему, Отец, почему?

— Сыне, подумай сам: твой народ питается райскими отходами и из-за этого он потерял бессмертие и приобрел свой теперешний облик: рога, копыта, шерсть... Люди же в свою очередь, питаются отходами Поднебья: ведь и у вас есть свои «райские колбаски», «райское сидро» и тому подобное. Вы ведь тоже сбрасываете на землю свои отходы, свой хлам, свои грехи. И всё это должны уничтожить люди. Для них эти отходы являются своеобразным душевным питанием. Подумай теперь, насколько они, таким образом, смертны и грешны, а также — безобразны. Ваш хлам действует на их души, а из-за своей душевной слепоты они не в состоянии его увидеть, их материальное облачение скрывает до поры до времени всю их мерзостную сущность.

Дьяво помрачнел:

— Неужели, Отец, им совершенно не на что надеяться? Ну должен же быть хоть какой-то выход?

— Выход есть, но...

— Что, Отец, говори, что?..

— Но спасти их можешь только ты, сын мой.

— Я?! — Дьяво даже вскочил от изумления и забегал по комнате. — Но каким образом?

— Ты гораздо ближе к ним, чем я. Ты можешь стать для них Богом, а также сделать у себя в Поднебье нечто похожее на Рай.

— Но ведь Бог ты, Отец, и не может быть другого Бога, кроме тебя!

— Это для тебя — не может, для ангелов не может, даже для твоего народа не может, а для людей — может. Я от них так далек, что они совсем забыли обо мне, так что ничего не стоит явиться перед ними в образе нового Бога.

— Но, Боже, они видят во мне только Дьявола, как же я предстану перед ними Богом?

— Богом предстанешь — Бога и увидят. Явись перед ними в образе Спасителя, и они встретят тебя с распростертыми объятиями.

— Как же я явлюсь им в образе Бога, если у меня рога и копыта? Ведь они сразу поймут, кто я такой, и не поверят в мои благие намерения!

— Сыне, — ответил Всевышний, — для того чтобы они тебя не узнали, тебе надо просто-напросто воплотиться, родиться на земле от земной женщины, на время стать человеком, тогда за твоей земной оболочкой ни твоих рогов, ни копыт они не увидят. Ты, сыне, являешься Спасителем Неба, но ты можешь стать и Спасителем земли.

— Теперь я все понял, и я согласен, Отец.

— Если ты и вправду хочешь помочь этим несчастным, то я готов тебе подсобить. У меня ведь тоже душа болит, — признался Господь. — Пойдем, я покажу тебе кое-что. Возможно, это поможет тебе в твоей благородной миссии.

Господь увлек за собой Дьяво в райскую дверь.

Дочь Бога, или БОЖЕСТВЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Господь подвел Дьяво к комнате, на двери которой огромными буквами было написано: «Творильня». Они прошли вовнутрь.

— Это, сыне, моя творческая мастерская, — с гордостью произнес Господь. — Отсюда вышли и земля и небо, и ангелы и демоны, и люди, конечно.

Дьяво благоговейно осмотрел помещение. Оно было заставлено всевозможными сосудами, котлами, чанами, в которых что-то шевелилось, булькало, переливалось, но в отличие от дьявольских чанов в них находились, конечно же, не грешники.

— Из этих материй я создаю всех земных и небесных тварей. По своей структуре вещество это одинаково во всех сосудах. Различается оно лишь по степени плотности. Из более плотной я создаю души земных существ, — Господь сунул руку в один из котлов и вытянул оттуда что-то похожее на тесто,

— А вот из этой, — он заглянул в другой сосуд и достал оттуда нечто легкое и прозрачное, похожее на тюль или туман, — вот из этого я творю ангелов и других райских обитателей.

— Почему такое различие? — заинтересовался Дьяво.

Господь тяжело вздохнул:

— Раньше, правда, я лепил их всех из одного котла. Дело в том, сын мой, что люди и ангелы находятся в нерав-

ных условиях, поэтому для людских душ требуется более прочный материал, нагрузка большая, не выдержат.

— Да, Отец, понимаю, — кивнул в ответ Дьяво.

— А вот это Озеро Любви, — Господь подвел Дьяво к небольшому озеру, чистота и прозрачность которого поразила Дьяво. — Здесь хранится моя Божественная Любовь в чистом виде, без всяких материальных примесей. Это самое дорогое, что у меня есть. Эта чистейшая любовь вытекает из меня в минуты особой радости, когда я купаюсь здесь. Я использую ее потом в актах творения. Любовь, хотя бы капелька любви, необходима при сотворении любой души, любого живого существа, от ангела до человека, иначе акт творения будет недействительным, то есть сотворенное существо впоследствии либо погибнет, либо принесет одно только зло.

«Так вот чего мне не хватало, — подумал Дьяво, глядя на Озеро Любви, — я ведь тоже неоднократно пробовал творить, но почему-то получались какие-то мерзкие уродцы, которых я после прогонял с глаз своих, до того противно было на них смотреть. Им не хватало любви, этого божественного нектара».

— Да, сынок, именно любви им и не хватало, — повторил Господь, как бы читая его мысли.

— А вот теперь, сыне, я хочу сообщить тебе о самом важном, для чего я тебя сюда позвал, — торжественно произнес Господь.

— Сыне! У меня родилась дочь!

У Дьяво глаза округлились от подобного сообщения.

— Как это — родилась? Что значит родилась?.. А кто же ее, с позволения спросить, мать?

— Да что ты все заладил: мать, мать... Дочь моя родилась прямо на моих глазах из этого озера тогда, когда у меня был небывалый всплеск любви, это случилось в тот день, когда мы с тобой помирились, сын мой. Она родилась именно от переизбытка любви, потому что такого количества этой субстанции в озере не было очень давно, не было с того момента, когда родился ты, сын мой.

— Я?! — Дьяво не знал, что и сказать.

— Да ты, Люци, ты. Ведь ты тоже вышел из этого озера, из моей Божественной Любви, поэтому ты рожденный, а не сотворенный, как думают все.

— Почему же ты мне никогда об этом не говорил?

— Потому что... — Господь замылся, — потому что это было тайной и ее нельзя было разглашать. Я не хотел, чтобы жители тогдашнего Рая считали тебя не таким, как они сами, тебе бы тогда стало очень одиноко, ведь они могли испугаться и отстраниться от тебя. Они и по сей день думают, что ты такой же, как они, сотворенный ангел, но только по каким-то неведомым им причинам я тебя приблизил к себе и назвал своим сыном, впрочем, они ведь все — мои дети, только не рожденные, а сотворенные. Они думают, что это просто моя блажь и, значит, Божьим сыном мог бы быть любой из них. Но различие между вами большое, вернее даже — непреодолимое. Ты не сотворен, ты — рожден, а это совершенно разные вещи. То есть ты, сыне, такой же Бог, как и я. Бог, сыне, должен рождаться от Бога и никак не может быть сотворен.

Дьяво был поражен подобными откровениями и не знал, что и подумать.

— Пойдем, я покажу тебе дочку, — продолжал Господь. — Она у меня тут, за занавесом. Я создал ей специаль-

ный бассейн, так как она пока что не хочет вылезать из плавательной среды. Днями напролет она плещется в воде, а чтобы ей не было там скучно, я развел для нее там всякую флору и фауну: рыбок, водоросли, дельфинов, медуз... и прочие прелести.

Они подошли к занавесу, из-за которого доносились шум, плеск воды и смех.

— Дочку зовут Любовь. Божественная Любовь. Это ее полное имя. Но я называю ее просто Лю. Так удобнее. Ты будешь поражен, когда увидишь Лю, настолько она прекрасна. Она красивее всех земных и небесных девушек, каких ты только можешь себе представить, прекрасна настолько, насколько может быть прекрасна Божественная Любовь во плоти.

— Послушай, Отец, — вдруг сказал Дьяво. — Я, пожалуй, дальше не пойду. Я ее отсюда посмотрю, из-за занавески.

— Почему, сынок? — удивился Господь.

— Ну, у меня рога, копыта, шерсть к тому ж. Она может испугаться.

Господь заулыбался:

— Люци, мальчик мой, тебе нечего бояться. Ведь ты находишься в Раю, а в Рай с грехами войти невозможно. Грехи твои, то есть, рога, копыта и прочее, остались там, за дверью Потайной комнаты. Здесь ты находишься в своем истинном облике — в облике чистого и прекрасного юноши, правда, когда ты опять спустишься в Поднебье, ты снова станешь прежним, но тут уж ничего не поделаешь.

Дьяво посмотрел на себя в зеркало — да, действительно, он был уже другим, без рогов и копыт, сильным, молодым и красивым, — и как это он раньше не заметил?

— Кстати, Отец, почему ты зовешь меня сейчас Люци? Это что, мое новое имя вместе с моим новым обликом? — спросил Дьяво.

— Сынок, это не твое новое имя, это твое старое имя, твое настоящее имя и есть. Как же ты мог его забыть?

Дьяво стал что-то припоминать:

— Люци... Люци... Люцифер — так, кажется, меня звали?

— Совершенно верно, сынок, — подтвердил Господь, — именно Люцифер и есть твое настоящее имя.

Дьяво теперь уже без смущения шагнул вместе с Богом за занавеску.

— Дочка, Лю! Поди ко мне, — позвал Господь, — смотри, кто к нам пришел!

— Сейчас, Отец, плыву! — она вместе с маленьким дельфинчиком бросилась наперегонки к берегу. Через минуту Лю была уже на берегу и, низко поклонившись Отцу, широко раскрытыми глазами смотрела на Дьяво.

— Кто это, Отец?

— Это твой брат, дочка и зовут его Люци, Люцифер. Правда, у него есть еще другое имя, но оно тебе ни к чему.

— Люци, Люцифер, — повторила девушка. — А меня зовут Лю, Любовь.

— Я знаю, — тихо сказал Дьяво.

Лю была действительно прекрасна, и Дьяво не мог на нее налюбоваться. Длинные золотистые волосы от каждого движения издавали легкий, едва различимый звон, как если бы они были из чистого золота, кожа имела ослепительно молочную белизну, а взгляд ее ярких голубых глаз не поддавался описанию.

— Отец, — сказала Лю, — но ты ведь не говорил, что у меня есть брат? И почему он раньше к нам не приходил?

— Дочка, дело в том, что он живет не с нами, не в Раю, а совсем в другом месте. К тому же, у него было очень много всяких срочных дел, поэтому он и не мог тебя сразу навестить.

Господь вдруг засуетился:

— Ты иди, дочка, играй, а нам с Люци пора идти, у нас тут еще важное дело есть.

— Хорошо, Отец, — покорно произнесла Лю и направилась к бассейну.

Господь и Дьяво скрылись за занавесом.

— Ну что, видел? — с гордостью произнес Господь.

— Такой красоты, честно говоря, видеть не приходилось, — ответил Дьяво. — Как же тебе удалось такое... — Дьяво не знал, какое слово произнести в данном случае: «создать» вроде бы не годилось, «родить» как-то не звучало. — Как же тебе удалось такое произвести? — нашелся наконец Дьяво.

— А кто ж его знает! — машинально произнес Господь.

Он и сам не имел понятия, как это произошло. Это ведь был акт рождения, а не творения. А отследить такое дело даже Господь был не в состоянии.

— Вот, получилось, знаешь ли, — только и смог добавить Всевышний.

Рождение дочери, так же как и рождение в свое время сына, было для Всевышнего явлением непостижимым. Поэтому он скрыл тогда от всех тот факт, что Люцифер является рожденным, а не сотворенным, так как не мог объяснить этот факт даже самому себе. Знал он только одно — что дочь родилась неспроста. Ведь неспроста же в свое время родился сын! После этого должны были произойти какие-то события, какие-то перемены. Это беспокоило Господа,

в связи с чем он после рождения дочери находился в сильном волнении. Мучило еще и другое: как могло такое случиться, если он — всезнающий, всеведущий, всемогущий — был бессилён и несведущ перед такими грандиозными событиями, как рождение дочери, сына, а также появление грехов. Как могло такое произойти? Смешно сказать, он даже не знает точно, с достоверностью, откуда он сам, собственно, взялся? Даже этого не знает, о чем еще говорить? Таким образом, получается, что на свете есть еще кто-то, более могущественный, чем он, а он, Бог, даже не имеет понятия о его существовании!

Господь, вконец раздосадованный от таких мыслей, на прощание рассеянно пожал Дьяво руку. Тот скрылся за дверью, ведущей в Поднебье.

— Кто, кто, кто это таинственное существо? — в отчаянии проговорил Господь. — Где его найти?

Но все его вопросы остались без ответа. Ответа на них никто не знал.

Глава 12

Для кого в Рай нету входа, или Для кого из Преисподней нету выхода

Небесная дорога издавна привлекала жителей Поднебья тем, что по ней, на первый взгляд, можно было запросто попасть в Рай. Но это только на первый взгляд. На самом же деле двигаться по этой дороге можно было только в од-

ном направлении: из Рая в Поднебье и далее — на землю, но никак не из Поднебья в Рай.

Многие бесы, бесята и бесятки пробовали пробежаться по дороге в сторону заветного местечка, но ничего не получалось, при приближении к воротам сильный ветер оттуда, из Райских врат, сдувал их всех напрочь и не давал сделать даже шагу в нужном направлении. Как раз наоборот: халывчики попадали после своих попыток туда, где меньше всего мечтали бы очутиться — на землю, и зывали потом из какого-нибудь земного болота или буерака с криками о помощи.

Поднебовцы выручали своих сородичей-бедолаг, спуская им сверху веревку, лестницу или просто цепляя несчастных багром. Можно было попасть в родные пенаты, забравшись на вершину высокого дерева или дома, запрыгнув на проходящую мимо тучку. Но таким способом пользовались только самые смекалистые и не робкого десятка.

Существовали, правда, специальные ступени, по которым с земли поднимались в Поднебье или — наоборот, но вход на них был закрыт и открывался по особому распоряжению Дьяво для важных дел. В остальное время вход на эти ступени охранялся, дабы кто из людей не смог пробраться по ним в Поднебье.

Ступеней этих было 666. Сам Дьяво одолевал их в три шага, взрослые бесы — в 33, а молоденьким бесяткам приходилось делать аж 333 шажочка!

Непонятно было только, как ангелы и другие небесные посланцы, время от времени посещавшие землю, потом оттуда выбирались. По Небесной дороге можно было дви-

гаться только в одном направлении. Совершенно очевидно, что ни лестницей, ни баграми, ни тем более бесовскими ступеньками они для этой цели не пользовались. Да и попасть таким способом можно было только в Поднебье, но никак не в Рай.

Выбираться-то они, конечно же, выбирались, но не такими примитивными способами. Внутри самой высокой земной горы соорудили подъемник, доступ в который имели лишь представители небес. Для поднебовцев, а также для людей подъемник был просто-напросто невидим и неосязаем, поэтому они и не знали о его существовании. Двигаться же это устройство могло тоже только в одном направлении — вверх. Как только подъемник прибывал в Рай и за последним прибывшим закрывались двери, небесный лифт каким-то чудесным образом оказывался внизу, в земной горе, на прежнем месте. Это было придумано Богом для того, чтобы жители Небес совсем уж не разленились, чтобы спуск на землю происходил не в лифте, а старым дедовским способом: по Небесной дорожке.

Как ни странно, в подъемник иногда попадали людские души, причем самые непотребные — души воров, алкоголиков, убийц. Наверное, таковых засасывали туда земные смерчи, если их обладатели умирали в сильную непогоду.

Поднимавшиеся наверх ангелы и святые брезгливо подбирали свои блистающие одежды, завидев непрошенных гостей, которые сами не понимали, где они и что с ними. Но святые никаких действий против них не предпринимали, потому что знали, что при прохождении подъемника через Поднебье, специальная система очистки не позволит этим негодяям проникнуть дальше. Очистительный ветер через

особое отверстие выдувал всех их в Поднебье. Грешники начинали скитаться по стране, выпрашивая милостыню и пугая детей.

Черти, а в особенности чертихи — чертовы мадам, не очень-то жаловали выходцев с того света. И когда какой-нибудь бывший земной пропойца стучался под окном, прося вынести стопарик водки да кусок хлеба на заедку, хозяйка выбегала по большей части не с милостыней, а с каким-либо увесистым предметом, норовя съездить гнусного просильца по хребту, чтобы тому неповадно было больше наведываться.

— Сгинь, нечисть! — кричала чертиха. — Ишь, повадись ходить, погубили на вас нету!

— От нечисти слышу! — огрызнулся гонимый. — Чертовка ты эдакая! Чтоб у тебя рога отсохли, чтоб у тебя копыто подвернулось!

— Иди, иди, проваливай! — не унималась чертова баба. — А то сейчас душегубов кликну, в Душегубку тебя отправят!

При этих словах нечестивец мгновенно исчезал, так как никому из них в эту самую Душегубку попасть не хотелось.

Душегубка, а также Преисподняя являлись теми самыми последними местами, куда могли попасть после смерти людские души и их бранные тела.

Людские души Дьяво использовал в основном для обогреть Поднебья. А что еще с ними было делать, ведь Бог о них и слышать не хотел! Не пропадать же добру! Для этого кроме Преисподней в самом Поднебье Дьяво придумал соорудить озеро с кипящей смолой. Это озеро и прозывалось Душегубкой.

Дьяво заметил, что чем грешнее была душа, тем жарче она горела и давала гораздо больше тепла. Поэтому для него в некотором роде была небезразлична степень грешности людских душ. Какой смысл разводить праведников, если они все равно, за редким исключением, оставались невосребованными, а в качестве материала для горения были, считай что, непригодными. От них только дым валил — сырой да едкий, а от некоторых и вовсе лишь легкий парок поднимался.

Для Душегубки Дьяво старался отбирать заядлых алкашей. Они, пропитанные за долгие годы земного пьянства винными парами, горели превосходно и давали при этом отменное тепло. Дьяво даже сам ходил любоваться на сжигание особо прославленных выпивох. Каким же жутким пламенем они горели! Это ж надо, до чего можно дойти в своих безобразиях, чтобы потом так гореть!

Итак, в лучшем случае скитальцев ждала Душегубка, в худшем — их опять же отправляли вниз, чтобы спалить потом в Преисподней.

Поднебесы недоумевали, откуда брались эти несанкционированные негодяи, скитающиеся по стране. Ведь тех, которых использовали для сжигания в Душегубке, привозили в хорошо запечатанных контейнерах, выбраться из которых было практически невозможно. Крышки контейнеров, все щели и щелочки запечатывались магическими заклятиями и проклятиями, и даже если какая-либо разудалая душа попыталась бы сбежать через какую-либо щелку, все равно она бы не смогла преодолеть силу этих могущественных заклинаний. Да и при отправке контейнеров души пересчитывались, после прибытия — пере-

считывались заново. Все сходилось, никто еще при счете не потерялся.

Нижние жители отправили по этому поводу возмущенное письмо в Рай, в Небесную канцелярию. Оттуда ответили, что знать этих личностей не знают и откуда они берутся — понятия не имеют, во всяком случае, не с Небес.

Так это дело и зависло. Оставалось только одно — отлавливать время от времени мерзких инородцев, как бродячих псов, и проводить над ними соответствующую экзекуцию.

Этим занимались душегубы — ловцы бродячих душ. Дьяво платил им хорошее вознаграждение за такую неприятную работу, и они старались всюю.

Душегубы ходили с огромными сачками и внушительными заплочными мешками. У многих в мешках уже копошились и попискивали пойманные нечестивцы. Особо злобные покрывали своих ловителей из мешка отборной бранью и даже матом.

Часто можно было видеть, как какой-нибудь душегуб с развевающимся по ветру сачком гнал за очередным призраком многие мили, пока, наконец, не излавливал и не упрятывал его в мешок. После того как мешки заполнялись под самую завязку, душегубы относили их к озеру и под пение особых заклинаний вытряхивали грешников в смолу. На этом закачивались для бедняг их земные и небесные странствия, так как из Душегубки, равно как из Преисподней, никто еще никогда не выбирался.

ПОДЗЕМЬЕ, ИЛИ ПРЕИСПОДНЯЯ

Прямо под землей находилась еще одна местность — мрачное Подземье. Эта область была в полном распоряжении чертей, правда, в отличие от Поднебья там черти не жили, а работали. Солнце сюда почти не заглядывало, разве что перед самым закатом ненадолго освещало этот край зловещим темно-багровым заревом. Впрочем, здесь имелось свое, местное освещение, которое исходило от пылавших в изобилии костров, печей, жарилен и варилен.

Этот подземный завод по переработке отходов жизни назывался Преисподней, или Адом. Если в самом Поднебье, в Душегубке сжигались грешные людские души, то в Преисподнюю поступали бранные людские тела после их естественной или неестественной смерти. Таким образом происходила очистка земли от разных там разлагающихся элементов. Помилуйте! Разве можно антисанитарию разводить? Да и воняет очень, если не прибрать вовремя! Люди думают, что это черви поедают их тленные останки, что в корне неправильно. Где столько червей набрать, это ж полчища нужны, а откуда их взять? Да и работают они медленно, точат, точат, даже на один экземпляр — и то сколько времени уходит, а от него ведь несет невыносимо, поэтому лучше бывает, если побыстрее. То ли дело адская печь: швырнул туда — и готово: ни вони, ни мороки.

Это раньше черви были в чести, а сейчас другая технология, более быстрая и современная. Также при сжигании происходила подтопка земли и Поднебья. Если не подтап-

ливать, то и окоченеть можно. На солнце ведь тоже особых надежд возлагать не приходилось, светить-то оно светит, а вот греет далеко не всегда.

В Подземье из Поднебья вели каменные ступени, они шли прямо в Преисподнюю, минуя землю. Ступени располагались в сумрачном сыром тоннеле, который освещался на всем протяжении смоляными факелами. Тоннель охранялся на входе и выходе двумя громадными охранниками. И хотя вряд ли кто из людей при жизни имел такую возможность пройти туда либо обратно по этому тоннелю, охрана велась так, на всякий случай, для порядку, мало ли что...

В Преисподней работал особый род чертей — *черто́сы*. Они были выше ростом, мощнее сложением и чернее наружностью по сравнению с другими поднебовцами. От жаркой потной работы шерсть на их телах практически не произрастала, да если б и выросла, все равно б спалилась у костров и печей.

Женское население у чертосов прозывалось *чумичками*. Чумички были грязными, замызганными чертовками, со спутанными, невымытыми волосами, отродясь не носившие никаких нарядов и даже презиравшие их. Все их одеяние состояло из длинных холщовых, донельзя заношенных размахаек. На работу они надевали поверх размахаек брезентовые фартуки.

Излюбленным занятием чумичек в свободное время являлось курение трубок. Район Поднебья — *Очумково*, где жили чумички с чертосами, был весь задымленным. Это чумички день-деньской смолили трубки — *чумки*, как они их называли. Чумки дымились у них на манер адских котлов.

Чертосы же хоть и любили посмолить, но в большей степени им нравилось нюхать табак, а также пить особое, *очумковское* пиво, которое они варили с примесью адской золы, поставляемой для этих целей из Подземья. Зола придавала неповторимый цвет, аромат и крепость напитку. Райское сидро, льющееся из Трубы, по сравнению с этим пивом казалось простой газировкой.

Работу свою чертосы и чумички передавали из поколения в поколение детям, внукам и правнукам, и никакой другой житель Поднебья не мог на нее рассчитывать. (Честно говоря, никто такой тяжелой и грязной работы и не жаждал!) Маленькие чертосики с раннего детства помогали своим отцам поддерживать огонь в кострах и печах, а девочки-чумички оказывали матерям помощь в выгребании золы.

Руководили всем этим производством чертос Гробила и его супруга чумичка Варька. Гробила командовал чертосами, Варька — чумичками. Они вели график выхода чертей на работу, наказывали за прогулы и нерадение. Следили за исправностью печей, котлов и прочих адских приспособлений.

Многие костры и котлы находились прямо под кладбищами. Работа велась в основном по ночам. Каждый вечер чертосы-смотрители обходили вверенные им кладбища с целью обнаружения новых поступлений. Свежезакопанную могилку открывали снизу специальными крючьями, и вновь упокоившийся вместе с гробом опускался на адскую тележку, после чего его отвозили к ближайшему костру или печи. После предварительного осмотра гроб с телом покойного забирали и забрасывали прямиком в адское пламя. Это пламя имело свою специфику: оно сжигало только тела, а кости, гроб и разные там одеяния и смерт-

ные придамбасы: подушечки, покрывала, веночки и цветочки — оставались нетронутыми. А зачем их жечь, они же не воняют! После сжигания неприятно пахнущих частей гроб забрасывался в яму заново, место захоронения аккуратно упаковывалось, и — здравсте-пожалуйста! — как будто ничего и не происходило. Если кто захочет еще раз полюбоваться на упокоившегося — милости просим! — он в целостности и сохранности, правда, теперь уже в виде набора костей, ну тут уж ничего не поделаешь — чем богаты, как говорится, тем и рады, не нравится — не смотри!

Но не все могилки можно было обработать подобным образом. На некоторые из них было наложено заклятие. Это те места, куда хоронили колдунов, знахарей, вампиров и прочую людскую нечисть. После смерти они намеревались еще долго вести развеселую жизнь — вылезать из могил по ночам и вытворять всяческие безобразия.

Время своей кончины они знали заранее, поэтому места для вынужденной лежки выбирали сами еще при жизни и обрабатывали его специальными заклинаниями, чтобы даже адские черти не смогли нарушить их уединение. Поэтому когда чертосы натыкались на подобное захоронение, открыть гробовую яму не представлялось возможным. Крючья натыкались на невидимую непробиваемую стену, и служители Преисподней отходили в сторону несолено хлебавши. Мало того, эти окаянные покойники оттуда, сверху, из своих гробов, крыли чертей ужасной руганью, корча страшные рожи, пытаясь даже ухватить за что-либо своих могильщиков, чтобы поцарапать или укусить. А некоторым мечталось и кровушки чертовской попить! Поэтому приходилось быть особо осторожными с этим мерзким народцем.

И только Гробила с Варькой могли отчитать проклятых колдунов, ведьм и вампиров, отправить их нечистые тела на переплавку. Для сжигания подобных останков существовала специальная Колдовская печь. Огонь в ней был невероятно сильный, испепеляющий, сжигающий даже кости. Колдовские кости сжигались на всякий случай, чтобы уж наверняка. Чтобы ни слуху, ни духу не оставалось. А то — мало ли что... Гробы в колдовские могилки забрасывались уже пустыми, без костей. Да так оно и естественней, ведь ясное же дело, кто тут похоронен. Ушел покойничек погулять, да и не вернулся, а когда придет — неведомо, может, вообще — тью-тю лю-лю, где-нибудь прижился...

С человеческими телами все ж таки больших проблем не случалось, гораздо трудней приходилось с душами. Человеческие души находились в сердцах. Поэтому после смерти надо было просмотреть каждое человеческое сердце на предмет обнаружения и доставания оттуда души. Это была нелегкая работа, потому что далеко не в каждом сердце ее можно было обнаружить. Некоторые сердца были пустыми. Приходилось искать небесное сокровище по всему телу. Иногда душа обнаруживалась в голове, иногда — в животе, иногда — в пятках, а в некоторых случаях и вовсе, простите, в заднем месте. Случалось временами, когда душа не обнаруживалась вовсе: то ли ей самой каким-то образом удавалось выбраться из тела и куда-то пропасть, то ли ее не было совсем.

Людские души до отправки их в Поднебье хранились в *Душехранилище*. Поскольку души в отличие от тел и после смерти оставались живыми, то с их хранением имелись определенные трудности. Из Душехранилища все время доносился неумолчный шум и гам, какие-то вопли и кри-

ки. Души то и дело между собой ссорились, дрались, выясняли отношения, друг друга притесняли и оскорбляли. Черти недоумевали — как так можно, уж после смерти-то следовало бы вести себя поприличней, из-за чего уж тут, в Аду, ссориться, чего делить? От этого постоянного шума у чертосов и чумичек, которые работали рядом с Душехранилищем, ужасно болела голова. Но на все их претензии и просьбы вести себя потише и поскромнее эти бессовестные только шумели пуще и посылали всех подземных просителей куда подальше. Для их угомону, правда, изобрели не так давно специальное приспособление. На крыше Душехранилища установили бак с водой, в потолке проделали мелкие дырочки — получилось что-то вроде душа, и, когда шум становился невыносимым, из этого «душа» поливали все сборище водой.

От воды души размокали и валились наземь как подкошенные, говорить и кричать после этого у них не было возможности. И пока они высыхали, а на это уходило часа два, можно было немножко отдохнуть.

Двери Душехранилища нельзя было вот просто взять и открыть. Целый сонм душ всегда толпился у выхода, надеясь на оплошность чертей, ведь если открыть без предосторожностей, непременно кто-нибудь вылетит. Однажды какой-то нерадивый черт зазевался, открыл, не подумавши, — так вырвалось сразу с десяток потусторонних субъектов и разлетелось по Подземью. Пришлось потом снаряжать целый поисковый отряд и ловить этих бестий по всем закоулкам. Не уверены, правда, что всех поймали. Несколько душ где-то схоронились.

А иначе к чему бы некоторым чертосам после ночного дежурства призраки стали чудиться! Правда, не поймешь, то ли призраки это, то ли какой подземный туман, но опре-

деленно какие-то личности несколько раз вырисовывались. Да ладно б только призраки чудились, а то у чумичек стали исчезать съестные припасы, взятые с собой на работу! Да ладно б припасы, а то вон адские костры уже который раз сами по себе угасают! Наверное, тушат, мерзавцы, из вредности! Доставили даже спецсобак из Поднебья, чтобы разнюхали, где эти окаянные прячутся, но всё напрасно. Это же не люди, а души их, как ты их унюхаешь, такие собаки еще не родились, чтобы души ловить. После такого случая придумали следующее: прямо у выхода поставили два мощных насоса, перед открыванием дверей нажимаешь на кнопки — и струя воздуха сдувает все души в самый дальний угол на безопасное расстояние, после чего можно уже открывать двери.

Глава 14

СУДЬБА ПРАВЕДНИКОВ, или Божья Ладья

Души праведников, попавшие после смерти туда же, куда и все, конечно же, были посмирнее, они тихо сидели, придулившись где-нибудь в уголке. Они тоже страдали от безобразного и беспокойного общества, которое их окружало. Им было непонятно, за что они должны мучиться еще и после смерти, ведь вроде как им обещали отдохновение в райских куцах. А получается, что — нет, не попали они в божественные чертоги. Тогда ради чего они от всех земных радостей отказывались, Божьи заветы блюли, чтобы вот здесь потом со всякими проходимцами находиться?

Этим вопросом и были озабочены праведные души, но ответа на него так и не находили. Была еще надежда, что это последнее испытание перед отправкой на Небо. Но не знали они, что никакой отправки в Рай им уже не дожидаться. Почему? Потому что никакие земные праведники Раю не требовались, там их уже некуда было девать. Так что реальный прием праведников снизу давно прекратили. Но никто об этом не знал. Потому что изредка души некоторых праведников все ж таки забирали на Небо, но, так сказать, с показательной целью. И подготовка к этому событию осуществлялась еще задолго до смерти избранного субъекта.

За особо прекрасной душой снаряжали *Божью Ладью*, в нее садилось специально обученное Божье воинство — все в грозных латах и других доспехах, со щитами, копьями и прочим вооружением. С собой прихватывали еще кучу простых ангелов — душеносцев, которые должны были встретить праведную душу после выхода ее из тела и сопроводить ее в райские пределы.

Под райскую музыку и пение Ладья торжественно спустилась с Небес к ложу умирающего праведника. Люди, конечно, ничего такого не видели. Зато поднебесы могли вдоволь насладиться этим ослепительным зрелищем. Некоторые черти так и оставались стоять, разинув рот, долгие минуты провожая взглядом эту роскошную, переливающуюся всеми цветами радуги Ладью, проплывающую туда, а потом и обратно.

Предсмертные черти, которые перед самой кончиной любого человека всегда находились поблизости и следили за душой, дабы она ненароком куда не сбежала, в данном случае предпочитали не вмешиваться. Все равно ничего тут уже не обломится. Лучше не лезть, несмотря на то ка-

СТРАЩАЛКИ, или ПОБОЙСЯ ЧЕРТА!

ким в реальности козлом был этот так называемый праведник. И со списком его грехов лучше было в Ладью не соваться. Небесные охранники шибут, как пить дать останешься без рогов и копыт, да еще обсмеют принародно, вынув тут же свой список, в котором никаких грехов не значилось и в помине, а числились только добрые дела, да еще в неимоверном количестве.

Спустившись к умирающему, ангелы золотым ключом отпирали его сердце и торжественно выводили оттуда трепещущую от радостного благоговения праведную душу, в некоторых случаях едва живую и замученную до неузнаваемости.

С радостными возгласами ангелы принимали затворницу в свои объятия, выводили к Ладье, где ее приветствовали еще более радостные возгласы небесной охраны. Душа облачалась в райские одеяния, ее торжественно усаживали в Ладью — на особый трон, и вся Божья рать начала победоносно возноситься на Небо. По прибытии на Небо праведной душе устраивалась пышная встреча.

Но не все так просто. Вся эта пышность была для отвода глаз. Если вновь прибывший праведник не соответствовал заявленной праведности, с ним особо не церемонились. Через некоторое время к нему посылались райские служащие — окончательные вершители судеб. Его облачали в холщовые одежды, завязывали глаза и рот и темной ночью отводили к специальному отверстию, которое было проделано прямо над чертовской Душегубкой — озером с кипящей смолой. После этого новоиспеченного праведника сбрасывали в смолу. Тот не успевал и охнуть, как его вместе с его праведностью поглощала уже навеки недружелюбная адская субстанция.

Для того чтобы со всей серьезностью, по всем правилам искусства стращать земных обитателей, Дьяво в Поднебье учредил соответствующее учебное заведение под названием Школа Страха. Обучаться в нем чертеныши начинали с самого мало-мальски пригодного для этих занятий возраста, едва только научившись ходить и разговаривать. И любой поднебовец обязан был поступить для обучения в Школу Страха, иначе он не мог считаться полноценным чертом.

В Школе обучались не один год, а многие лета; обучались как безобидным испугам, так впоследствии, уже в старших классах, и самым изощренным наваждениям. Это нужно было для того, чтобы оправдать перед землей и небом свое природное назначение: раз ты черт, значит, тебя должны бояться.

Пугать ангелов и других жителей Рая у поднебовцев не было никакой возможности по причине недоступности для бесовского сословия этих самых краев. Брать на испуг своих сородичей тоже считалось опасным, так можно и по физиономии схлопотать. В конечном итоге, все свое мастерство в деле страха и испуга чертям приходилось демонстрировать лишь людскому населению.

В начальных классах Школы малышей обучали лишь умению производить незначительные шумы: шорохи и шелесты. Эти шумы являлись как бы фоном для более серьезных звуковых атак. Шорохи и шелесты делались в жилых домах, да и то лишь ночью, в других местах и в другое время их просто не слышали бы.

Темной тихой ночью, когда все обитатели намеченного дома укладывались спать и всё вокруг на короткое время стихало, вдруг ненароком, исподволь начиналось шуршание за печкой, потом — стихало; потом возникало опять, но уже под полом; затем проносился легкий, как дуновение ветерка, шелест под потолком; потом чуть-чуть шелестело вдоль стен, слегка задевались тюлевые занавеси; опять под полом как бы шуршала бумагой мышь (хотя какая под полом может быть бумага?); по дому в дальних комнатах шаркали чьи-то то приближающиеся, то удаляющиеся шаги; поскрипывали половицы, шелестели тараканы на кухонных полках и тому подобное. Вот примерно и все, что умели малыши. Остальному надо было учиться в старших классах.

Самыми распространенными стращалками являлись стучалки, так как все эти шорохи и шелесты были чисто подготовительной работой и могли испугать только лишь субъекта очень мнительного или какую-нибудь кисейную барышню.

Стучать было гораздо веселее, чем шелестеть, и чертеньята постарше с удовольствием этим занимались. Но даже в таком простом деле, как стучание, тоже была своя система. Стуки обычно начинались на чердаке или на крыше: тук-тук-тук. Так было более естественно, стук наверху не производил такого резкого пугающего эффекта, как стук в дверь, хотя непонятно — почему? Кто мог стучать ночью по крыше, дятел, что ли?

После крыши легонько простукивались стены: то — тут, то — там, то — тут, то — там. Потом приходила очередь идти в подполье и оттуда выбивать веселые мелодии. Но на многих, сильных духом жильцов, эта чердачно-застенно-подпольная стукотня не производила ровно никакого дей-

ствия, только дети иногда спрашивали своих мамаш: «Мам, это что, Баба-яга стучится?» — «Да, дитяtko, — сонно отвечала мамаша, намаявшись за день, — и если ты не будешь спать, она тебя заберет». Ребенок от страха прятался под одеяло и тут же засыпал.

Вся эта барабанная симфония заканчивалась стуком в двери или в окна, который действительно мог напугать людей. Тут тоже стучали по-разному: куда — тихо и вкрадчиво, куда — властно и сильно, куда — разбойно и грубо. Естественно, что на вопрос хозяина: «Кто там?» — за дверью никто не отзывался, что, конечно же, производило должное впечатление. Однако самым излюбленным в этом виде стращания был стук в окно, но не первого, а более высоких этажей. Такой стук давал потрясающий эффект, особенно если при этом показаться в окне какой-нибудь чудной рожей.

В систему стращания входило также явление чертей народу, когда в своем первоизданном виде, когда — в чьем-либо образе. Стращание образом лучше всего получалось в нежилых местах, будь то сарай или баня, либо амбар, погреб, а то и просто сенцы. В сарае или хлеву хорошо было объявиться таким животным, какого у хозяев и в помине не водилось, в бане или погребе прошмыгнуть лягушкой или змеей, в амбаре или сенцах сигануть дикой кошкой, норовящей выпцарапать глаза.

Особым почетом в Школе пользовались музыкальные стращалки. О, тут требовалось не только особое мастерство, но и определенные способности! В Школе для особо одаренных учеников был создан музыкальный класс, производились хоровые спевки под руководством опытных хормейстеров. Спевки делались в основном без слов, со словами — это, пожалуй, было бы слишком и не так устрашающе.

В основном распевали гласные: кто тянул «у», кто «о», кто «и». Некоторые усложняли задачу, добавляя к оним гласным еще два-три звука. Получалось что-то типа «уй», «ой», «о-ёй» или «ая-йй». Зато как прекрасно звучал такой хор, когда затягивались все звуки в совокупности! Хормейстеры не покидали своих подопечных и тогда, когда требовалось осуществить пение в земных условиях, сидя в печной трубе и имитируя вой ветра, а также подлаживаясь под завывание волков и рев бурана в чистом поле. Музыкальные бесята и на земле с удовольствием исполняли свои страшалки.

Музицировать можно было не только сидя в печной трубе или зависнув в дверном проеме либо в оконной форточке. Самыми великолепными по своей слаженности и грандиозности считались кладбищенские хоры. Ну подумайте только, что может быть интереснее чертовских песнопений, происходящих на каком-нибудь заброшенном погосте, да еще жуткой ночной порой! Здесь можно было потянуть не только заунывное печное «у-у» да «и-и», но и поблеять козлом, поквакать лягушкой, поухать филином, а для пущей веселости — пропищать младенцем или прохохотать обезумевшим стариком.

Да кладбище есть кладбище! Тут уж раздолья хоть отбавляй! И развлечения не только музыкальные, шумовые могут быть. Можно вдоволь поскакать по крестам и могилкам, по всяким там надгробиям и памятникам, пошестеть могильной травой. А уж если человек забредет в такую-то пору да в такое место, — потех не оберешься! Можно прикинуться его умершим родственничком, скромненько эдак присев на край заветной могилки и трогательно подперев щеку рукой. Незабываемая картина! После подобного представления еще живые посетители станови-

лись сродни покойным, бухаясь в обморок. Приходилось наспех приводить их в чувство, а то как же представлять им дальнейшую культурную программу?

А программа была до великолепия разнообразной! Сюда входили и шествия мертвецов с косами вдоль дороги, и пляски скелетов, и танцы вампиров, и спевки черных кошек, да мало ли еще чего, допустим, просто бесовская потасовка с мяуканьем и улюлюканьем. Клиент после такого пламенного представления бывал, конечно же, на грани жизни и смерти, и если у него оставались силы к передвижению, то он летел с погоста со всех ног, так что свист стоял за ушами! А тот, кто не мог убежать, так как ноги становились ватными, а тело леденело от страха, падал уже в глубокий продолжительный обморок, и вывести его из этого состояния не было никакой возможности до самого утра, когда не только все бесовские наваждения, но и сами черти исчезали, как дым.

Глава 16

ЧЕРТЫ НА БОЛОТАХ, ИЛИ ССЫЛЬНЫЕ БЕСЫ

За всевозможные провинности чертей ссылали на *Болота*. В Поднебье всяких болотистых местностей хватало с избытком, так что проблем — кого куда — не возникало. Было бы, как говорится, болото, а черти найдутся.

Ссылали на разные сроки: кого на месяц, кого на год, кого на многие лета, ведь провинности у поднебесов тоже были разными. Существовали Болота и с вечными сроками. Си-

девшие на них черти считались почти что ангелами, поскольку никаких гадостей делать не умели, как их этому ни учили. Исправлению они, таким образом, не подлежали, вот и приходилось им вечно гнить-умирать в болотном krae.

Болота подразделялись на Ближние, Дальние и Вечные. Для связи с ними выстроили узкоколейку. По ней перевозили продовольствие, медикаменты, почту и другие необходимые грузы, а также самих ссыльных или их родственников для проведывания. Каждое утро товарно-почтово-пассажирские вагончики узкоколейки отправлялись за Черту — так называлась узкая пограничная полоса, отделявшая Болота от остального Поднебья. На Черте дежурили пограничные черти, следившие за тем, чтобы ссыльные с Болот не проникли незаконным образом назад в Поднебье.

Прямо за Чертой лежали Ближние болота, потом следовали Дальние, и уже затем располагались Вечные болота. Перед Вечными болотами была еще одна Черта, она так и прозывалась: Вторая Черта, или Черта II. Правда, в народе она получила название Последней Черты, в том смысле что дальше уж было некуда. На Второй Черте также располагался пост. Охранники следили за тем, чтобы неисправимые черти с Вечных болот не смешивались бы с остальными ссыльными и не портили бы их своей неисправимостью.

Честно говоря, предосторожность эта была излишней, так как неисправимые сами не испытывали особого желания общаться с другими чертями. В каком-то смысле они были ненормальными (с точки зрения других поднебовцев) и чувствовали себя среди нормальных жителей Поднебья не совсем уютно. Поэтому такая изоляция от всех нормальных их по-своему даже устраивала. У неисправимых сложился свой собственный мир и круг общения, и по-

сторонних они старались в него не допускать. Поэтому они не только сами не стремились проникнуть на соседние болота, но и как раз наоборот, если какой-нибудь ссыльный черт с Ближних или Дальних болот ради любопытства проникал на их территорию, они тут же сдавали его охране, не желая вступать в контакт с принципиально чуждым им субъектом.

Наверху, в Раю, знали про Вечные болота, слыхивали и о неисправимых. Богу нравилось, что существует такое замечательное сословие чертей, и он иногда радовал Вечные болота райским сиянием, от которого потом на землю сыпались радужные конфетти. Дети неисправимых с веселыми криками собирали эти конфетти, набивая ими полные карманы. Их можно было есть, по виду и вкусу они напоминали обычные леденцы, и подрастающее поколение неисправимых с удовольствием ими лакомилось.

Впрочем, на Вечных болотах ссыльным жилось не так уж и плохо по сравнению с жителями соседних болот. Единственным наказанием для неисправимых была изоляция, правда, сами они это наказанием не считали. Никаких других тягот, работ или забот на них не возлагалось. Неисправимые они и есть неисправимые, какой смысл с ними возиться, если их все равно уже на путь истинный не направишь? Изолировать их от общества, чтобы других своей болезнью на заражали, да и дело с концом!

Потруднее жилось чертям на Дальних болотах. Они были заняты на исправительных работах: валили лес, обрабатывали древесину, добывали торф, а дети и женщины собирали болотную ягоду: клюкву и морошку. Но больше всего доставалось провинившимся на Ближних болотах. Срок у них был небольшой, провинности тоже, но наказы-

вали их примерно, дабы неповадно было впоследствии совершать что-нибудь хорошее.

Ближнеболотные черти осуществляли добычу болотного газа и маслянистой жидкости из болотной жижи. И газ, и жижа после соответствующей переработки шли потом на освещение домов и улиц в Поднебье, а в некоторых случаях и на подтопку.

Работа по добыванию всей этой гадости была не из легких. Да и здоровье потом ухудшалось изрядно. Нанюхаешься этого вонючего газа, нахлабаешься отвратительной жижи, будешь потом всю жизнь чихать да кашлять, никакие лекари не помогут!

Да, болота они и есть болота! Ничего хорошего от них ждать не приходилось, какие бы они ни были — Ближние, Дальние или Вечные. Попасть за Черту — это все равно что попасть в чертовский ад, а никому из нормальных чертей оказаться в подобных местах никак не хотелось.

Глава 17

Буйки и буйнаки, или КАКОЙ ЖЕ ЧЕРТ НЕ ЛЮБИТ БЫСТРОЙ ЕЗДЫ?

Для перемещений по Поднебью черти использовали ветра, или, как здесь их называли — *буйки*.

Буйки различались и по силе, и по скорости, и по направлениям. Для обычных поездок использовались небольшие буйки силою в один-два узла и размером с пони. Одно-го среднего черта или двух малых они запросто могли везти.

Буйки возили в основном на своих горбах, но для удобства их запрягали в тележки — *клани*. Горбы у буйков могли изменяться: если садился один ездок, то буюк выгибал два горба, если ехали два нечистых, то буюк становился трехгорбым, чтоб было удобно сидеть и держаться.

Молодые черти ездили так, меж горбов. Солидные, степенные черти, бесяры и их мадам — чертихи и бесихи, конечно же, закладывали клани. На буйка надевали красивую упряжь, запрягали его, и он степенно двигался по назначению. Но степенно могли ходить только такие же солидные буйки, как и их ездоки. Молодых буйков в упряжке было не удержать. Они рвались вперед стремительно, переворачивая клани и выбрасывая на дорогу всех сидевших в них чертей, а порой и вовсе вырывались из упряжи и улетали неведомо куда. А незадачливые седоки так и оставались с разинутыми ртами посреди дороги.

Поэтому, чтобы буйки нормально возили, как заправские лошади или верблюды, их нужно было учить этому сызмальства в специальной Школе запряжной езды, а для полного контроля буйкам надо было подрезать крылья, и еще приделывать пару-другую ног. С ногами — не так как с крыльями, особо не разгуляешься! Буйки с приделанными ногами сначала не понимали, для чего это нужно: они путались в ногах, спотыкались, а иногда, намаявшись, просто отрывали их и забрасывали куда подальше. Но бескрылым буйкам приходилось к ногам таки принаравливаться, иначе перемещаться было проблематично. А когда они осваивали ноги, тогда сложностей с перевозками уже не возникало: буйки становились совершенно послушными.

Для перевозки больших грузов приходилось возвращать или ловить больших буйков. Для скоростных поездок

такие буйки были непригодны, так как ползли они как черепахи, но скорость в данном случае была не так важна, главное было — доставить груз.

Большой проблемой, связанной с буйками, было то, что каждый буюк мог двигаться только в одном направлении в зависимости от своего происхождения, ведь все они, по сути, были ветрами.

Буйки бывали восточные, и двигаться с их помощью можно было только на восток. Бывали — западные, и перемещаться они могли только на запад. Соответственно, существовали буйки северные, южные, а также более мелкие, промежуточные: северо-западные, северо-восточные, юго-западные и юго-восточные.

Так что на одном буйке мало кто куда ездил, приходилось запрягать в одну упряжку как минимум четырех буюков, чтобы свобода движения ничем не ограничивалась.

С одним буйком пускалась в путь только какая-нибудь беднота. Им приходилось потом нести назад своего буйка на собственном горбу, либо увязанным в дорожной сумке, так как в обратном направлении он уже не мог сделать ни шагу. Богатые черти смеялись над такими бедолагами: зачем было буйка заводить, чтобы потом его на себе таскать!

Правда, появились умельцы, которые научились по необходимости менять направление движения буюков. Но переориентировать буйка было не так просто: для этого его надо было сдувать и надувать потом заново — противоположной силой.

Путем длительной селекции вывели двусторонних буюков. Сдувать их уже не было необходимости, достаточно

было лишь менять активный узел, повернув рычаг, и буюк мог двигаться в обратном направлении.

Поднебесными умельцами выведены были и разносторонние буйки, двигаться они могли в любом направлении, но были плохо управляемы, их могло понести в какую угодно сторону, так что перемещаться на них было весьма проблематично. Частенько такой буюк закручивался смерчем и уносил своих ездоков со всей поклажей под облака или под самый небесный свод. Ударившись о небо, он распылялся мелким воздушным бисером, потом, медленно переливаясь огнями, как северное сияние, опускался вниз. Завораживающее зрелище! Вместе с буйком опускались вниз и его ездоки — черти, правда, намного быстрее, да еще страшно ушибались, грохнувшись об землю. После этого особого желания ездить на таких сомнительных буйках уже не было.

Бедным было удобнее ездить на специальном ветровом такси: на одних буйках — в одном направлении, на других — в другом. И стоило такое такси недорого, не то что собственный выезд.

Ведь мало приобрести буюков, за ними еще нужно было ухаживать. Их надо было кормить свежесобранном воздухом, поить чистыми дождями, выдувать из них пыль, вычищать грязь и даже выбрасывать разные мелкие предметы, попавшие по дороге: камни, песок, траву, листья, сучки, ветки, каких-либо комаров и мошек и даже мелких животных и птиц. Все это буйки могли засосать в свое нутро, двигаясь по дороге, либо случайно, либо преднамеренно, для собственного развлечения, так как, честно говоря, работать лошадами у чертей не было у них ни малейшего желания.

Они с тоской глядели на своих сородичей — диких буйков, которые прозывались *буйна́ками*, те целыми стадами обитали в окружающей природе: в степях, лесах, горах, на морях и озерах. Дни напролет они резвились, где им вздумается, порой для развлечения налетали на чертовские поселения, наводя там беспорядок и смуту. Иногда они лишь шалили, гоняя пыль во дворе да обрывая листья, а порой и подвергали все хозяйство существу разорению: срывали крыши с домов, вырывали с корнем деревья, били окна, засыпали песком сады и огороды.

Убегая, буйнаки могли прихватить с собой и домашних буйков, если те были плохо привязаны или не стояли в сарае. Буйки и сами рады были сбежать из неволи и порой умоляли набежавших буйнаков прихватить их с собой. Но по большому счету они были буйнакам не особо нужны, так как на воле домашним буйкам жилось весьма проблематично. Дикая природа их пугала, и они или разучились, или вообще не умели добывать себе пропитание. Да и в характере у них не было той разбойности, и дерзости, что у буйнаков.

А буйнакам было скучно с буйками, они их презирали и потешались над ними. Так что порой какому-либо сбежавшему буйку приходилось через некоторое время понуро возвращаться назад к своему хозяину. Тот его примерно наказывал, но в дом принимал, так как буюк все-таки был ценным домашним животным и приносил существенную пользу чертовской семье.

Ляки и кляки, или ОБЛАКА и тучи

Чтобы хоть как-то пропитаться, жители Поднебья помимо походов к Трубе и собирания там манн небесной разводили облака, или как их прозывали — *ляки*. Ляки для поднебесов являлись тем же самым, что овцы или коровы для людей. Это были живые существа, которые рождались, росли и умирали и которых можно было разводить.

В основном их разводили ради особого молока, с каждой взрослой особи можно было в день надаивать по большому бидону. Молоко необходимо было маленьким чертенятам, без него они никак не хотели расти, да и взрослые черти не прочь были испить кружку-другую этого полезительного напитка. Говаривали даже, что у чертей может побелеть кожа, если употреблять его регулярно. Правда, наверное, это были враки, так как ни с кем пока такого не случалось, как были морды темные у чертей, так и остались, даже у самых больших любителей этого напитка. Но местные модницы все ж таки надеялись и пили это молоко целыми жбанамии, в результате чего имели отчасти бледный вид, правда, наверное, не от молока, от беспрестанного хождения после этого в отхожее место.

Еще ляк разводили ради белой мягкой шерсти, которую периодически с них срезали и вязали из нее теплые мягкие вещи: носки, свитера, варежки, шапки.

Для еды ляки как-то не годились: ни варить, ни жарить их не имело смысла. Во время приготовления они превраща-

лись в густой туман и исчезали из кастрюль и со сковородок бесследно. Так что наилучшим способом использования ляк было все-таки получение от них молока да шерсти.

Поэтому у каждой поднебесной семьи, даже у самой бедной, водилась во дворе хотя бы одна ляка, а то как же детей выхаживать, хозяйство вести? У семей средней зажиточности в хозяйстве было около десятка ляк, а у богатых рогатых доходило и до сотни.

Ляки обычно паслись на каком-либо водоеме: озерце или речке. Самые неприхотливые могли довольствоваться болотцем или даже лужей, правда, молоко после этого бывало не очень хорошего качества. Богатые хозяева следили, чтобы их ляки даже в самые засушливые годы до луж не опускались. Они нанимали для своих ляк пастухов из бедных сородичей, чтобы те следили за стадом и не позволяли бы лякам пробовать всякую дрянь.

Да и вообще за этими созданиями нужен был глаз да глаз: только зазеваешься, глядишь, уже куда-то какая-нибудь особь запропастилась. Такая вот безмозглая материя у этих существ, ничего толком не понимают. Ищи их потом по каким-нибудь оврагам да буеракам, полям да чащобам. Застрянут где-нибудь среди ветвей или кустов и хнычут, висят, сами выбраться не могут. Чисто дети неразумные. Так ведь и пропасть заживо можно, если пару дней на дереве повисеть без воды и еды. Обезвоженная ляка могла растаять в воздухе без следа.

Но особую опасность представляли для нежных домашних ляк их дикие сородичи — *кляки*. Эти черные злобные существа налетали на поселения как гром среди ясного неба, нападали на стадо или на отдельно пасущихся ляк и уносили их неведомо куда. Зачем они им были

нужны — точно неизвестно. По одним предположениям кляки похищали ляк для того, чтобы их есть, по другим — чтобы пополнять ими время от времени свои ряды. Для этого они примешивали лякам в корм какую-то отвратительную чернильную жидкость, отчего чудесные нежно-белые, серебристо-голубые или светло-розовые ляки превращались через некоторое время в омерзительных, черно-синих кляк, приобретая заодно и их злобный характер.

Но и кляки время от времени выпадали, так сказать, в осадок. Это случалось, когда на них налетали сильные ветра — буйнаки. Они нещадно гоняли и трепали этих чудовищ о высокие деревья или об небесный свод либо сталкивали их друг с другом. Из-за этого они лопались, а грязная чернильная жидкость, наполнявшая их, выливалась на землю, орошая влагой окрестные поля и леса. А сами кляки исчезали после этого бесследно, либо вместо них объявлялись чудесным образом какие-то неизвестно кому принадлежащие ляки. Предприимчивые черти тут же уводили этих ляк к себе во двор, пополняя ими свое стадо.

Некоторые, особо привередливые ляки, забирались для пастбы в колодцы. Вода в колодцах была самая чистая, но очень холодная. Ляка, наглотавшаяся колодезной воды, уже самостоятельно наверх выбраться не могла. Шерсть ее становилась тяжелой и холодной, как снег. Поэтому ей приходилось коченеть потом в колодце, пока ее кто-нибудь случайно не обнаружит. Правда, молоко у такой ляки, когда ее начинали доить, выдаивалось в виде мороженого, сладкого, и вкусного, и очень любимого чертовскими детьми. Поэтому некоторые хозяева сами опускали одну из своих

ляк в колодец, чтобы добиться нужного эффекта и получить мороженое для детворы.

Ляки, попавшие на болота и наглотавшиеся вредных испарений и болотной воды, начинали бузить. Они были как пьяные: наскакивали друг на друга, сталкивались лбами и бились до посинения. Чертям, которые пытались их разнять, тоже доставалось — ляки поддевали их рогами. Доились ляки, побывавшие на болотах, какой-то спиртной жидкостью типа легкой браги. И черти, попробовавшие такого «молока», тоже начинали бузить и веселиться. Данное свойство лякского молока не было оставлено без внимания чертва. Желающие повеселиться, загоняли своих ляк на болота, а потом надаивали с них веселящий напиток. Поэтому был и такой способ использования ляк.

Но в основном нормальные черти на такие хитрости не шли, тут хоть бы молоком запастись да шерстью, не до жиру, как говорится. Так что и ляки, так же как и буйки, были очень полезными домашними животными.

Глава 19

БОЖЬЕ НАВАЖДЕНИЕ, или МАРИУСЫ

В Поднебье далеко в полях росли наркотические цветы — *мариусы*. Цветы эти были ярко-красными и по виду напоминали обычные маки, только по размерам превосходили их в несколько раз. От запаха мариусов можно было впасть наркотическое забытье. Цветы эти поодиночке не росли,

а образовывали целые мариучные поля. Похожие на алые атласные ковры, поля эти выглядели завораживающе.

По ночам мариучные поля светились изумительным прозрачно-алым светом, как будто кто подсвечивал их изнутри. Черти из чертовских поселений, глянув ночью в темноту за окнами и завидев вдалеке мариучное сияние, говорили: «Вон, опять чертовы поля блещут!». Хотя какие черти в данном случае имелись в виду, непонятно. «Черт, черт, спаси и сохрани, и нас, и деток наших!» — открещивались от этого сияния старые чертихи, занавешивая окна плотными покрывалами.

Естественно, не все черти боялись мариучного наваждения, некоторые, наоборот, к нему стремились. Среди поднебесов также нашлись охотники и до этого дела, и нередко около мариусов можно было увидеть таких вот любителей нюхнуть.

Нюхать мариусы можно было только в местах их произрастания, так как никаких перевозок они не переносили. Они не погибали, нет, они просто-напросто исчезали тогда, когда их пытались куда-либо унести. Исчезновение это происходило медленным растаиванием: сначала растворялись в воздухе листья, затем стебель, а после и сами цветы. Черти с удивлением наблюдали за процессом исчезновения, но ничего с этим поделать не могли, обманные цветы неизменно исчезали при транспортировке.

Поэтому нюхачам приходилось довольствоваться этим процессом только на природе. Это было не совсем удобно: пока до мариучного поля дойдешь, пока нанюхаешься, пока назад вернешься — весь день как раз и пройдет.

А если дела какие-либо, а если семья, работа, дети? Где спрашивается, ты был и что делал? После мариусов неделю еще завихрения в голове шли, всякие образы крутились. Не поймешь, где жизнь, а где видения. Все дела наперекосяк могли пойти. Так что особо не разгуляешься.

Охотники до мариусов были, но не в таких количествах, как в других безоглядных делах. В основном это были черти-индивидуалисты, черти-отшельники, не обремененные ни семьей, ни какими-либо другими житейскими заботами. Вести такой образ жизни в чертовском обществе было проблематично, поэтому они уходили из поселений и жили прямо на мариучных полях или где-либо поблизости, чтобы уже ни на что не отвлекаться от своего излюбленного занятия — нюхать мариусы. Ничто другое этих бедолаг уже не интересовало.

К слову сказать, запах мариусов через какое-то время давал чертям состояние невесомости, и они хоть и не так высоко, но могли все ж таки в процессе своего занятия оторваться от своего брэнного Поднебья. После основательного занюхивания чертовские тела начинали парить в метре-другом от земли. Часто можно было видеть, как какой-нибудь нанюхавшийся черт-мариунист тихо парил посреди мариучного поля и его слегка колыхал ветерок. Это было похоже на экзотический мираж. Но, присмотревшись, в туманном мареве мариучных полей можно было заметить еще одну чертовскую фигуру, а далее — еще кого-нибудь. Правда, со временем особо заядлые черти-мариунисты и впрямь превращались в миражи и из реальной жизни исчезали.

Порой исчезали и сами поля и открывались потом в другом месте. Хорошо, если они перебрасывались куда-нибудь

подальше, но иногда они возникали прямо в поселениях, на чертовских огородах, чем никакой особой радости хозяевам не доставляли. Зачем простым чертям такие сюрпризы? Мариусы своим цветением могли погубить весь тщательно возделываемый огород, да и черти-нюхачи, перемещенные вместе с полем прямо туда же, были весьма неприятным приложением к этому райскому наваждению. Они были похожи на огородные пугала и страшно пугали чертовских детей, некоторые даже начинали заикаться.

В срочном порядке приходилось звать бывалых чертей, они это дело умели заговаривать, после произнесения заговоров такие поля тут же бесследно пропадали. Правда, при таком развитии событий черти-мариунисты с полем уже не перемещались, а выпадали из него прямо на огороды, постепенно прозревая и не в силах понять, где они и что с ними. Черти-хозяева сгребали всю нечисть вилами в кучу, забрасывали в телегу и увозили от греха подальше в ближайший буерак.

Там и находили эти висельники свой последний приют.

Откуда здесь взялись эти загадочные цветы, никто толком не знал. Раньше, в самом начале времен, их точно не было. Но старые черти поговаривают, что когда-то, еще в стародавние времена, с Неба, видать по ошибке, сбросили Райский Цвет. Ветер разнес лепестки по Поднебью в разные стороны, и из них на поднебесной почве образовались диковинные цветы. Вот такая существует легенда о происхождении мариусов. Правда это или нет, никто не знает.

ЛЮТИНЫ, или ЗЛОБНЫЕ ЦВЕТЫ

В Поднебье существовал еще один вид диковинных цветов. Назывались они *люти́ны*. Они росли в лесах на особых лютиновых полянах. Цветы у них были в черно-желтую полоску и по форме походили на цветы обычных подсолнухов, только по размеру были намного больше, да и лепестки у них были подозрительно острыми и весьма напоминали зубы.

Лютины прятали свои цветы среди листьев, поджидая зазевавшихся прохожих. Правда, там мало кто ходил, но иногда, бывало, и проскакивал. Когда кто-либо оказывался слишком близко, цветков тут же оживал и пребольно цеплялся в проходившее мимо чертовское отродье.

Черти от неожиданности чертыхались. Потом пытались отцепить злобный цветок, и если в первые мгновенья им удавалось вырваться из плена, то это было хорошо. Тогда на месте укуса оставались только едва различимые проколы, которые слегка побаливали. Но бывало и так, что цветков смыкал свои лепестки намертво, и нерасторопным чертям приходилось ждать довольно долго, пока мерзкое растение не напьется их крови и не разомкнет лепестки. Изрядно подъеденный черт после такого происшествия едва мог передвигаться и старался как можно быстрее унести ноги с этой недружелюбной цветочной поляны.

А если на несчастного набрасывались сразу несколько цветков, то в конце концов могли всю кровь из черта выпить и оставить от него только шкуру да кости.

Около некоторых цветков как будто бы и валялось что-то наподобие чертовских останков, но непонятно было: то ли это реального черта цветки завалили, то ли просто слегка им побаловались. Ведь если под каким-либо цветком и валялись чьи-либо рога или копыта, это вовсе не значило, что их владельцы непременно были съедены. Может, просто кто оставил за ненадобностью. Иногда и шкурки валялись с хвостами. Может, тоже кому-то не пригодились, оказались лишними.

Ну а уж если в натуре кого и съели, то на это можно только одно сказать: нечего тут ходить по нашей цветочной поляне со своей чертовской мордой! Мы ж, как говорится, к вам не ходим!

ПАРФЮМ, ЧЕРТОМОР И ГАЗОПРОХОД

В Поднебье помимо мариучного существовал и еще один вид обморочек — газовый. Так как частенько в Трубу сбрасывались и газы. Они были в двух видах: упакованные в стеклянные флакончики или просто в виде ветра.

Упакованный газ в прозрачных флаконах, мерцавших темно-голубым сиянием, любили подбирать поднебесные модницы. С криками: «Парфюм! Парфюм!» они частенько устраивали потасовку у Трубы, выхватывая друг у друга вожаделенные флаконы с небесным ароматом.

А порой газ пускался просто в виде ветра. Наверху к Трубе подгоняли огромную цистерну, опускали в Трубу

шланг и начинали сгонять вниз райский аромат. Правда, отверстие в Трубе наверху в этот момент прикрывали большущей крышкой, а хлопотавшие у Трубы ангелы надевали на свои лики что-то вроде противогазов.

Проходившие же в это время мимо Трубы там, наверху, ангелы и архангелы, не имевшие средств защиты от газа, недовольно затыкали нос, обмахиваясь крылами.

— Фу, какая вонь! — говорили одни. — Опять чертей морят, *чертомор* привезли.

— Выморишь их, как же! — недовольно говорили другие. — От чертомора только древние черти умирали, они ж почти как ангелы были, а эти уже как тараканы, ничем не выморишь, ко всему приспособились. Мори не мори, только больше их становится. Они от этого чертомора только балдеют!

— Да и не чертомор это вовсе, а газы, — подхватывали третьи. — Накопились, небось, на Божьей ферме, девать некуда, вот и сбрасывают. Рецепт настоящего чертомора давно утерян, какие-то предатели выкрали. Никто не знает, как его теперь делать. Да черти уж стали совсем другие, этих никаким чертомором не возьмешь.

Поднебесы же с удовольствием нюхали ангельское благоухание, исходившее от светло-голубого газа, идущего из Трубы. Он покрывал всё Поднебье на некоторое время прозрачным туманом, заглушая мерзкие поднебесные запахи, и таким образом хоть ненадолго очищал от смрада нижнюю страну. После газопрохода в Поднебье некоторое время было свежо, как после грозы.

В этом деле, как и в любом другом, также существовали замороженные особы: *черти-газишники* и *бесы-обморотни*, в общем, любители дыхнуть. Для газишников газопро-

ход был не просто развлечением, а насущной жизненной потребностью. Они с нетерпением ждали очередного сброса. Некоторое из них уже ничего в свое нутро, кроме небесного газа, употреблять не могли. После каждого газо-сброса они нанюхивались до одурения, отрубаясь надолго прямо под Трубой или где-нибудь неподалеку.

Наверное, небесный газ и почти полное отсутствие нормальной пищи делали в итоге свое дело, и поднебесы-газишники со временем превращались почти что во ангелов. Они бледнели, худели, истончались с каждым днем, еле держась на своих конечностях. Над некоторыми даже появлялись скорбные газовые нимбы наподобие ангельских. Это означало, что такой газишник уже не жилец и вот-вот его чертова плоть исчезнет в мрачных просторах Поднебья. Такие нимбоносцы частенько растворялись на глазах у изумленных чертей. И больше их уже никто и никогда не видел.

Некоторые, особо хитрые газишники, не очень-то надеясь на регулярность газопроходов, старались запастись бесценным сокровищем впрок. Собирать ветряной газ было весьма нелегко, поэтому про запас держали в основном флаконный. Правда, флаконный газ не шел с ветряным ни в какое сравнение, его использовали уж в самом крайнем случае. К тому же этот газ мерзко вонял каким-то цветочным парфюмом.

Правда, один хитрый бес по имени Дубина научился-таки собирать ветряной газ в специальные емкости. Он пристроил в Трубу, у самого ее основания, газоотводную трубку, с помощью которой ему удавалось собрать какое-то количество газа в баллоны. Дубина эти емкости припрятывал, а потом, между газопроходами, продавал из них газ за-

мороченным чертям по баснословным ценам. Черти-газишники и бесы-обморотни готовы были отдать все, что у них имелось, только чтобы не лишаться драгоценного нюхала.

Старые чертихи почему-то боялись газопрохода как огня. Они кричали, что это чертомор и надо прятаться, дабы не нанюхаться и не превратиться незнамо в кого. Они хватали детей, запирались в домах и сидели там до тех пор, пока это райское наваждение полностью не рассеивалось. Потом еще долго ходили в противогазовых масках и на всякий случай открепивались и деток засеяли, дабы чего не произошло. И правильно делали. Если малыш нанюхается небесного газа, почитай, нежилец тогда будет. Скорехонько потом чертовское чадо во ангельский мир отправится. А реально ли бесятки становились потом ангелами или просто умирали, никто доподлинно не знает. Как это можно было проверить? В Рай-то ведь доступа нет.

Старые черти были солидарны с чертихами и тоже прятались вместе с ними от газопроходов. Чертомор это или не чертомор — неизвестно. А то, что лики он меняет в итоге, — это точно. Ходи потом с ангельской рожей по Поднебью как дурак. Все плевать будут. Не принято было среди нормальных чертей лики менять. Не сумасшедшие, в конце концов, а реальные черти. И выглядеть надо было реалистично, поэтому-то и от всей этой небесной бесовщины предпочитали беречься.

Спуск Великого Праведника на землю, или Ангельский трамплинчик

Но черти чертями, а пора уже вернуться и к нашему повествованию.

Великий Праведник тем временем шел себе не спеша с Небес на землю. Конечно, ему следовало бы поторопиться, ведь каждый мучительный час на земле для ангелов казался вечностью, но он все-таки не спешил. Было бы перед кем показывать свою расторопность — так не перед кем, а ангел — невелика птица, чтобы суетиться. К тому же сам факт отправки его на землю стал для Праведника большой неожиданностью и так выбил его из привычной колеи, что он и не знал, как соотносить себя с происшедшим событием.

Он присел на большой придорожный камень, чтобы отдохнуть и к тому же немного поразмыслить над случившемся. К слову сказать, в прошлые времена, когда он жил на земле, у него было имя, его звали отец Никодим. Правда, в Раю к нему по этому имени не обращались, оно казалось каким-то земным. Но сейчас Великий Праведник находился отнюдь не в Раю, поэтому он и вспомнил о своем прежнем, настоящем земном имени.

Прежде чем спускаться непосредственно на землю, надо было узнать, где находятся ангелы. Для этого отец Никодим достал из дорожной сумы особый прибор — *ангелоскатель*, и для удобства повесил его себе на шею. По виду

он был похож на обычный компас, только стрелка своим красным концом указывала не на букву «С» — север, а на букву «А», что означало «ангел».

Стрелка англоискателя точно указывала на ангела, если он находился где-нибудь поблизости. Этим прибором можно было с не меньшей вероятностью обнаружить и демона, так как другой конец стрелки, обозначенный синим цветом, указывал в компасе на букву «Д», что означало соответственно «демон». Но таким образом, с помощью только одного англоискателя, обнаруживать ангелов и демонов представлялось возможным в непосредственной близости.

На более дальние расстояния требовался еще пространственно-временной компас. С одной стороны компас показывал местонахождение в пространстве, с другой — во времени. Только пространство он показывал не как обычный: север, юг, запад, восток. Вместо севера он показывал Землю, вместо юга — Небо, вместо востока и запада стояли две буквы «П», что означало Поднебье и Преисподняя, или Подземье. Подземье являлось мрачной местностью, располагавшейся непосредственно под землей. Сейчас стрелка компаса показывала на Поднебье. Конечно, на земле такой компас с небольшой корректировкой можно было использовать и как обычный — по сторонам света.

Со временем дело обстояло сложнее. Дело в том, что на Небе, в Раю, вопроса о времени просто не возникало, так как там оно отсутствовало. Там царил вечность. А в Поднебье время имелось, но оно было не совсем таким, как на земле, текло гораздо медленнее и своеобразнее. Значит, речь могла идти только о земном времени. Временная сто-

рона компаса показывала земное настоящее, прошлое и будущее. Надо было найти, в каком времени находятся сейчас ангелы.

При ближайшей прикидке отец Никодим выяснил, что после происшествия на Небесной дороге ангелы разлетелись по разным временам. Два из них попали в земное прошлое, и только один — в настоящее. Поразмыслив и уточнив с помощью компаса и англоискателя точное время и местонахождение всех ангелов, отец Никодим решил для начала отправиться за двумя ангелами в прошлое, а потом уже заскочить за оставшимся в настоящее. Так было удобнее.

Преодолев последние километры Небесной дороги, отец Никодим с тяжелым сердцем приготовился к спуску на землю. Он бросил прощальный взгляд в сторону Рая: «Господи, Отец Небесный! И за что ты прогневался на меня, грешного, за что покарал? За мое усердие? Эх-хо-хо! Вот и усердствуй на свою голову! Ну да ладно. О чем теперь сожалеть? Пора и за дело приниматься. С Богом!».

Он перекрестился и с глухим стоном бросился в земную неизвестность.

Святейший невольно выругался, когда, преодолевая последние метры Небесной дороги, он не заметил, что она внезапно закончилась, и он кубарем полетел на землю с крутого поднебесного обрыва, приземлившись прямо в шиповниковый куст. Надо заметить, что отрезок Небесной дороги, ведущий непосредственно на землю, был в некотором роде недоделан. Дело в том, что эту дорогу строили ангелы, и они сделали ее так, как им, ангелам, представлялось сподручней.

ЧЕРНЫЙ ПРАВЕДНИК, или «НАВРЕДИ!»

В непосредственной близости от Рая они еще работали по правилам, а вот уже поближе к земле решили схалтурить. Прилежащую к земле часть дороги они не достроили вовсе, а устроили в Поднебье что-то навроде трамплинчика, с которого они с гиком и хохотом спрыгивали вниз, расправив крылья (должно же быть и у ангелов хоть какое-то развлечение!). А поскольку на землю отправлялись в основном лишь ангелы, то вопрос о недоделках еще не возникал.

Но отец Никодим был не ангел и крыльев за спиной не имел, поэтому данный прыжок с ангельского трамплинчика оказался для него не совсем приятным, точнее, совсем неприятным. (К слову сказать, он и слыхом не слыхивал о подобном безобразии, так же как не ведал об этом и сам Господь!)

— Что же такое делается, а? — ворчал святейший, потирая ушибленные места. — Кругом одни беспорядки, и Господь ничего не знает. Ну, доберусь я до вас, негодники, когда в Рай возвращусь! Вы мне ответите за все содеянное! Как еще ноги не переломал, и не только ноги, тут и головы можно лишиться! — кричал отец Никодим невесть кому и невесть зачем, ведь проказники-ангелы все равно его сейчас не слышали.

Немного поостыв и придя в себя после случившегося, отец Никодим вспомнил, что он прибыл на землю не ругать небесных посланников, а спасать их, и, устыдившись своего гневного порыва, пошел разыскивать Ангела Милосердия, который в данный момент находился в душе теперь уже небезызвестного городского палача.

Проход Великого Праведника в Поднебье не остался незамеченным. Главный дьявольский информатор и деловед Черный Праведник понял, что святейший отправился на землю неспроста, а, конечно же, для помощи попавшим в беду ангелам.

Черный в Поднебье был примерно тем же, чем Великий Праведник в Раю, а именно — таким же ярым радетелем за дьявольские интересы, как святейший — за Божьи. Так же, как Господь не знал, куда деваться от Великого Праведника, Дьяво не знал, как спастись от приставаний Черного. Поэтому, чтобы избежать лишних хлопот, Дьяво дал Черному особые полномочия: некоторые не особо важные или какие-либо срочные проблемы решать самолично, лишь впоследствии поставив его в известность.

И Черный Праведник старался вовсю, приводя его, Дьяво, в изумление своей прытью, изобретательностью и деловитостью. Дьяво в отдельных случаях с ужасом признавался самому себе, что даже он не смог бы додуматься до таких мерзостей, какие придумывал Черный. Он был непревзойденным изобретателем все новых и новых гадких дел, хитросплетений, интриг, заговоров, как в самом Поднебье, так и на земле. Правда, в Поднебье он занимался этим лишь для поддержания порядка, сохранения законности и всех дьявольских традиций.

О! Все черные традиции, ритуалы, а также особый дьявольский правопорядок в стране он блюл неукоснительно,

и горе тому виновному, кто осмеливался в чем-то его нарушить! Все громы и молнии мира обрушивались тогда несчастному на голову, и Черный не оставлял его в покое до тех пор, пока провинившийся черт полностью не искупал свою провинность.

Черный следил также за своевременной и правильной работой Черной Думы и, насколько мог, за всеми Божьими делами, которые касались земли или Поднебья. А отслеживать Божьи дела было очень и очень затруднительно, так как никоим образом бесовское отродье в Рай пробраться не могло.

Но каким-то чудом один черт-изобретатель соорудил нечто наподобие подслушивающего устройства, и можно было, настроив его, прослушивать кое-какие разговоры из нижних отделов Небесной канцелярии.

Черный Праведник спрятал эту установку в одной из тайных комнат в укромном месте, и порой часами сидел за пультом, надеясь хоть что-то уловить из неумолчно несущегося в наушники небесного шума и треска. Иногда ему это удавалось.

Но впоследствии, измучившись от утомительного занятия, он посадил на прослушку чертенка Мурзю. Мурзя сидел в наушниках день-деньской и почти безрезультатно, но иногда все-таки приносил Черному записанные на клочке бумажки драгоценные сведения. Так было получено сообщение об отправке ангелов на землю. Дьяво, конечно же, знал об этой установке, Черный доложил ему, но он почему-то не проявил к ней особого интереса, даже еще буркнул что-то вроде того, что надо вести честную игру, без всяких там подслушек. На что Черный Праведник про себя возмутился: «Честную! Как бы не так!».

Поэтому установка поступила в полное распоряжение Черного, а Дьяво о ней как бы забыл.

Правда, спуск Великого Праведника на землю Черный отследил без всякой прослушки и решил, что нужно что-то делать. Надо было не только помешать святейшему освободить ангелов, но и сообразить нечто большее, во всяком случае, сделать так, чтобы пребывание его на земле раем не показалось. В противовес Божьему принципу — «Не навреди!», Черный был верен другой идее, прямо противоположной: «Навреди!». «И как можно больше!» — всегда добавлял про себя при этом Черный.

Вокруг Черного почти всегда находилась свита разного мелкого чертва, которое он использовал для исполнения различных поручений. Особо выделялись из всех рассыльный бесенок Чап и маленькая ведьмочка Чапа. Они проявляли заметное рвение и изобретательность в исполнении многих поручений. Ходил слух, что это побочные, неизвестно от кого рожденные дети Черного. Но по официальной версии они были найдены им в ближайшем леске и представлены всем как сироты. Правда, толком об этом никто ничего не знал. Черный вел довольно-таки аскетический образ жизни, поэтому бросить ему явное обвинение в амурных делах никто не отважился.

Чапа кроме всего прочего умела петь. Она частенько убежала в ближнюю рощу и отводила там душу, распевая грустные и заунывные песни о своем житье-бытье. Конечно, это было далеко не ангельское пение, но ведь и Поднебье — тоже не Рай. Иногда ей аккомпанировал Чап на струнных собственного изготовления. Может быть, кому-то их музицирование казалось слишком пронзительным и негармоничным, но было в нем что-то притягательное. И старье

ЛОВУШКА ДЛЯ АНГЕЛОВ, ИЛИ НЕ ЛЕЗЬ В ЧУЖУЮ ДУШУ!

демоницы, слышав вдали вопли Чапы, откладывали на время свои дела и, усевшись у окна и подперев щеку рукой, слушали с тайными вздохами душещипательные откровения доморощенной певички и думали о своем, о заветном. Но песнопения можно было производить только во время недолгого досуга, так как и Чапа, и Чап были почти всегда заняты исполнением каких-либо поручений Черного.

Также из личной свиты Черного выделялся долговязый бес по кличке Шатун. Он напоминал разбуженного среди зимней спячки медведя, за что и получил свое прозвание. Часть его сознания, казалось, была объята глубоким сном, но другая, бодрствующая половина беспрекословно подчинялась любым приказам, исходящим от Дьяво или Черного. Никому другому Шатун распоряжаться собой не позволял, кто бы ему ни приказывал и как бы его ни умолял.

Поэтому для устройства дальнейших помех ангелам и спешившему к ним на помощь Великому Праведнику Черный избрал из всего чертвa трех самых надежных и исполнительных: Чапа, Чапу и Шатуна.

Наскоро снабдив их нужными указаниями, Черный отправил Чапа сбивать с пути истинного Муньку с Ангелом Честности в душе; Чапа устремилась строить козни красотке Фаине с Ангелом Чистоты, а Шатун был послан водить за нос палача Мико на пару с Ангелом Милосердия, а заодно чинить всякие препятствия Великому Праведнику, то бишь отцу Никодиму, который находился от Мико уже неподалеку.

Самому Дьяво о только что произведенном бесовском десанте главный дьявольский деловед пока что не сообщил. Он решил сначала сделать дело, а уж потом и доложить. А то вдруг надумает помешать! Кто знает?..

Вся беда ангелов заключалась в том, что они не могли сами, без чьей-либо помощи, выбраться из человеческих душ. Душа представляла собой некую засасывающую субстанцию и, как трясина, держала попавшие в нее предметы довольно крепко. Правда, предметы имелись в виду небесные, те, что сбрасывали за ненадобностью на землю из Поднебья.

И чего порой не водилось в некоторых душах: и камни ненависти, и колочки злобы, и лужи уныния, и ручьи зависти, и облака похоти, а также всевозможные живые существа-паразиты с теми же названиями.

Время от времени надо было весь мусор вычищать, производить соответствующую уборку, травить паразитов, но мало кто из людей всерьез этим делом занимался. Ведь душевная грязь земным жителям была не видна. Разглядеть всю эту дребедень могли или ангелы, или же черты, да и то только после соответствующей фокусировки. А даже небесным посланцам не хотелось фокусировать свое зрение на подобной дряни, настроение портить. Разве только в случае необходимости.

Мусор в душе люди хотя и не видели, но все-таки ощущали, и особо чувствительные старались каким-то образом избавиться от него, хотя это было не таким уж легким делом, требовались и молитвы, и пост, и другие духовные подвиги, и не каждый был на это способен. Поэтому в основном не обращали на мусор внимания. Чего не видно —

того как бы и нет. Хотя, конечно же, подобная установка проблемы не снимала.

Вот почему ангелы, собираясь на землю, стремились попасть в более-менее чистые души. Мало того что в грязных душах им было трудно дышать из-за поднимавшихся от нечистой душевной субстанции ядовитых испарений, но, кроме того, очень сильно мешали разнообразные паразиты, кишмя кишевшие в некоторых душах. Да! В некоторые души не приведи господи соваться!

Вот и в душе городского палача, куда по драматической случайности попал Ангел Милосердия, оказалось не все благополучно. Мало того что душа была сильно замусорена, кроме всего прочего, здесь еще находилось несколько экземпляров душевной живности.

Кружмя кружила, все заполняя собой, огромная змея ненависти. При появлении нового постояльца она сразу же кинулась на него в атаку, но ангелу удалось несколько утихомирить змею своими ангельскими эманациями, и та через некоторое время мирно задремала в уголке под кустом. Тявкали из темного угла волчата злобы, приблизиться, правда, не решались. Без конца напускали смрадной копоти своим карканьем вороны уныния. Ангел мог видеть и слышать все, что находилось за пределами его душевной и физической тюрьмы, но сам что-либо сказать или сделать был не в состоянии. Даже на хозяина души он мог подействовать только своими ангельскими излучениями милосердия, но никак не словами и тем паче делами.

Да, что ни говори, обстановочка не из приятных! Но выбраться из этой западни ангел мог лишь в том случае, если

откроется душевный клапан, а он мог открыться в результате какой-либо сильной встряски хозяина души: падения, удара, обморока, а также в результате смерти. Естественной смерти держателя подобного зверинца пока что не предвиделось. Оставалось надеяться на помощь извне или на какой-нибудь счастливый, а может быть, и несчастный случай.

На помощь ангелам, как известно, спешил отец Никодим. Но он был на земле не таким уж расторопным, и слово «спешил», пожалуй, в данном случае не подходило. Скорее, направлялся.

В этом же направлении был отправлен кое-кто еще, а именно — бесюга Шатун из свиты Черного Праведника. В данном случае слуги Черного проявили необычайную быстроту и исполнительность, не в пример отцу Никодиму, и в мгновение ока успели добраться до нужных им субъектов. Даже неповоротливый Шатун успел на какое-то время обскать святейшего и, находясь буквально в двух шагах от домика городского палача, готовился взять под свой контроль как самого палача, так и увязшего в его душе Ангела Милосердия. И конечно же, Шатун спешил не выручать ангела, а наоборот — подвергнуть его еще большим мучениям и унижениям. Так что Ангела Милосердия вскорости ожидали не лучшие времена. Но что поделаешь? Такова была жизнь на этой грешной земле, и что людям, что чертям, что ангелам доставалось от нее одинаково.

**КТО УСПЕЛ, ТОТ ВСЕ И СЪЕЛ,
ИЛИ НЕ СПЕШИ, НО ПОТОРАПЛИВАЙСЯ**

А палач Мико угощался тем временем своим ежевечерним ужином и размышлял над произведенной им сегодня казнью, вернее, ее инсценировкой. Он понимал, что с ним весь сегодняшний день происходило что-то странное, а что — понять не мог. Вот для чего только ему нужно было миловать пьянчугу Вячика, по которому уже давно топор плакал, — на этот вопрос Мико никак не находил ответа. Хуже всего было то, что не сегодня завтра этот помилованный Вячик мог объявиться в городе и наделать переполоху. Тогда ему, Мико, не сдобровать. Обман откроется, и его сочтут либо ненормальным, либо бунтовщиком.

Также Мико чувствовал, что он не в состоянии больше брать в руки топор и исполнять свою каждодневную работу. Убить человека — что может быть ужаснее? А рубить повинные головы надо было и завтра, и послезавтра, и всегда, кроме выходных и праздников, разумеется. Да, ситуация складывалась не из приятных, и Мико уже по десятому разу за этот вечер думал над ее разрешением. Но пока что ничего придумать не мог.

В это время в дверь постучали. Нелина кинулась открывать и вернулась, ведя в дом закутанного в темный плащ высокого угрюмого мужчину. Лицо его наполовину скрывал капюшон. Сонные глаза уставились на Мико:

— Хозяин, странник я. Иду издалеча. Не откажи, покорми скитальца. Уж, почитай, со вчерашнего вечера ничего не ел.

Мико жестом указал гостю на место за столом. Он устал размышлять над своей тяжелой проблемой и рад был этому человеку, который своим появлением мог отвлечь его от тяжелых раздумий. Нелина засуетилась, потчужа странника.

— Куда путь держишь? — поинтересовался Мико.

Едок поднял голову и посмотрел на палача пронизывающим взглядом. От этого взгляда у Мико все внутри заглохнуло.

— В святые места, господин, в святые места.

— А далеко ли они, твои святые места? — спросила Нелина.

— Какие — далече, а какие и поблизости, — уклончиво отвечал тот.

Супруги не решились больше отрывать его от еды. Насытившись, странник заговорил:

— В двух днях ходьбы от вашего городка святая гора есть. Хочу до нее дойти, там целебный источник открылся, хочу водицы той испить. Говорят, от многих хворей помогает, особенно душевных: тоски али страдания какого.

Супруги переглянулись. Ни о какой святой горе, а тем более целебном источнике они и слухом не слыхивали, хоть и жили неподалеку. Странник, будто угадывая их мысли, продолжил свой рассказ:

— Да только недавно об этом узнали, пастух местный напился той водицы — давнюю хворобу излечил.

Мико вдруг подумалось, а почему бы, собственно, и ему не сходить к тому источнику, попить водички. Может, это и помогло бы ему разрешить мучившую его проблему. Странник опять посмотрел на Мико своим нездешним взглядом:

— Все бы ничего, да больно скучно одному идти, вот коли б попутчик был, куда бы как быстрее дорога шла. Ты, хозяин, не хочешь ли до горы пройти, хвори свои поле-

чить? Хвори-то они у каждого есть, к гадалке не ходи. Это тут недалеко, через несколько дней и возвратишься.

Мико обрадовался такому своевременному предложению и поспешил согласиться. Хотя этот человек внушал ему страх и тревогу, другой возможности разрешить свою проблему он так и не нашел. Палач приказал жене собрать ему дорожный мешок, принести плащ и посох.

— Завтра с утречка и отправимся, как только солнышко взойдет, — сказал Мико.

— Э, нет, хозяин, — запротестовал ходок. — Я только по лунному свету стараюсь ходить. Так сподручнее, никто не мешает, да и жарко днем. Если идти, так надо сейчас отправляться. Тороплюсь я, некогда мне.

Мико на минуту призадумался. Пожалуй, он прав, этот незнакомец. Ему, Мико, в сложившейся ситуации лучше уйти из городка прямо сейчас, а то — кто его знает, что там утром произойдет, вдруг этот проклятый Вячик объявится, у него на все ума хватит, выпить захочет и пойдет по погребам и сараям шарить. Да, нужно уходить, и как можно скорее. А там разберемся.

Нелина запрочитала, узнав, что Мико собирается уйти со странником немедленно. Она и не ведала о проблеме с наказанным Вячиком.

— Куда же ты, на ночь-то глядя, кормилец мой! Страшно-то как ночью идти! И на кого же ты меня оставляешь?!

— Слушай, жена, не реви! — прервал ее вопли Мико. — Ты же сама видишь, переутомился я от такой работы. Мне нужен отдых хоть на несколько дней, да и лечение тоже не помешает. Руки что-то пошаливать стали, совсем топор не держат. А другой такой случай, — добавил, уже выходя Мико, — может не скоро представиться.

Мико удалился со странником, а Нелина осталась сидеть за необрунным столом, роняя слезы. От появления этого неприятного незнакомца до ухода с ним Мико прошло так мало времени, что ей с трудом удалось осознать происшедшее. Только что был муж, и вот уже нет мужа, и она в целом доме одна. А что как он не вернется? Что как с ним по дороге что-нибудь случится? Ушел на ночь глядя с каким-то проходимцем. Неприятный тип. И глаза такие нехорошие: то сонные, мутные, а то вдруг сразу такие жгучие, пронзительные, как будто буравят тебя насквозь, до самых печенок. И как может у одного и того же человека так измениться взгляд?

Нелина сидела так и размышляла довольно долго, и мысли роем носились в ее голове. Вдруг в дверь опять постучали. Она вздрогнула и, радостная, побежала открывать, подумав, что, верно, Мико вернулся, видно, раздумал идти. Но за дверью стоял не Мико, а совершенно незнакомый человек — строгий седобородый старец. «Вот ить на ночь глядя паломники повадились», — недовольно подумала Нелина.

— Скажите, здесь проживает палач Мико? — спросил гость.

— Здесь, здесь, — закивала хозяйка.

— А где же сам хозяин, позовите его, он мне нужен, — опять грозно произнес старик.

— А вы кто такой будете, зачем вам мой муж? — поинтересовалась Нелина.

— Это тебя, женщина, не касается. Я к нему по делу пришел и только с ним буду обо всем говорить.

— Моего супруга нет дома, — сказала Нелина.

— Как это — нет? — всполошился незнакомец. — Где это он может быть в такой час — ведь ночь на дворе.

— К нам тут недавно один странник заходил. Вот с ним он и ушел к святой горе, водицы испить. Всё дела, дела, а ведь и отдохнуть человеку надо, заработался он.

— Так, значит, ушел, — недовольно вымолвил старец. — Вот ведь морока, одно хуже другого. Скажи-ка, женщина, а где эта святая гора находится, в какой стороне?

— Да здесь неподалеку, отец, день али два ходьбы. Источник из нее, говорят, хороший бьет, все хвори излечивает.

Старец сильно помрачнел от подобного сообщения:

— Вот уж и подумать не мог, что в этих местах водятся какие-либо целебные горы. Бесовское ущелье мне известно, а вот чтоб святая гора? С каких это пор она здесь объявилась?

Нелина перепуганно смотрела на старца, а тот, даже не попрощавшись с ней, тут же исчез во мраке, бормоча что-то про себя и постукивая палкой по дороге. Она же, так ничего и не сообразив, постояла на пороге еще какое-то время и отправилась спать. Пропали они пропадом все эти странники, паломники, старцы! Утро вечера мудренее.

Глава 26

ДОРОЖНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ, или «Зарезь петушка!..»

Стояла уже глубокая ночь, когда Мико и незнакомец зашагали безлюдной дорогой прочь из города. Мико заботился только о том, чтобы как можно быстрее уйти куда-нибудь подальше от родного городка и не особенно задумывался над тем, куда ведет его этот угрюмый странник.

А странник вел его напрямиком в бесовское ущелье, ибо это был не кто иной, как бес Шатун, ловко перевоплотившийся в паломника. Шатун стремился увести Мико в такие места, где его не только Великий Праведник, но и сам Господь затруднился бы найти. Но по дороге предполагалось еще как следует помучить находящегося в душе палача Ангела Милосердия. Шатун видел ангела в моменты фокусировки, он сидел там ни живой ни мертвый, свесив крылья и не в силах пошевелиться от сковывавшей его душевной трясины. Ангел тоже видел Шатуна и трепетал, как пойманная в силки птичка, понимая, что этот чертов бес пришел продлить его муки. Надо сказать, что все излишние переживания, тревоги, волнения отнимали у ангела его силу, и он слабел. А поскольку набраться сил ему было негде, так как он находился не в Раю и даже не на свободе, то подобное положение грозило ему большой опасностью. Ведь на ослабевшего ангела могли напасть и здорово его потрепать находившиеся в душе паразиты.

Бесюга, когда Мико того не видел, страшно щерился и строил ангелу всякие гнусные рожи, дразня его. Ангел же только печально посматривал на него из своей «гробницы». Над ним скорбно мерцало ангельское сияние.

Через некоторое время дорога привела Мико и его спутника в какую-то деревню. Из дома, расположенного близ дороги, вдруг выскочила женщина и бросилась прямо в ноги Мико, умоляя его только об одном: зарезать ей петушка.

— Зарезь петушка, мил человек! Уж как я тебе благодарна буду! Завсегда сама боялась курам головы рубить. А муж — он в город уехал, там и задержался до завтра. А мне сейчас и поест нечего. Уж Богом молю, зарезь петушка!

Мико отшатнулся от нее, как от привидения.

— И не проси, милая, некогда мне, — отвечал Мико, пытаясь обойти женщину и продолжить свой путь. — Да и не моя это забота — петухам головы рубить. Странно, однако ж, в такое время ужин готовить, все добрые люди уже давно спать легли.

— Его, женщина, только людские головы интересуют, петушки ему ни к чему, — как бы между прочим произнес странник.

Мико, правда, не расслышал этих слов. А странник, подойдя к нему вплотную, вдруг добавил:

— Неужели так трудно отрубить петуху голову? И времени на это совсем немного уйдет! А еще палач называется!

Мико удивился тому, что незнакомцу известно, что он палач. Но долго он на этой мысли не задержался, подумалось — может, кто сказал ему, ведь его, Мико, каждая собака в городе знает. Мико интересовало сейчас только одно — как найти достойный выход из создавшейся ситуации. Ясно было одно, что не только какого-то петуха, но даже ничтожную муху он не смог бы сейчас убить.

— Ты... это... — обратился он к своему спутнику, — может, сам отрубишь? А то что-то руки у меня сегодня дрожат весь день, боюсь, как бы топор себе на ногу не уронить.

Незадачливая хозяйка с мольбой глядела то на того, то на другого. Паломник с какой-то ехидной жалостью посмотрел на Мико и, переведя взгляд на хозяйку, произнес:

— Ладно, рубану.

Мико с облегчением вздохнул:

— Вот спасибо, дружище, выручил.

Они прошли во двор, где странник, взяв в руки приговоренного к смерти петуха, ловко отсек ему голову. У Мико вся земля перевернулась от подобной картины. Он едва

устоял, чтобы не упасть в обморок. Незнакомец же, подавая хозяйке трепетавшую в его руках птицу, из горла которой лилась темная петушья кровь, только и произнес:

— Вот и всё. Делов-то.

Женщина горячо поблагодарила своих спасителей, сунув им в котомки по паре калачей. Мико же, не зная, куда деваться от стыда, всё ж таки, был рад, что ему и на этот раз удалось никого не убить. Выйдя за калитку, странники продолжили свой путь.

Глава 27

МЕСТЬ БЕЛОКРЫЛОМУ, ИЛИ РАЗБОЙНИЧИЙ НАЛЕТ

Дорога продолжалась. Взошла луна, и идти стало немного легче. Шатун размышлял, какое бы еще происшествие измыслить для Мико, чтобы помучить ангела. История с петухом немало позабавила его, а ангел, соответственно, пережил неприятные моменты. Так ему, белокрылому, и надо! Сидел бы в своем Раю, не высовывался — ничего бы и не случилось, не попал бы в такую переделку. А то людей им, видите ли, надо спасать, облагораживать. Нашли кого облагораживать — людское племя! Да они грязнее нас, чертей, будут! Одни души чего стоят, глаза б не смотрели!

Втайне Шатун, как и многие другие бесы, конечно же, завидовал белым ангельским крыльям, а также всему их светлому, приглядному облику. Да и то верно, кому охота с хвостами, рогами да копытами ходить! Хоть Дьяво и говорит, что так положено им, чертям, такими быть, потому

как стращать всех должны, испокон веков так было, только верится в это с трудом.

Старые черти гутарят, что очень давно их народ был совсем другим, без рогов и копыт и весьма похожий на ангелов. Разговоры даже шли о том, что и в Раю их предки жили. Только кто в такие рассказы поверит, насчет Рая, скажут тоже! В Рай, сколько он себя помнит, ни одна бесовская нога не ступала. Там вон какие заслоны выставлены, ничем не преодолеть!

Расстроившись от подобных мыслей, Шатун соорил ангелу одну из самых омерзительных рож. У, райское отродье! Пока тебя кто-нибудь выручит, ты у меня тут света белого не взвидишь! Вконец раздосадованный, Шатун решил напустить на Мико с ангелом дорожных разбойников, благо они здесь водились в изобилии. К слову сказать, бесюга приманивал всех нужных людей своими мыслями, особо настроенными, тем же способом он внушал делать им все, что ему хотелось. Таким свойством обладали не все бесы, а только бесы высшего разряда, этому надо было учиться, да и после обучения не у каждого получалось.

Разбойники не замедлили явиться, возникнув перед Мико и его спутником прямо из какой-то канавы. Их было, правда, всего двое, но для палача и этого оказалось достаточно, чтобы он задрожал как осиновый лист. Задрожал внутри и ангел.

— Слушайте, ребята! Отдавайте всё, что у вас есть, если вам ваша милая жизнь дорога! — обратился один из них к странникам, медленно доставая из-за голенища сапога пикообразный нож.

— Гони деньжата, да побыстрее!.. — просипел второй, вынимая из-за пояса огромную деревянную колотушку.

Спутник Мико вытащил из-под плаща тяжелый кинжал и сунул палачу в руку:

— На, возьми! Режь их, собак, а я кулаком буду бить!

— Нет, нет... — отстранился Мико, — не нужен мне кинжал, лучше я кулаком ударю.

«Ударишь ты, как же! — подумал про себя Шатун. — Ты теперь и мухи дохлой не убьешь!»

— У меня кулак покрепче будет, я их сейчас так садану — на камушки рассыплется, — проговорил он, насильно всовывая в руку палача оружие. Мико взял кинжал двумя пальцами, глядя на него, как на гремучую змею.

— Да что с тобой, дружище? — изумился странник. — Держи кинжал как следует. Ты что, надеешься, что они тебя помилуют? Как бы не так! Они за твою жизнь недорого возьмут!

— Я ни на что не надеюсь... — пробормотал Мико, — я не могу... это... кинжалом человека. А вдруг убью?..

— Невелика печаль, таких негодяев не жалко. По ним уже давно топор с веревкой плачут.

— Эй, вы! — крикнул странник разбойникам, — откуда такие смелые взялись?! Подходи поближе, силушкой с вами будем меряться! Мы своего добра просто так не отдадим!

Мико, напуганный и встречей с разбойниками, и возможной смертоубийственной с ними потасовкой, выронил страшный кинжал и со всех ног бросился бежать куда глаза глядят. Через несколько мгновений он скрылся из глаз среди больших валунов, валявшихся вокруг.

— Черт, ушел! — недовольно пробурчал Шатун. — Вот и затевайся с такими! Наперед не знаешь, что они выкинут!

— Сейчас померяешься с нами силушкой, — обрадованно пообещали грабители, обступая Шатуна. — Напарник-то твой — сбежал! Уж какой прыткий оказался, не догнать теперь.

— Сейчас померяемся, — машинально произнес Шатун, разозленный на Мико.

Он схватил одного грабителя за ворот, другого за ногу и зашвырнул их по разные стороны дороги, кого куда. Негодяи никогда в жизни еще так высоко не взлетали и так тяжело не приземлялись. После падения они еще долго оставались лежать, не приходя в сознание, так как сила у Шатуна была великанья. К слову сказать, все бесовское отродье обладало силой, намного превышающей человеческую, так что Шатун в этом деле не был исключением. Он мог бы без особого труда раскидать подобным образом и десятерых, правда, у него таких проблем с земным народцем еще не возникало. Не забываясь более о самочувствии незадачливых разбойников, Шатун кинулся искать свою жертву среди валунов. Расставание с Мико для него было пока что преждевременным.

Глава 28

СЛИШКОМ ХОРОШО — ТОЖЕ НЕХОРОШО, ИЛИ ЧЕМ ХУЖЕ, ТЕМ ЛУЧШЕ!

Мико лежал, забившись в какую-то ямку под огромным камнем. Шатун кинулся к нему:

— Слышь, хозяин, вставай!

Мико оторопело посмотрел на своего спутника, живого и невредимого.

— Раскидал я их всех, где им со мной силушкой-то тягаться!

В голову Мико пришла страшная мысль:

— Ты что, кого-нибудь убил?

— Да что ты все заладил: убил да убил! Как помешанный прям! Просто швырнул одного туда, другого — сюда, и всех делов-то!

Мико не поверил своим ушам:

— Как это — раскидал, их же двое было!

— Ну и что, что двое, — ответил странник. — Два дурака одному умному не помеха. Особливо если силушка есть! — он победоносно выставил прямо перед носом Мико свой кулак. Кулак действительно был таких громадных размеров, что внушал уважение.

Тут Мико подумал, что он и впрямь с самого утра сегодня как помешанный, если его этот вопрос так волнует. Раньше для него человеческая жизнь ничего не стоила, почитай, каждый день людям головы рубил. А сегодня — как с ума свихнулся: Вячика помиловал, петуху не смог голову отрубить, от разбойников убежал, человека в беде оставил, стыдно и в глаза ему теперь смотреть.

— Вот что, мил человек, — сбивчиво заговорил Мико, — ты уж прости меня за то, что я сейчас сделал, ну, деру дал. Уж не знаю, что на меня нашло, ноги сами понесли.

— Ничего, бывает! — с каким-то злорадным ехидством сказал странник, сверля его своим пронзительным взглядом, — с людьми еще и не то приключается. Это все ерунда.

— Поскорей бы святой водицы испить, — оправдываясь, продолжал палач. — Может быть, поможет мне страхи изгнать. Далеко ль еще до источника идти?

— Да может, завтра там и будем, — отвечивал странник. — А сейчас, хозяин, нам надобно немного отдохнуть, ногам роздых дать да и поспать чуток. Много мы сегодня прошли — тут неподалеку ущелье одно есть, — продолжал

путник, — тихое, удобное, люди туда не ходят. Там и передохнем до утра. А утром опять пойдем, как рассветет.

Мико согласился, и они продолжили свой путь по направлению к ущелью. Ущелье и в самом деле было не так далеко, правда, Мико не знал, что оно-то и являлось конечной целью их путешествия.

Бесовским оно называлось потому, что черти, когда обделывали на земле свои дела, использовали его вроде перевалочного пункта. Здесь они отдыхали в утренние и дневные часы, так как не очень-то любили в такое время выходить на свет божий, разве только в случае большой необходимости. В этом месте они назначали встречи друг с другом, обговаривали какие-либо важные вопросы, тут же устраивались частенько бесовские гулянки с плясками, пением и прочими удовольствиями. Ведь в Поднебье развлечься как следует, отвести душу не всегда было возможно. Мешали всякие соглядатаи, да и Черный Праведник не дремал, нравственность блюл. На земле же присматривать за всей чертовской братией становилось куда как сложнее, и этим многие отчаянные головы пользовались.

Человеку, конечно же, попадать в такое ущелье не следовало, так как это было равносильно смерти. Сидевшие там черти так замучивали гостя, что он в конце концов, после всех их представлений, падал бездыханным. А бесчувственное тело черти выбрасывали в пропасть. Правда, и забрести в такое место без особых причин было мудрено. К нему вела такая неудобная, вернее даже, непроходимая дорога. Ее то и дело преграждали завалы из камней, расселины, оползни.

Мико вряд ли сам, по доброй воле, пошел бы подобной тропой, но если этот странный путник ходил здесь раньше и знает эти места, то ему, Мико, нечего бояться. После встре-

чи с грабителями Мико хотелось только одного: поскорее скрыться с глаз людских, обрести покой и уединение.

Шатун, перед тем как завести Мико в ущелье, готовил для него еще одно потрясение. Он решил поугадать Мико медведем. Медведя он уже выманил из расположенной неподалеку берлоги (надо заметить, что и звери очень чутко реагировали на мысленное воздействие бесовни), и зверь, разъяренный от нависшего над ним наваждения, уже шел им навстречу.

Мико, погруженный в свои невеселые мысли, шагал за странником почти не разбирая дороги и не замечая ничего вокруг. Вдруг его спутник на какое-то мгновение исчез из глаз, и прямо перед Мико на дороге возникло нечто огромное, черное и лохматое. Палач, пока еще не особо разглядевший это «нечто», попытался сходу обойти непонятно откуда возникшее на его пути препятствие, но оно вдруг ожило, заревело и стало надвигаться. Мико остановился как вкопанный, с ужасом прозревая перед собой большущего медведя.

— О-о-о! — взревел зверюга, замахиваясь на Мико когтистой лапой.

Думать было некогда... Мико сделал нечеловеческий прыжок назад и в сторону и, оступившись, полетел кубарем с крутого обрыва.

Шатун, наблюдавший из-за скалы эту сцену, понял, что перестарался. Он забыл, что вверенную ему жертву нужно оберегать от сильных толчков и падений. Ведь в результате этого открывался душевный клапан и пленный ангел таким образом мог получить свободу. Бес мрачно смотрел на то, как ангел, пока Мико катился по склону, пробкой вылетел из его души и радостно замахал крылами, разминая их. Мико без ангела был теперь Шатуну ни к чему, а вот сам ан-

гел представлял для слуги Черного серьезную опасность. Шатун знал, что ангельское милосердие на чертей практически не распространялось, поэтому и решил, пока ангел окончательно не очухался, как можно скорее унести ноги.

Бес исчез с быстротою молнии среди скал, а ангел, придя в себя и не обнаружив своего обидчика, отправился на посадку в небесный подъемник, чтобы наконец-то после стольких земных передряг благополучно вернуться в родную райскую обитель.

Глава 29

СОН НА ДОРОГЕ, ИЛИ ПРОПАЖА РАЙСКИХ ВЕЩИЧЕК

Отец Никодим находился уже совсем недалеко от места встречи Мико с медведем, когда получил на свой ангелоискатель от освобожденного ангела сигналы радости, свидетельствовавшие о том, что Ангел Милосердия из ловушки каким-то образом выбрался и в состоянии теперь сам позаботиться о себе.

Святейший, присев на валун, облегченно вздохнул. Ну вот! Наконец-то! Одно дело с плеч долой — все легче будет! Уж кто там помог страдальцу — неизвестно, но это уже не имеет значения. Пусть он опоздал, но все ведь обошлось.

А опоздал отец Никодим, честно говоря, не просто так. Если б он захотел, то мог бы двигаться намного быстрее и избавить Мико, точнее, находящегося в нем ангела, от многих уготованных ему мук. Святейший все еще злился на ангелов из-за подлости с небесным трамплинчиком, а также пребы-

вал в некоторой обиде на Господа за столь бесцеремонное и, по сути, предательское к нему отношение, совершенно, как он считал, незаслуженное. Надо же, его, такую фигуру, послать на землю спасать ангелов! Неужели поменьше чина не нашлось? И в Раю всякой мелкоты рассыльной хватало! Тех же ангелов бы и послал, их там столько развелось, что уж не знаешь, куда и деваться. Целый день по Раю слоняются, крыльями машут, песни поют! Отправить бы их на денечек на землю, сразу все песни из головы повывлетали бы! Да-а... Нет справедливости ни на земле, ни на Небе!

Отец Никодим, уставший от подобных размышлений, а также от дальней дороги, решил прилечь подле большого валуна и немного передохнуть. Ведь на земле он становился обычным человеком, и ему надо было и спать, и есть. Он закрыл глаза и, сам того не ожидая, тут же уснул.

А Шатун, так бесславно завершивший порученное ему дело и сбежавший от мести измученного им ангела, понял, что после возвращения в Поднебье он получит за подобный провал от Черного большой нагоняй, и стал размышлять, как загладить совершенную им провинность. Тут он вспомнил об отце Никодиме, о котором напрочь забыл, когда возился с ангелом. Ведь святейший тоже был возложен на него. Шатун на всех парах помчался назад по дороге, пройденной с Мико, предполагая, что Праведник где-то неподалеку и только чудом не нагнал их раньше. Так оно и оказалось. Отец Никодим спал своим праведным сном, уютно устроившись подле валуна и положив рядом с собой мешок с райскими причиндалами.

«Ну и спасатель! — брезгливо поморщился Шатун. — Вот и дожидайся таких, безответственных! Да меня бы за подобное безобразие двадцать раз бы уже на Болота сослали!» Тут

он подумал, что Болота ему, пожалуй, будут обеспечены за случай с медведем, в результате которого был упущен ангел. Бес засуетился. Надо было как-то выправлять положение.

Поскольку Праведник пока что безмятежно спал и никаких препятствий в этот момент ему чинить не представлялось возможным, Шатун решил украсть у него мешок с райскими принадлежностями. Для святейшего на земле они являлись предметами первой необходимости, так как без них он уже мало чем отличался от простых смертных (разве что своей праведностью?) и становился беспомощным, как грудной младенец. Как бы его самого после этого не пришлось спасать!

Среди вещей оказался ускоритель движения — с его помощью можно было быстрее обычного передвигаться в пространстве, и он просто незаменим при перемещениях на большие расстояния например из одного конца света в другой. Малые, правда, лучше было преодолевать обычным земным транспортом, так как существовала вероятность проскока места назначения.

В мешке лежал также *райский луч* — небесное оружие, которым можно было усмирить, когда требовалось, не только людей, но и все чертово племя. Бесы боялись его как огня, потому что этот луч не только расшвыривал их на необозримые расстояния от исходного места, но от него, к тому же, плавилась рога и копыта, принимая уродливейшую форму, но совсем почему-то никогда не отпадали. Приходилось потом всю жизнь припадать на обе ноги или ходить со сбитыми набок рогами. Правда, райские милосердцы особо этим оружием не злоупотребляли и применяли его только в случае действительной необходимости. Но необходимость эта частенько возникала, так как поднебовцы — народ неугомный и нередко сами лезли на рожон, за что и получали. Так

что многие из них уже ходили с подпорченными физиономиями и имели шаткую походку. Но тут уж ничего не поделаешь, что заслужили — то и получили.

В мешке был также заменитель пищи в виде небольших твердых шариков размером с горошину. Один такой шарик давал возможность обходиться без пищи целые сутки. Отец Никодим взял с собой целую пригоршню таких шариков, на всякий случай. Мало ли куда попадешь, где нельзя будет раздобыть себе пропитание.

Находились в мешке и некоторые другие мелочи, необходимые райским посланцам для пребывания на земле и выполнения особых Божьих заданий. Вот такое драгоценное сокровище собирался утянуть злобный Шатун, но для начала он решил немного подстраховаться.

У многих бесов тоже, кстати, имелись крылья, но, не в пример ангельским, только черного или же серого цвета. Крылья эти были съемные, они рождались отдельно, появляясь на свет Божий вслед за приплодом как своего рода бесплатное приложение. Никто из чертей не понимал, почему оно так было и почему, собственно, сразу не рождаться чертовским младенцам крылатыми. Да и не ко всем новорожденным эти самые крылья еще и прилагались, что тоже являлось загадкой природы. Крылья крепились к спине на специальные наросты, которые имелись у тех, кому они предназначались, и не доставляли в использовании никаких неудобств, как будто бы они из спины, собственно, и произрастали.

У Шатуна крылья были. Сложенные вчетверо, они висели у него на поясе под плащом. При Мико он, конечно, не мог их надеть, а вот сейчас они оказались как нельзя кстати.

Достав и прикрепив крылья, Шатун осторожно, по-пластунски подобрался к бесценному мешку и, подтянув его

к себе суковатой палкой, тут же взмахнул крылами и вместе с мешком взвился на недостижимую для Праведника высоту. Да, к сожалению, к большому сожалению, отец Никодим крыльями так и не обзавелся ни на земле, ни на Небе.

Но Шатун беспокоился зря. Святейший даже после всех его маневров так и не проснулся.

Бесюга, крепко выругавшись, презрительно сплюнул сверху прямо Великому Праведнику на голову и умчался в горы искать тихое местечко, чтобы исследовать содержимое мешка. Найдя высоко в горах уединенную площадку среди камней, он приземлился и вытряхнул вещи наружу. Но повертев их и так и эдак, Шатун понял, что все это в его руках не более чем бесполезный хлам. Он вспомнил, что воспользоваться ими не могли ни люди, ни бесы, а действовать они начинали только в руках небесных посланцев.

Шатун с досады расшвырял противные предметы по сторонам и полетел вверх докладывать Черному Праведнику о проделанной работе, трепеща от страха перед неотвратимыми Болотами.

Глава 30

Смысл жизни, или ЖЕРТВА ФИЛОСОФИИ

Красотка Фаина еле успела перевести дух после нашествия Федора и его супруги, как в дверь опять постучали. На этот раз стук был тихим и вкрадчивым. Фаина неохотно пошла открывать. За дверью стоял Шичка, доморощенный философ и, по мнению местных жителей, близкий к помеша-

тельству субъект. Целыми днями он занимался поиском смысла жизни, но за все время не продвинулся в этих поисках ни на шаг.

Шичка частенько навещался к Фаине, проводил с ней время в разговорах на свою излюбленную тему: о смысле бытия. Он даже платил красотке деньги как обычный посетитель за соответствующие профилю этого заведения услуги. Но за все время общения Шичка ни разу с Фаиной не переспал, по всей видимости, он не имел в виду этого занятия даже в мыслях. Деньги же он платил за то, чтобы Фаина выслушивала его философские бредни, так как никто в городе их слушать был уже ни в силах. Блудница же проявляла завидное терпение и даже кротость, так как это был единственный мужчина, жаждавший общения с ее никому не нужной душой, а не с бранным телом. Да и к тому же он платил за это деньги.

Поэтому увидев за дверью Шичку, а не кого-нибудь еще, красotka очень обрадовалась. Философ являлся именно тем человеком, который больше всего ей сейчас был нужен. С ним она как раз и собиралась поговорить о своих честных намерениях, посоветоваться о том, как устроить свою дальнейшую жизнь, не опасаясь, естественно, никакого физического насилия с его стороны.

Но с Шичкиной душой этой ночью тоже произошла перемена. Ни ангел, ни демон, правда, в нее не влетали, но именно в эту ночь он наконец-то нашел то, что так долго искал: смысл жизни! И смысл этот представился ему в наслаждениях! Женщины, вино, отменные кушанья, красоты природы и искусства! Что еще нужно простому человеку в этой жизни, какой еще смысл в ней искать?!

Удовлетворившись поисками, Шичка решил тут же, не откладывая дело в долгий ящик, испробовать эту свою фи-

лософию на деле. Для этого он и отправился с утра пораньше к Фаине, ибо ему не к кому было больше направляться.

Он прихватил с собой бутылку неплохого вина, жареную курицу, купленную мимоходом в какой-то лавке, кулек со сладостями и букетик фиалок (как же — к женщине да без цветов!) Именно в эту ночь он осознал тот нехитрый факт, что Фаина все-таки женщина. Раньше он об этом как-то не задумывался. Ко всему прочему, прилагались еще и деньги, соответствующая сумма (ну что вы, помилуйте, он же знает, куда идет!).

В глубине души деньги Шичка считал основополагающим атрибутом в их встрече, так как на свое мужское обаяние и талант обольстителя он не надеялся совершенно и боялся, как бы Фаина не отправила его восвояси, вместе с вином, курицей и цветами, так и не дав опробовать новую философию на деле. Она иногда так поступала — выставляла его за дверь: если у нее было плохое настроение или если, допустим, у него, у Шички, не было на тот момент денег. Но в данном случае он не хотел рисковать, так как исход дела имел чрезвычайно важное для него значение, поэтому он положил нужную купюру в самый ближайший карман, чтобы извлечь ее оттуда, когда понадобится, — одним-единственным движением.

Увидев обрадовавшуюся при его появлении Фаину, Шичка воспрянул духом и совсем уж было уверовал в успех задуманного мероприятия.

Фаина широким жестом пригласила Шичку пройти в комнату. Тот торжествующим шагом победителя прошествовал вовнутрь и, водрузив на обеденный стол корзинку со снедью, взволнованно произнес:

— Дорогая! Как вы сегодня прекрасны! Припадая к алтарю вашей красоты, я прошу принять от меня этот скромный букетик, а также мое неподдельное восхищение вашей свежестью, юностью и красотой!

Он протянул красотке фиалки. Фаина взяла букетик и тут же, подойдя к зеркалу, приколола его себе в волоса. Ей приятно было принять цветы из рук этого чистого, не замутненного пошлыми мыслями человека.

Шичка жестом пригласил ее к столу, доставая из корзинки продукты:

— Сейчас мы с вами это дело отметим, — говорил Шичка, откупоривая вино, — только вот необходимы бокалы, во что налить.

Фаина машинально поставила на стол бокалы. Шичка начал разливать вино:

— Вот, дорогая, прошу вас, чем бог послал, угощайтесь!

— Постой, постой! — вдруг встрепенулась хозяйка. — А что отметим-то? Для чего ты мне все это принес? Мы вроде с тобой ни о чем таком не договаривались.

Фаина пристально взгляделась в Шичку и только в этот момент заметила его горящие глаза и весь его возбужденно-растрепанный вид. Она растерялась.

— Что случилось, Шичка, а? Что произошло? Говори, не пугай меня. Какой-то ты сегодня не такой.

— Да вы не бойтесь, — успокоил ее философ, — я такой, как всегда, есть. Но случиться — кое-что, конечно же, случилось, произойти — наконец-то произошло! — произнес он громким голосом.

— Что произошло? — произнесла Фаина, едва дыша.

— Я нашел его! — продолжал гроыхать Шичка. — Я его так долго искал! Но чудо свершилось, и я обрел его!

— Кого — его?

— Смысл жизни!

Собеседница облегченно вздохнула:

— Что ж ты так меня напугал! Я думала, у тебя беда какая али неприятность произошла, а ты мне тут голову морочишь, смысл жизни он, видите ли, нашел!

— Эх, дорогая! — обиженно воскликнул Шичка. — Ничего-то вы не понимаете! Для меня этот самый смысл жизни, может быть, дороже всех счастливых и несчастных моментов. Ведь я его полжизни искал!

— Смысл жизни, смысл жизни, — пробормотала Фаина, — можно и без всякого смысла жизнь прожить — и ничего!

— Очень даже чего, — запротестовал Шичка. — Очень даже чего! Без смысла — она, жизнь, ни во что покажется, бессмысленно, без вкуса пройдет. А со смыслом — совсем другое дело! Вот за это я и предлагаю бокалы сейчас поднять.

— Ну, если это для тебя так важно, тогда, конечно, я не против поддержать, — сказала Фаина, пригубивая вино.

Философ залпом выпил вино и потянулся за куриной ножкой. Фаина, отпив глоточек, поставила свой бокал на стол.

— И в чем же он, этот самый смысл жизни, для тебя заключается? — поинтересовалась она.

— О, вот это вопрос по существу, — оживился Шичка, расправляясь с куриной ногой и наливая себе другой бокал. — Смысл жизни для меня теперь заключается в наслаждениях! Вот!..

Фаина, сама того не ожидая, рассмеялась. Она не представляла, как можно было совместить Шичку с наслаждениями.

— Я что-нибудь смешное сказал? — насторожился собеседник.

— Да нет, это я так, от неожиданности, — посерьезнела Фаина, убирая улыбку с лица.

— Так вот, — продолжал Шичка, — наслаждения теперь являются для меня смыслом жизни.

— А какие, собственно, наслаждения ты имеешь в виду? — спросила красотка.

— Ну... вино, прекрасные кушанья, красоты природы и искусства... женщин, наконец...

После этих слов его слушательница не смогла больше сдерживаться и захохотала диким хохотом:

— Женщины! Ой, не могу, держите меня! Шичка и женщины! Ой, не могу, спасите, умираю! Ха-ха-ха!..

Шичка взволнованно заходил по комнате:

— Дорогая, если вы думаете, что поскольку я никогда не предлагал *этого* вам, то я не способен на *это* вообще? Вы ошибаетесь. Я вполне способен, и я вам сейчас это докажу.

Шичка одним махом снял жилет и судорожно начал расстегивать пуговицы на своей сорочке. Фаина перестала смеяться и испуганно следила за Шичкиным раздеванием. Она не ожидала от него таких действий:

— Слушай, ты, Шичка, не надо, я тебе верю, прекрати раздеваться!

— Верите? — закричал Шичка. — Нет, вы мне не верите, вы только смеетесь надо мной. Но вы сейчас убедитесь, что я способен на все, что я не какой-то там зачуханный философ, но и мужчина к тому ж.

Сдернув сорочку, мыслитель принялся расстегивать штаны. Они слетели от единственного Шичкиного прикосновения к ним, так как держались на одной только пуговице. Две прочих потерялись уже давно, а у Шички руки всё не доходили их пришить. Гордо переступив через лежащие

на полу штаны и светя застиранными подштанниками, философ направился к Фаине.

— Дорогая, я жду ответных действий с вашей стороны. Раздевайтесь.

Фаина от ужаса и быстроты происходящего не знала, что сказать и только беззвучно разевала рот, производя в сторону Шички лишь бессмысленные движения руками. В другое время она, может быть, и возрадовалась бы столь решительным действиям со стороны этого скромника, но сейчас это никоим образом не входило в ее планы.

— Я вас понял, — с достоинством сказал кавалер, — я вам помогу.

Он подошел к Фаине, взял ее на руки, отнес на постель и дрожащими руками начал стаскивать с нее туфли.

— Шичка! — вдруг заорала Фаина благим матом. После такого потрясения она наконец обрела дар речи. — Прекрати, не смей трогать меня!

Она дотянулась до уже снятой обуви, вырвала туфли из рук Шички и стукнула его ими по голове.

— Ну, знаете ли!.. — завопил Шичка, вскакивая с кровати. — Еще и деретесь! Честно говоря, никак не ожидал, никак не ожидал, знаете ли... За что?.. За что такая немилость? О! — наконец-то догадался философ. — Я вас вторично понял! Вы думаете, я так, на дурачка пришел. Нет, дорогая, я вам заплатить за все хотел. Я по-честному, я не какой-то там прощельга, я порядочный человек.

Шичка бросился к своему жилету, сунулся в карман, достал оттуда магическую купюру с заветными цифрами. Держа ее в протянутой руке, он направился к Фаине:

— Вот возьмите и оставьте ваши церемонии, мы ведь взрослые люди.

Шичка положил купюру на тумбочку и снова присел на кровать, намереваясь продолжить начатое занятие. Теперь уже твердым, вполне законным движением, философ поднял у Фаины низ юбки и ухватился за чулок, намереваясь спустить его вниз.

— Нет, не трогай меня, — опять взвизгнула блудница, сбрасывая Шичкину руку со своей ноги. — Нет, нет, нет, никогда.

— Но почему? — Шичка нервно вскочил на ноги. — Может, я опять что-то не так сделал? — Он приложил палец ко лбу: — Я вас в третий раз понял! Нужно заплатить больше. Что ж, я согласен. Истина стоит дороже, и я готов за нее пострадать. — Шичка, не мешкая, полез в карман своей жилетки и, достав оттуда другую, точно такую же купюру, присоединил ее к уже лежавшей на тумбочке. — Вот, дорогая, надеюсь, теперь-то вы не будете возражать? — он осторожно присел на край кровати.

Фаина наконец вновь обрела способность выражать свои мысли:

— Я никогда, слышишь, никогда не буду с тобой спать. И тебе придется проделывать свои опыты в другом месте.

Шичка медленно поднялся с кровати:

— Так, значит, вот оно в чем дело! А почему, позвольте спросить? Ах, можете не отвечать. Я вас понял, кажется, в четвертый раз. Я немолод, неинтересен, некрасив. Я вам противен. Что ж, согласен. Но я не думаю, чтобы все ваши посетители, которые сюда являлись до меня, были чем-то лучше меня. Но вы же с ними спали! Отвечайте, спали же, когда они платили вам деньги?..

Фаина не знала, что и сказать на подобные обличительные речи. Шичка продолжал неистовствовать:

— Вы же спите с мужчинами только за деньги, и вас их внешность не должна интересовать. Хорошо, я доплачу за свою неприглядность, за свою противность.

Шичка порывлся в карманах валявшихся посреди комнаты штанов и, нащупав последнюю оставшуюся купюру, вынул и поднес ее Фаине.

— Возьмите, но больше у меня денег нет,— он потерянно опустил на кровать, закрыв голову руками.

Фаина с грустью посмотрела на расстроенного философа. Ей было жаль Шичку, и в другое время она, пожалуй, без особых раздумий принесла бы себя в жертву философии, но сейчас она не могла это сделать ни за что на свете. Ангел Чистоты сидел в ее душе и, соответственно, ни о каких подобного рода занятиях она не могла даже помыслить.

— Шичка, — тихо произнесла Фаина, — я не буду спать с тобой ни за какие деньги.

Тот поднял голову и обиженным взглядом посмотрел на нее:

— А вот теперь я вас совершенно не понял, дорогая. Объясните, пожалуйста, что все это значит.

— Прошу, не обижайся на меня, — начала свои объяснения красотка, — но с сегодняшнего дня я больше не буду спать ни с одним мужчиной на свете, ни за деньги, ни за просто так.

Шичка чуть не заплакал от подобного откровения:

— Но почему? Почему именно сегодня, в тот момент, когда я наконец-то обрел смысл жизни? Что за несчастье?

— Я не могу объяснить — почему, — сказала красотка, — но с сегодняшнего утра мне почему-то глубоко опротивело это занятие, и мне кажется, что я умру, если хоть один мужчина ко мне когда-нибудь прикоснется.

В глазах у Шички блеснули слезы:

— Вот так всегда, знаете ли, у меня получается, невезучий я человек. Ну почему бы вам не принять свое решение завтра утром, почему именно сегодня, когда вы мне так необходимы?..

— С таким же успехом почему бы тебе не найти свой смысл жизни вчера, когда я еще могла тебе помочь? — ответствовала Фаина.

— И то верно, что тут возразишь? Значит, не судьба.

Шичка начал облачаться в сорочку и жилет.

— А деньги свои ты забери, — напомнила красотка. — Мне они ни к чему.

Философ молча сгреб купюры, сунул их в карман жилетки и горестно направился к выходу.

— Шичка! — крикнула ему вдогонку Фаина. — А штаны? Ты штаны забыл! Как же ты без штанов-то пойдешь?

Мыслитель бросил взгляд на свои ноги, повернулся, безучастно добрал до сиротливо лежащих посреди комнаты штанов, надел их и так же безучастно скрылся за дверь.

Фаина несколько мгновений сидела молча, приходила в себя после столь оригинального визита, потом принялась безудержно хохотать, утирая при этом слезы.

— Ой, не могу! Ха-ха-ха! «Дорогая, я нашел смысл жизни! Дорогая, я вас вторично понял».

Все неумелые Шичкины домогательства ее тела встали у нее перед глазами, и она еще какое-то время продолжала над этим смеяться. Успокоившись, она обратила внимание на оставленную на столе снедь. Фаина подбежала к двери:

— Эй, Шичка! — крикнула она в коридор. — Ты провизию забыл! Вернись за курицей!

Но философ не отозвался. Он был уже далеко.

ЯВЛЕНИЕ «ИНОКИНИ АННЫ», ИЛИ БЕГСТВО ИЗ БОРДЕЛЯ В МОНАСТЫРЬ

После проводов Шички Фаина решила больше не рисковать своей женской честью — мало ли кто мог нагрнуть каждую минуту! Поэтому она спустилась вниз, к хозяйке заведения, сказалась больной и попросила весь сегодняшний день к ней никого не пускать. Потом поднялась в свою комнату, крепко заперла двери, легла на кровать и стала размышлять над своим положением: что ей делать и как жить дальше после принятого утром решения. Отвращение к блудному ремеслу, непонятно откуда взявшееся и спутавшее вмиг всю ее жизнь, не проходило, а наоборот, усиливалось.

Фаина не знала, что предпринять. Надо было уходить из этого заведения, но даже этого она не могла сделать так просто, потому что по разным причинам задолжала хозяйке приличную сумму денег. Сбережений и драгоценностей у нее тоже никаких не водилось. И думать было нечего, что хозяйка вот так просто простит ей долг и отпустит с миром, поэтому Фаина решила просто-напросто сбежать и от мадам Митье, владелицы борделя, и от своей злополучной судьбы. Бежать она решила не позднее как сегодняшней ночью. Наскоро собрав свои нехитрые пожитки, Фаина с нетерпением стала ждать наступления темноты.

А Чапа тем временем не дремала. Черный разрешил ей для спуска на землю воспользоваться бесовскими ступеньками; самолично открыл ржавым ключом тяжелую дверь и отдал распоряжение грузному чертиле, охранявшему вход,

чтобы тот не замедлил впустить Чапу назад после ее возвращения.

Быстренько уточнив местонахождение Ангела Чистоты, а с ним и красотки Фаины, Чапа с каждым часом стала неумолимо приближаться к своей жертве. И вот, когда солнце коснулось земли, чертовка уже стояла перед самым входом в заветное заведение. Мгновенно преобразившись в кроткую монахиню, закутанную в черное, она поспешила вовнутрь. Представившись мадам Митье инокиней Анной, дальней родственницей Фаины, она получила разрешение пройти к Фаине в комнату.

Красотка вздрогнула от страха, когда в дверь опять постучали. Она думала теперь только о побеге и боялась, как бы кто не помешал осуществлению ее задумки. Слабым голосом прямо с кровати она спросила: «Кто там?». За дверью вкрадчивый женский голос произнес: «Это я, инокиня Анна, твоя дальняя родственница. Пришла по делам в город да вот заодно решила навестить тебя, дочь моя».

Фаина немало изумилась этому, еще более загадочному посещению. Она не помнила, чтобы среди ее родственников, и ближних, и дальних, были какие-либо инокини. Но красотка не стала особо размышлять над этим вопросом: раз такая почтенная женщина говорит, что она ее родственница, значит, так оно и есть, зачем ей ее обманывать?

Девушка впустила гостью. Та прямо с порога принялась крестить бедное заблудшее дитя.

— Дочь моя, доколе ты будешь пребывать в этом грязном позорном месте? Ой-ё-ёй! — захохла она, оглядывая убогую комнату. — Да разве ж можно так жить, грех-то какой этим ремеслом заниматься, грех-то какой!

Фаина сидела молча, потупив голову и кусая губы.

— Ить надо не только о теле своем заботиться, — продолжала «наставница», — но и о душе подумать. Душа, она тоже заботы требует.

Тут Чапа вспомнила, что пришло самое время заглянуть в душу блудницы, чтобы убедиться в наличии там ангела. Она сфокусировала зрение и действительно увидела в душе красотики бледное и печальное создание. Ангелу в таком месте пребывания было явно не по себе, об этом можно было судить по его мрачному и унылому виду. Вокруг него лениво кружила змея. Но это уже была не змея ненависти, как в душе палача, а змея сладострастия, судя по ее красно-оранжевой окраске. В верхнем углу на веточке сидел пестрый павлин. Его присутствие в душе символизировало страсть к нарядам и украшениям. В темных уголках поблескивали воробышки сребролюбия. Взгляд в душу длился не более одного мгновения, после чего Чапа принялась вновь костить Фаино жите-бытье.

— Денег много ли накопила с такой работы? Денег много ли собрала?.. А, молчишь! Потому что сказать нечего. Денег у тебя нет и никогда не будет, ремесло потому что несправедное. Оно как тебе деньги дает, так и забирает.

— Матушка, что же мне теперь делать? — наконец решилась произнести Фаина. Глаза ее были наполнены слезами.

— Уходить тебе надо отсюда, уходить. Вместе со мной, в монастырь Пресвятой Девы, грехи замаливать.

— С сегодняшнего утра, матушка, мне это ремесло почему-то ужасно опротивело, я и сама думала куда-нибудь уйти, только вот не знала куда.

— Вот-вот, правильно говоришь, — закивала инокиня, — в монастырь, в монастырь тебе, голубка, надо.

— Я согласна уйти в монастырь, матушка, только вот так просто меня хозяйка не отпустит, я ей очень много должна.

Фаина назвала требуемую сумму. У Чапы не было столько земных денег для выкупа Фаиной души с ангелом. Черный дал ей некоторую сумму на мелкие расходы, но он не одобрял расточительства, поэтому чертям на земле не доводилось особо вольготничать, и надо было измышлять какие-то собственные способы добывания денег.

— А ты сбеги, дитятко, сбеги, — только и нашла что предложить инокиня. — В первую очередь — душу спасти надо, а потом уж и о брэнном теле подумать.

— Я уж хотела было сбежать, — сказала блудница.

— Сбеги, дитятко, сбеги, а потом, когда оклемаешься маленько, и вернешь хозяйке долг.

Фаина призналась инокине, что у нее уже все готово к побегу и она только дожидается наступления глубокой ночи, чтобы можно было вылезти наружу через окно. Инокиня одобрила такое решение.

И вот наконец далеко за полночь, когда бордельные девицы занялись своими еженощными обязанностями, а мадам Митье — присмотром за ними, Фаина и ее гостя приступили к осуществлению задуманного. Они связали веревку из двух разрезанных простыней. Один конец веревки прикрепили крепко-накрепко к спинке кровати, другой перебросили через подоконник.

Первой стала спускаться Фаина. Ее заметили с другой стороны улицы два подвыпивших мужика, возвращавшиеся с вечерней попойки.

Мнимый родственник, или Продолжение земных подлянок

— Ой, гляди-ка, красотка спускается, — радостно заметил один.

— Правду говоришь, — подтвердил другой, — должно быть, от кого-то сбегает. Пойдем, поможем ей.

Мужики быстренько перебежали через улицу и, заглядывая Фаине снизу под юбки, приняли ее на свои руки и благополучно поставили на землю. В благодарность за это красотка вlepила этим невесть откуда взявшимся помощникам две оглушительные пощечины. А спускавшаяся вслед за ней с быстротой молнии инокиня двинула сверху одному из них тяжелым каблуком прямо в зубы, после чего незадачливые ухагеры, тихо охая, поспешили удалиться, проклиная всех женщин и зарекаясь когда-либо помогать им.

— Стерва, однако ж, — говорил, постанывая один. — А ты говоришь — красотка, красотка...

— Да я вон оттуда видел, что это ведьмы из окна лезут, а ты — пойдем да пойдем, поможем им... Синяк еще небось на губе будет.

— Видел ты, как же... Сам первый, как кобель, задрамши хвост к ним помчался.

— Будет тебе, пропади они пропадом, чертовки этикие...

Голоса обиженных мужиков стихли за углом.

Инокиня же, схватив Фаину за руку, увлекла ее за собой в противоположную сторону, в тихую, темную, полную неизвестности ночь.

Отец Никодим, очнувшийся в скором времени от сна, понял, что его обворовали: мешка с такими нужными для него сейчас вещами нигде не было. Святейший пришел в ужас. После подобного происшествия он не только не мог спасти ангелов, но и сам оказывался в незавидном положении. Хорошо еще, что на левой руке остался браслет со специальным устройством, с помощью которого осуществлялась связь с Раем. Да на шее болтался англоискатель.

Отец Никодим связался с Небесной канцелярией, рассказал о случившемся, попросил выяснить, кто его обокрал и можно ли вернуть украденные предметы. Оттуда посмотрели в зеркала, но ничего не увидели, так как в этом районе земли зеркала на запись поставлены не были, что, в общем-то, и к лучшему, так как Праведник немало опозорился бы, если б канцеляристы увидели, что проделал над ним Шатун. Вещи святейшего с помощью зеркал все-таки отыскивали, они находились высоко в горах, там, где побросал их мерзкий чертила.

Отец Никодим, проклиная все на свете, стал карабкаться на скалы. На это ушло довольно много времени, но наконец-то святейший был вознагражден за свои усилия. Первым делом он наткнулся на сам мешок, но тот оказался пуст. Недалеко от него валялась коробочка с шариками — заменителями пищи. Святейший, не евший уже с самого своего исхода из Рая и чувствовавший давно невероятный

голод, обрадовался этим шарикам безмерно. Открыв коробочку, он поспешно положил в рот сразу два шарика и замер от удовольствия, чувствуя, как все его существо наполняется запахом и вкусом небывалых яств. Утолив таким образом голод, а заодно и жажду, отец Никодим занялся поиском остального.

Все свое имущество он в скором времени отыскал и благополучно сложил в мешок. Не нашелся только райский луч, так как злобный бесюга из-за особой нелюбви к данному предмету зашвырнул его прямо в бездонную пропасть. Но в пропасть отец Никодим лезть не собиравшись, это было свыше его праведных сил. Так что после всех свалившихся на его голову напастей святейшему пришлось еще остаться и безоружным, а это было не так уж и безопасно, учитывая подлый и беспокойный нрав земного народа, не говоря уже о поднебесном. Правда, из Небесной канцелярии сообщили, что пришлют к нему на землю ангела для передачи другого райского луча, но пока этот ангел до него доберется, всякое ведь может произойти.

Спустившись с гор и передохнув немного, отец Никодим стал уточнять местонахождение двух других попавших в ловушки ангелов. Недолго думая он отправился выручать ближайшего из них — Ангела Чистоты, который находился в душе блудницы Фаины. Добравшись уже почти затемно до искомого городка и дома, святейший в последний раз посмотрел на свой англоискатель. Но вопреки ожиданиям стрелка англоискателя показывала не на дом, в котором располагался бордель, а в сторону темного проулка. Да и вела она себя как-то странно, перескакивая попеременно с буквы «А» (ангел) на букву «Д» (демон) и обратно. Святейший забеспокоился. Пожалуй, опять его

опередили. Бесы, получается, работали более ловко, чем он, райский посланец.

Желая окончательно удостовериться в сем неприятном событии, отец Никодим поспешно вошел в бордель и, представившись очередным родственником блудницы (измыслить что-либо другое у него не было ни времени, ни фантазии), взшел наверх, в ее комнату. Дверь оказалась заперта, и изнутри никто не отзывался. Святейший позвал хозяйку, и та, отперев дверь своим ключом, подтвердила все его самые худшие предположения. Комната оказалась пустой, ни самой Фаины, ни инокини Анны в ней не было и в помине. А из распахнутого окна торчал обрывок простыни.

— Сбежали!.. — прошептали в один голос мадам Митье и райский посланец.

— Сбежала, курва!.. — заорала во весь голос мадам, осознавая, что она в один миг лишилась всех тех денег, которые задолжала ей Фаина.

Святейший потерянно смотрел на проявление ее горя. Его огорчение, однако ж, было не меньше.

— Что ж такое, мил человек, делается? — завывала хозяйка. — Она ж мне столько денег должна, и ни стыда нет, ни совести у человека: взяла и сбежала. Вот и доверяй таким неблагодарным. Ой, лихонько мое, лихонько мое, — продолжала причитать теловладелица. — Где ж ее, негодницу, теперь искать? А ведь какой овечкой прикидывалась, какой смирной, порядочной... Вот и доверяй таким!..

Отец Никодим уныло побрел по коридору. Столько прочетов за короткое время... На ангелов грешил — вот и сам не лучше оказался. Кому он может теперь претензии предъявить? Как раз наоборот — ему предъявят! Да и Господь в долгу не останется: долго потом будет подтрунивать

и изводить его. И что он может сказать в свое оправдание: мешок с вещами украли, двух ангелов прямо из-под носа увели. Надо было срочно что-то делать. Святейший быстрым шагом направился к выходу. А шедшую за ним и вопившую что было сил мадам вдруг осенила счастливая мысль.

— Послушайте, мил человек! — обратилась она к отцу Никодиму. — Ведь вы же родственником Фаине приходитеесь?

Тот, не останавливаясь, кивнул.

— Так и заплатите за нее, коли вы ее родственник, а то с кого же мне ее должок теперь взять? А потом по-свойски с ней и расстаётесь.

Отец Никодим остановился и ошалело посмотрел на нее. До него разом дошел весь смысл сказанного. Изю всех земных подьянок, которые ему довелось сегодня испытать, эта являлась одной из худших. Денег у него не было, он совсем забыл про них, собираясь на землю. А в раю, как известно, они были без надобности.

— Никакой я ей не родственник! — только и нашел что выкрикнуть святейший.

— Ах, не родственник! — пуще прежнего заголосила вздорная баба. — Тогда кто ж ты такой будешь? А? Тоже мне, всякие проходимцы родственниками прикидываются! Ты, мил человек, плохо меня знаешь. Давай, плати за эту шлюху, или не выйди тебе отседова!

Такого позора святейшему никогда в жизни не доводилось испытывать. Не помня себя от унижения и страха отец Никодим прыжком добрался до выхода, рывком распахнул дверь и выскочил на улицу.

— Люди! — запричитала мадам. — Помогите! Грабят!

Проститутки и их клиенты, давно уже слышавшие вопли хозяйки, но до поры до времени не выходившие из сво-

их укрытий, поспешили теперь к ней на помощь. Полуоде-тые, кое-как прикрываясь застиранными простынями, они выглядели, как испуганные привидения, застигнутые врас-плох дневным светиллом.

До святейшего дошло, что промедление смерти подоб-но. Трясущимися руками он раскрыл мешок, вынул оттуда ускоритель движения, не глядя нажал на первую попавшуюся кнопку — и в то же мгновение взвился вверх и оказал-ся за многие мили от злополучного борделя.

А злая тетка, выбежав на улицу и обнаружив вместо мнимого родственника только столб пыли, завопила пуще прежнего:

— Прохиндей! Проходимец! Жулик! — кричала она в темноту. — Думаете, управы на вас нету? Я на вас управу найду!

Но ее вопли распугали только уличных собак. Отец Никодим ее уже не слышал.

Глава 33

ПОЕДИНОК СО ЛЬВОМ, ИЛИ ВСЕНОЩНОЕ БДЕНИЕ

Избавившись таким образом от преследований бабы-злой-дейки, святейший, тем не менее, попал в еще худшую пере-делку. В спешке он нажал не на ту кнопку и очутился незна-мо где. Но это только в первое мгновение он не сообразил, куда попал. В следующий миг он это отчетливо понял.

Он находился в огромной каменной пещере, которая являлась жилищем не менее огромного песчаного льва.

Лев мирно спал на своем каменном ложе, дожидаясь ночной охоты, но внезапное появление человека вывело его из дремоты.

Хищник приподнялся на двух лапах и угрюмо рыкнул. Отец Никодим от неожиданности и страха выронил из рук ускоритель, который тут же закатился под лапы льву. Святейший попятился назад. Взгляд его заметался по гладким отвесным стенам в поисках спасения. Сзади, за его спиной, на стене имелась небольшая приступочка, недостижимая для зверя. Впрочем, и для святейшего она тоже была недостижимой.

Но после того как хищник, рыкнув еще раз и встав на все четыре лапы, приготовился к решающему броску, дабы растерзать непрошеного гостя, отцу Никодиму каким-то чудесным образом удалось-таки на эту приступочку взойти. Лев вне себя от ярости, с налитыми кровью глазами, заметался вниз. Праведник же, стоя на приступочке одной ногой (другую пришлось поджать, так как она не помещалась) только повторял про себя: «Господи, Отец Небесный! И за что ты прогневался на меня, грешного, за что наказал?!». Обращаться за помощью в Небесную канцелярию отец Никодим не посмел, настолько смешным выглядело его теперешнее положение. Засмеют, пожалуй, а в итоге сочтут никуда не годной личностью. О своей безопасности не может позаботиться, какого-то песчаного льва испугался! Их бы на эту стенку, да без всякого оружия, поняли бы тогда, почем фунт лиха!

Распластавшись по стене и боясь пошевелиться, Праведник стал терпеливо ждать, когда лев, насладившись зрелищем его позора, уйдет по своим делам. Но лев уходить не спешил. Наверное, он твердо решил разделаться

с пришельцем, посмевающим объявиться в его жилище. Так и прокараулили они друг друга всю ночь.

Под утро перед отцом Никодимом прямо из стены появился ангел, доставивший ему райский луч. Увидев Великого Праведника в столь несоответствующей его возрасту и сану позе, ангел радостно хохотнул. Но, передав святейшему грозное оружие, тут же упорхнул, опасаясь великого праведного гнева.

Праведник вздохнул с облегчением. Наконец-то его муки закончились, и он разделяется, в конце концов, с этим проклятым львом. Направив луч на ничего не подозревающего хищника, святейший с превеликим наслаждением нажал на кнопку. Лев, перекувырнувшись два раза в воздухе, вылетел из пещеры и исчез в неизвестном направлении. Райский луч швырял на расстояние не менее двух миль, и, пока лев стал бы добираться назад до своего логова, отец Никодим надеялся убраться из этой пещеры подобра-подзорову. Убивать хищника он не хотел, несмотря на то что зверюга промучил его всю ночь. Святейший все-таки должен был блюсти свою святость и проявлять посылное милосердие и к людям, и к зверям.

Спустившись наконец-то со спасительной приступочки на просторный каменный пол, отец Никодим размял затекшие руки и ноги. О, как приятно в конце концов обрести свободу — свободу телодвижений! Придя в себя после столь отменного стеностояния, святейший поспешил вновь завладеть своим ускорителем, который лежал посреди пещеры. На нем остались глубокие вмятины от львиных когтей и зубов: зверь от нечего делать забавлялся этим предметом, пока караулил святейшего. Но устройство ускорителя не пострадало от этих зверских действий.

Отец Никодим с благоговением сдул песок со священного предмета и, нажав на кнопку, теперь уже на какую надо и в точности так, как положено по райским инструкциям, взвился в воздух и пропал из пещеры, надеясь уже никогда за все свое праведное бессмертие не попадать в подобные места.

Глава 34

Ночная пирушка, или Избиение прелюбодеев

Благополучно вырвав Фаину из лап мадам Митье, Чапа намеревалась устроить ей в ближайшее время не менее развеселую жизнь. Первым делом нужно было подвергнуть унижению и позору сидевшего в душе Фаины Ангела Чистоты. Для этого следовало сделать так, чтобы Фаина, несмотря на наличие в своей душе небесного создания, все-таки согрешила и таким образом покрывла бы несмываемым пятном позора ангельское величие. Вероятно, ангелу после этого грозило бы одно из самых ужасных наказаний: изгнание из Рая.

Здесь же, в этом же городке, у Чапы была одна знакомая ведьмачка Вера. Вместе с Верой жил ее супруг — ведьмак Гоша. Вот к ним-то и направила свои стопы Чапа под предлогом необходимого сейчас ночлега.

Дело, конечно, было не в ночлеге или не только в нем. Чапа намеревалась отвести Фаину к Вере из-за Гоши. Дело в том, что этот самый Гоша слыл отъявленным блудодеем и любую сколько-нибудь приглядную особу женского пола, попавшую в поле зрения, не оставлял без внимания. Вера на

это смотрела сквозь пальцы, впрочем, у нее имелось множество других, более интересных занятий, чем ревнование Гоши, кроме того, у нее тоже водились ухажеры. Так что Гошины развлечения его супругой практически не ограничивались, и он не знал в этом никакого удержу. Если только сами объекты его мимолетных страстей не сдерживали его оплеухами, пощечинами, криками и тому подобными действиями сопротивления. Но сластолюбец в некоторых случаях, особенно когда знал, что останется безнаказанным, способен был совершить насилие. На это и рассчитывала Чапа, ведя туда свою жертву.

Дом ведьмачки находился не так далеко от борделя. Чапа решила сначала войти в дом одна, дабы ввести ничего не подозревавшую Веру в курс дела и заручиться ее поддержкой.

Вера очень обрадовалась появлению Чапы, она уже давно не видела своей поднебесной подруги, не знала свежих поднебесных новостей. Конечно же, она согласилась на Чапино предложение. Гошу тоже посветили в происходящее, и он возликовал в предвкушении упоительной ночи.

Фаина, продрогшая на свежем ночном воздухе и умиравшая от страха и неизвестности в этом безлюдном уголке, обрадовалась, когда «инокиня» вернулась и повела ее в теплый уютный дом.

Но перед тем как лечь спать, Вера решила угостить своих гостей хорошим ужином, а заодно за трапезой подпоить Фаину, чтобы та не смогла оказать Гоше сопротивления.

Ужин затянулся надолго. Бесовки любили как следует выпить и поесть, а также поболтать, а ничего этого Чапе уже давно не удавалось при постоянном контроле со стороны Черного Праведника. Поэтому в доме у Веры Чапа наконец-то получила возможность отвести душу.

Фаина была изумлена подобным винолюбием и чревоугодием своей дальней родственницы, монахини к тому ж. Но та ее успокоила, сказав, что в монастыре они часто этим баловались, это единственное, можно сказать, развлечение в их трудной монашеской жизни.

Фаине тоже предложили выпить бокал вина, чтобы ей лучше спалось в эту решающую для ее жизни ночь. Вина красотке чертовки налили накрепчайшего и проследили, чтобы та выпила бокал до дна. Фаина и раньше употребляла веселящие напитки, правда, самые легкие и в умеренных количествах, поэтому она не усмотрела в этом предложении никакого подвоха. Закусив отменной телятиной, она развеселилась. Впрочем, все не так уж и плохо, она благополучно ускользнула от своей хозяйки, из этого неприличного заведения, сейчас вступает в новую жизнь, почему за это и не выпить? Ей тут же налили второй бокал, и девица, весело хохоча, осушила его.

Гоша все это время не сводил с блудницы жгучих глаз, представляя, как он в скором времени будет обладать ею. Но он тоже любил и поесть, и выпить, поэтому решил не отставать в этом деле от своих сообщниц.

После нескольких бокалов Фаина уже всю строила Гоше глазки, находя его весьма привлекательным. Вино, к сожалению, ослабляло действие ангельских эманаций. Чертовки, наблюдая из своего угла за преображением Фаины, покатывались со смеху, представляя себе, каково сейчас Ангелу Чистоты в ее душе. Они то и дело фокусировали зрение, чтобы посмотреть, как там белокрылому живется. Ангел же был ни жив ни мертв от свалившихся на него в таком количестве ядовитых испарений. Да и змея сладострастия от вина набирала силу, ощущая себя в этом месте

полной хозяйкой и намереваясь вот-вот приступить к выяснению отношений с незванным гостем.

В скором времени Гоша решил уже вплотную подсесть к Фаине, на что та изъявила полное согласие. И пока Вера и Чапа шептались в укромном уголке о своем, вспоминая былое, Гоша перешел отчасти к делу покорения красотки, говоря ей на ухо всякие сальности и хватая под столом за все места, на что та отвечала зазывным похохатыванием и томными взорами.

Приятная для всех, за исключением ангела, пирушка, затянулась до утра. Чапа и Вера спохватились, когда за окном стало светать. Они попросили Гошу отвести Фаину в приготовленную для нее комнату. Обняв уже едва соображающую блудницу за талию, сластолюбец повел ее наверх, в спальню. Чертовки же остались внизу ждать скорого ангельского позора и падения.

Уложив красотку на кровать, Гоша начал судорожно стаскивать с себя штаны, дабы побыстрее приступить к своему излюбленному занятию.

Но исполнению его сокровенного желания помешало появление Великого Праведника. В этот раз он не промахнулся и попал точно в цель — к ложу пьяной красотки.

Увидев бесюгу, собравшегося совершить срамное дело, отец Никодим цыкнул на него со страшной силой. Гоша был не дурак и сразу понял, кто это и откуда. Не помня себя от страха, он, встав на карачки, быстро заполз под кровать.

Решив, что Гоша его делу не помеха, святейший подошел к блуднице, взял ее на руки, приподнял насколько смог и так сильно швырнул ее обратно на ложе, что она тут же лишилась последних чувств, какие у нее еще имелись. Ножики

кровати подломились, кровать рухнула, придавив всей своей тяжестью Гошу, лежавшего под ней. Тот глухо застонал.

Но пленный ангел получил, таким образом, свободу. Еле живой от свалившихся на него безобразий, он радостно вылетел наружу и затрепетал перед святейшим, выражая всем своим видом неопиcуемый восторг и благодарность за столь своевременное спасение.

— Ну будет тебе, будет, — отмахнулся от него отец Никодим, он не любил всяких нежностей. — Лети наверх, лети, намаяла небошь.

Ангел, радостный, улетел. А отец Никодим, бросив на Фаину полный презрения и брезгливости взгляд и проговорив только одно слово: «Срамота!», исчез вслед за ангелом так же скоро, как и появился.

Несчастный же Гоша после ухода Великого Праведника кое-как вылез из-под кровати и получил теперь за все свои муки полное вознаграждение. Он в исступлении набросился на лежавшую перед ним Фаину и начал утолять свою страсть еще до того, как та пришла в сознание. Очнувшаяся через некоторое время блудница с не меньшим пылом присоединилась к нему, благо никто ей теперь не мешал.

Две чертовки долго прождали своего сообщника, припозднившегося с радостными вестями, но он так и не удостоил их вниманием. Заподозрив неладное, они на цыпочках подкрались к заветной комнате и заглянули внутрь. Гоша и блудница продолжали душить друг друга в самых жарких объятиях. Однако это было уже слишком! Вера, подойдя сзади, треснула забывшего про все на свете супруга скалкой. Тот, взвывая от боли, свалился с кровати на пол. Этой же скалкой ведьмачка огрела и Фаину. Подошедшая следом Чапа сфокусировала зрение на Фаининой душе,

дабы убедиться, что дело сделано и ангел повержен, но обнаружила, что никакого ангела там нет и в помине.

— Где он? — накинулась Чапа на перепуганного Гошу.

— Кто — он? — тот от боли и страха ничего не соображал.

— Как это — кто? — возмутилась Чапа. — Ангел!

— Ах, ангел, — Гоша, наконец, вспомнил, зачем его, собственно, сюда послали. — За ним приходили.

— Кто приходил? Откуда? — попыталась узнать истину посланница.

— Оттуда! — только и мог сказать перепуганный сластолюбец, указывая пальцем в небо.

— Надеюсь, ты успел подвергнуть его позору? — вмешалась Вера.

Гоша понуро покачал головой.

— Так почему же ты сразу нам ничего не сказал, изменник проклятый?! — взвывала супруга. В ней неожиданно проснулась ревность от увиденной только что любовной сцены. С ней Гоша никогда так страстно не забавлялся.

— Некогда было, — только и нашелся что ответить сладогострастник.

— Ах, некогда! — взревела ведьмачка. — Некогда, говоришь, было?!

На Гошу посыпался град немислимых ударов. Заодно досталось и блуднице. Фаина, мигом после этого очнувшись от Гошиных лобзаний и от выпитого вина, схватила свою одежду в охапку и пулей вылетела из столь нелюбезного дома. Она решила: лучше вернуться к мадам Митье, чем еще раз переживать подобное безобразие. Мадам, по крайней мере, ее скалкой не била.

Чапа же, наблюдавшая за избивением прелюбодеев, после бегства Фаины поняла, что ей тут тоже, собственно,

больше делать нечего. Даже не попрощавшись с Верой, которая продолжала упоенно колотить свою вторую половину скалкой, Чапа тихо вышла из дома. Она только что вспомнила: для помощи ангелам из Рая был послан на землю Великий Праведник. И как она могла о нем забыть! Это он приходил за ангелом и в последнее мгновение спас его от неминуемого позора. Блестящая затея рухнула, почти свершившись.

Проклиная все на свете, чертовка потащилась к небесным ступенькам, взошла наверх и с тяжелым сердцем постучала в тяжелую дверь. Она понимала, что за такой провал Черный ее по головке не погладит.

Глава 35

ГОЛОД — НЕ ТЕТКА, ИЛИ НОЧЛЕГ В «ТЕТКИНОМ» ДОМЕ, ИЛИ ФИНИТА ЛЯ КОМЕДИЯ!

Мунька, избавившись наконец-то от ворованных денег, обрел душевный покой. Да, теперь у него начнется новая жизнь, он станет честным человеком, не будет прятаться от добропорядочных людей по чердакам и подвалам, сможет смело взглянуть в глаза любому: вот он я весь и ничего за душой темного и подлого не имею!

Весело и вольготно ходил в этот день Мунька по улицам родного города. Смело и открыто смотрел в глаза встречаемым прохожим, улыбался и даже подмигивал самым, на его взгляд, симпатичным из них. Посмеялся над упавшим пьяным, помог подслеповатой бабule перейти улицу, уте-

шил плачущего мальчика, который заждался у магазина свою мамашу. День был приятный во всех отношениях, давно уже у Муньки не случалось такого дня.

Да, все было бы ничего, но к вечеру Муньке захотелось есть. Сначала он отогнал мысль о еде как несуразную, не вписывающуюся в его новое душевное состояние. Некоторое время ему еще удалось побыть в хорошем расположении духа. Но вскоре желудок напомнил о себе страшным урчанием, и есть захотелось нестерпимо.

Мунька присел на уличную скамейку. Он в первый раз за весь день задумался о том, где раздобыть себе еды: в кармане у него не было ни гроша. Пожалуй, это он поспешил с избавлением от кошелька. Ну и что, что кошелек ворованный. Что сделано, то сделано, украл-то он его до того, как решил вести честную жизнь. Мог бы и оставить себе эти деньги на первое время, пока все образуется, пока он найдет себе работу. А теперь-то — что делать? Хоть иди опять вору. Воровать — это, конечно, не выход. Мунька отменил эту мысль как совершенно неприемлемую для него. Но что делать в его теперешнем положении, не имел понятия.

На скамейку к Муньке подсел какой-то человек. Некоторое время он сидел молча, но потом, подобравшись поближе, произнес:

— Что, пацан, жрать охота?

Мунька, оторвавшись от своих невеселых раздумий, машинально кивнул. Незнакомец вынул из кармана куртки яблоко и протянул его Муньке:

— На, едай!

Воришка схватил яблоко и почти мгновенно управился с ним.

Незнакомец расхохотался:

— О, да ты, видать, сильно голодный, и одним яблоком тебя не накормишь! Что случилось, пацан, выкладывай? Что произошло в твоей жизни? Мне ты можешь все рассказать, вдруг да помогу тебе в чем-либо.

У мальчугана от съеденного яблока голод разыгрался еще пуще прежнего, но он нашел в себе силы успокоиться и взглянуть на сидящего рядом с ним человека. Незнакомец был в темных очках, поэтому Мунька не смог толком рассмотреть его лицо. Его интересовало только одно, как этот совершенно незнакомый человек мог определить, что он, Мунька, голоден. С этим вопросом он и обратился к собеседнику.

— Как определил, говоришь? — человек опять развеселился. — А что тут определять? Глаза безумные, выпученные, лицо бледное, а рукой за живот держишься... Тут и определять нечего, все и так видно.

Да, конечно, незнакомец был прав: вид у Муньки был такой, что с головой выдавал его желание поесть.

— Так что же все-таки случилось, малыш? — незнакомец опять приступил к воришке с расспросами.

— Дело в том, что я сегодня утром выбросил кошелек, а денег себе на жизнь не оставил, — не подумав выпалил мальчуган.

— Как это — выбросил? — изумился человек. — Ничего себе делишки! У человека денег нет, голодный ходит, а еще кошельки при этом выбрасывает! Бьюсь об заклад, что ты пошутил! Это у тебя, наверное, от голодухи ум за разум заходит.

Мунька поспешил согласиться с такой версией. Как можно было объяснить нормальному человеку то, что он сделал сегодня со своим кошельком?

— Пойдем-ка, я тебя сначала покормлю, — предложил новооявленный благодетель, а потом поговорим о твоей житухе.

Незнакомец повел Муньку в ближайшую закусочную. Человек этот был не кто иной, как Чап, сошедший из Поднебья. Черный Праведник, как известно, отправил его заниматься Мунькой, а точнее, Ангелом Честности, сидевшим в Мунькиной душе.

При фокусировке, которую Чап провел, ведя Муньку в закусочную, он убедился, что ангел сидит-таки в душе воришки. Всяких там разных змей и прочей живности в душе у него пока что не водилось, а вот грязи и мусора было предостаточно. Ангел сидел на куче какой-то пакостной мерзости и зажимал нос от нестерпимой вони, разносившейся вокруг. «Сейчас я тебе добавлю благовоний, — мысленно пообещал несчастному бес, — совсем голову потеряешь!»

Поэтому, чтобы окончательно свести ангела с ума, Чап купил Муньке в придачу к миске супа и бараньим котлетам две огромные кружки пива. В эти кружки он незаметно плеснул водки, так что от подобного напитка пацан должен был изрядно окосеть, а ангелу от спиртного добавились бы новые мучения.

Мунька пиво любил, несмотря на свой возраст, спиртные напитки в своем беспризорье он попробовал очень давно, правда, особо ими не увлекался, но для пива делал исключение. Поэтому, увидев перед собою целых две кружки своего любимого напитка, Мунька не задумываясь залпом осушил одну из них и только после этого принялся за суп и котлеты. Проглотив в быстром темпе еду, Мунька столь же быстро запил ее второй кружкой.

— Что, малыш, наелся? — поинтересовался благодетель.

— Пока что да, — пацан хлопнул себе по животу. — Уф, хорошо! Спасибо вам большое!

— Пойдем на улицу, там и поговорим обо всем, — предложил незнакомец.

Они вышли. Как только уселись на скамейке, разомлевший от пива и еды Мунька признался мужчине, что он ворюшка, но с сегодняшнего утра решил начать новую честную жизнь, поэтому ему и пришлось заниматься возвращением ворованного кошелька. Рассказал о том, сколько неприятных приключений с ним из-за этого произошло и как потом пришлось этот кошелек просто-напросто выбросить.

Незнакомец слушал и понимающе кивал. В отдельные моменты Мунькиного рассказа он звучно похохатывал и потирал руки. Мунька, правда, не особо замечал, что оживлялся и хохотал его слушатель вовсе не в тех местах, где следовало, а там, где это совсем вроде было и ни к чему.

Человек же смеялся вовсе не над Мунькиными приключениями. Сфокусировав зрение на Мунькиной душе, Чап покатывался со смеху над ангелом, который после принятия мальчуганом спиртного, в особенности такой адской смеси, как пиво с водкой, корчился теперь там внутри в страшных муках, содрогаясь от этой гадости. Чап даже увидел две слезы, блеснувшие в прекрасных ангельских очах. Это развеселило Чапа пуще прежнего. Он вскочил со своего места и заходил вокруг скамейки, громко напевая какой-то победный бесовский марш.

— Тра-ля-лю-лю! Тра-ля-лю-лю! Я вижу сон, но я не сплю!

Мунька на мгновение прозрел и с изумлением уставился на незнакомца:

— Что с вами, дяденька? Что вы такое поете?

— Всё в порядке, малыш! Всё в полном порядке! — заверил Муньку его благодетель. — Просто я, слушая тебя, тоже вспомнил молодость, вспомнил, как мы шалили с пацанами, обворовали как-то из озорства соседский дом. Правда, потом всё вернули.

— А-а!.. — протянул Мунька, зачарованно следя за незнакомцем. — Понятно...

— Слушай, дружок! — вдруг сказал тот. — А ты не мог бы продемонстрировать мне сейчас что-нибудь из своего воровского искусства, ну как ты это делаешь, например, как воруешь? Мне очень хотелось бы посмотреть.

— Как я это делаю, — тихо произнес мальчуган, — я, конечно, могу показать, но ведь я решил с сегодняшнего дня больше этого не делать. Я же решил теперь раз и навсегда стать честным человеком.

— Зачем тебе, малыш, становиться честным человеком? Вот глупость какую, право, ты придумал! Разве можно быть честным среди воров? Ведь, по сути, все люди воры: кто-нибудь когда-нибудь у кого-нибудь что-нибудь да украл! Или не так, скажешь? Или это неправда? Правда только в том, что не все занимаются этим профессионально, как ты, например. И еще правда в том, что они не пойманы за этим своим постыдным занятием, поэтому и могут корчить из себя честных людей. Я-то знаю и вижу, что ты, может быть, честнее всех этих «честных» людей будешь, хоть ты и вор!

— Откуда вам это знать, дяденька? — изумился Мунька. — Вы что, в душу ко мне заглядывали?..

«В душу как раз тебе я и заглядывал! — с досадой подумал Чап. — Не такой уж ты пропащий! Только вот мусор выгрести...»

— Я-то знаю, — сказал незнакомец вслух. — У меня опыт большой по внешности людскую сущность определять. Несмотря на то, что ты вор, ты, как ни странно это звучит, честный человек. Ну, так своруешь что-нибудь, чтобы показать, какой ты профессионал?

— Так-то оно так, — задумчиво произнес Мунька, — только не хотелось бы мне все это продолжать. Я же решил больше этого не делать. Я решил стать теперь честным человеком.

— Вот заладил как ненормальный прям: честным человеком, честным человеком.

«Чтоб тебя, — выругался про себя Чап, — наверное, мало выпил, если еще честным человеком желает быть. Надо бы еще подпоить, тогда наверняка уж согласится что-нибудь украсть».

— Ладно, малыш. Если не хочешь больше воровать — не надо. А сейчас не желаешь ли ты еще немного перекусить да пивком побаловаться?

Мунька давно уже желал, так как съеденной еды явно не хватало для утоления разыгравшегося аппетита, и они с незнакомцем опять перебрались в закусную. Чап не поскупился на этот раз на целых три кружки пива, приправленного огненным зельем, и две порции котлет. Мунька ел в этот раз гораздо медленнее, чем в первый заход, но все-таки осилил все, что ему было предложено.

— Ну, теперь, надеюсь, ты насытился?

— Уф, насытился, под самую завязку, — Мунька провел пальцем по горлу. — Спасибо вам еще раз, дяденька. Только вот не пойму: вы меня всё кормите и кормите, угощаете и угощаете и всё — за бесплатно. А я вам — совершенно по-

сторонний человек. Скажите, как мне с вами рассчитаться, может, и я смогу что-то для вас сделать?

— А, пустяки, — отвечивал незнакомец, — ничего мне не надо, святое дело — покормить голодного человека. Правда, мне хотелось одного — посмотреть, как ты воруюешь, любопытства ради. Но ты же не можешь, не хочешь, раз завязал — то тогда что ж...

— Пустяки! — раздухарился вдруг Мунька. — Сейчас завязал, через час — развязал! Ради вас, дяденька, я готов сделать такую малость, ведь вы же меня вон как вырвали!

— Ну если так, тогда пошли! — мужчина вывел пошатышающегося Муньку на улицу.

— Что вы хотите, чтоб я украл? — поинтересовался воишка.

— Здесь, неподалеку, — сообщил благодетель, — на соседней улице, в большом каменном доме с садом живет моя старая тетушка. Я бы хотел, чтобы ты украл у нее коробочку с драгоценностями, которую она хранит в ящике письменного стола. Коробочку отдашь мне, а я завтра незаметно подложу ее старухе. Старуха рано ложится спать, а почти вся прислуга после этого расходится по домам, так что ты почти ничем не рискуешь.

— Хорошо, дяденька, — согласился Мунька.

И незнакомец повел его по улице.

Уже порядком стемнело, и Мунька, совершенно окосевший, с трудом различал попадавшие ему навстречу дома, деревья и одиноких прохожих. Тогда он целиком положился в деле передвижения на своего поводыря. А тот уверенно вел его к нужному месту.

— Вот этот дом, — шепотом произнес незнакомец.

Действительно, перед Мунькой возник большой серый дом, окруженный роскошным садом.

— Вон в то окно надо влезть, — мужчина указал на третье окно слева. Оно отсвечивало могильным мраком. — Стол стоит прямо у окна. Драгоценности — в верхнем ящике. Ящик — не заперт. Окно тоже не закрыто, старуха летом окон не закрывает

— Хорошо, я все сделаю, как вы сказали, — пообещал воришка, — только помогите мне, дяденька, через забор перелезть, сам я, пожалуй, уже не перелезу. Уж больно пиво было крепкое.

Чап помог Муньке перелезть через забор, и тот, пошатываясь и спотыкаясь, побрел к намеченному окну. «Как бы окна не перепутал, — подумалось вдруг Чапу, — а то заберется к старухе в комнату, надевает переполоху». Старуха эта — старая земная ведьма, была давней приятельницей Чапа, он частенько заходил к ней, когда бывал на земле, поэтому так хорошо знал, где что у нее лежит.

Мунька окна не перепутал, благополучно дошел до нужного, раскрыл его, взобрался на подоконник, перевалился через него и скрылся в темной комнате. Чап уже начал радостно ходить вокруг забора, потирая руки и похихатывая, представляя, как сейчас свершится одно из самых черных дел — падение ангела. Поэтому Чап с величайшим нетерпением ждал, когда из окна появится Мунька с заветной коробочкой в руках.

Но Мунька все не появлялся. Прождав воришку битый час, Чап забеспокоился. Окно все так же было открыто, в доме царил тишина. Что же такое могло произойти? Не имея больше сил на ожидание, бес решил сам посмотреть,

в чем же там дело. Перепрыгнув через забор, он подобрался к окну.

— Эй, малыш, — шепнул он в темноту, — где ты? Что случилось? Выходи скорей!

Изнутри донеслось какое-то странное сопение.

— Пацан, ты слышишь меня? — чуть громче произнес Чап. — Куда ты пропал? Выходи!

Но опять никто не отозвался, только посапывание усилилось, превращаясь в нечто, весьма похожее на храп.

Чап перемахнул через подоконник в комнату и, сделав несколько шагов, наконец-то все понял: прямо перед ним на полу возле дивана лежал спящий Мунька. Несколько кружек пива, разбавленные водкой, сделали свое дело: воришка просто-напросто свалился и уснул. Чап с досады заскрежетал зубами: он, конечно, переборщил с этим пивом. Напоить парнишку надо было, но не до такой степени. Хорошо начатое дело грозило провалиться.

Чап попробовал разбудить Муньку. Но все было тщетным: мальчишка не подавал никаких признаков жизни, кроме сопения и храпа. Поняв, что разбудить пацана не удастся, Чап присел на диван и стал ожидать естественно-го Мунькиного пробуждения, надеясь после этого хоть как-то исправить свой просчет.

Под утро перед Чапом в проеме двери появилась полу-сонная старуха с колотушкой в руках. Ее разбудил безудержный Мунькин храп, и она решила посмотреть, кто это так сладко поживает в соседней комнате. Спросонья она не узнала Чапа и с криками: «Вор! Разбойник! Держи его! Держи!» набросилась на него с колотушкой.

— Ты что дерешься, старуха, или не узнала меня, это я, Чап! — завопил наблюдатель.

Старуха взгляделась в непрошеного гостя:

— Ить и вправду — Чап! Когда же ты зашел, я тебя не видела!

— Да вот зашел ночью через окно, не стал тебя будить.

— А кто это тут так страшно храпит? Как ведмедь прям! Разбудил меня в такую рань. Я б, может, еще поспала...

— Это мальчишка мой, — ответствовал Чап. — Мальчуган выпил немного — вот и расхрапелся.

— Мальчуган... — старуха раскрыла рот от изумления. — Разве мальчишки так храпят?

— Другие, может, и не храпят, а вот этот храпит, чтоб его...

Старуха наконец разглядела лежащего у ее ног Муньку, храпевшего что было сил:

— Ить и вправду мальчишка, да какой храпун! Ить сколько ж сил надо, чтобы так храпеть?..

«На что не надо — у него силы есть, а вот на что надо — не оказалось, чтоб ему пропасть...» — с раздражением подумал Чап.

— Ну, я пойду еще посплю, чтой-то меня в сон клонит, — сказала старая ведьма, — а ты потом, попозже зайдешь ко мне, поговорим с тобой.

— Ладно, — пообещал Чап.

Старуха скрылась за дверью.

Но Чапу не суждено было дожждаться пробуждения Муньки. Через несколько минут в комнате объявился отец Никодим. Благополучно освободив Ангела Чистоты из души блудницы, святейший поспешил на выручку к Ангелу Честности.

Увидев спящего пьяного Муньку и караулившего его мелкого беса, Великий Праведник пришел в неистовство.

Он достал райский луч и с его помощью тут же зашвырнул Чапа в неведомые дали. Бес даже и вскрикнуть не успел.

После этого святейший взял Муньку с пола в охапку и изо всей силы бросил его на диван. Полумертвый ангел вывалился из его души. Напрочь отравленный спиртными парами, ангел едва-едва шевелился и не в состоянии был произнести ни слова. Праведник бросился оказывать ему первую помощь. Достав из-за пояса фляжку со святой водой, отец Никодим стал отпаивать этой водицей бедного мученика и брызгать ему в лицо. Ангел после этого открыл глаза, но все равно был еще очень слаб. Праведник достал ускоритель, взвалил еле живого ангела на плечи и, нажав на кнопку, очутился прямо у небесного подъемника.

Дело было сделано, все ангелы были спасены, и теперь и сам Праведник со спокойной душой и легким сердцем мог подняться на небо. Когда двери подъемника закрылись и он легко и бесшумно пошел наверх, отец Никодим глубоко и с облегчением вздохнул.

Он надеялся уже больше никогда, никоим образом, ни за какие грехи не попадать на эту проклятую землю.

1994—2011

Оглавление

Глава 1. Черная Дума, или Ангельский валет	5
Глава 2. Черная Кити, или Перебежчик	10
Глава 3. «Казнь» негодяя, или «Не убивай!»	12
Глава 4. Кошелек, или «Не укради!»	18
Глава 5. Блудница, или «Не прелюбодействуй!»	30
Глава 6. О Боге и Дьяво, о Поднебье и поднебовцах, о Райской Трубе и божьей манне и кое-что о Гордости	36
Глава 7. Божий грех, или Козел отпущения	43
Глава 8. Кто виноват: Бог-отец или Природа-мать?	47
Глава 9. Следствие ведет Великий Праведник, или «Не рой другому яму...»	50
Глава 10. Как стать Богом, или Как не быть Дьяволом... ..	57
Глава 11. Дочь Бога, или Божественная Любовь	60
Глава 12. Для кого в Рай нету входа, или Для кого из Преисподней нету выхода	66
Глава 13. Подземье, или Преисподняя	72
Глава 14. Судьба праведников, или Божья Ладыя	78
Глава 15. Страшалки, или Побойся черта!	81
Глава 16. Черти на Болотах, или Ссылные бесы	85
Глава 17. Буйки и буйнаки, или Какой же черт не любит быстрой езды?	88
Глава 18. Ляки и кляки, или Облака и тучи	93
Глава 19. Божье наваждение, или Мариусы	96
Глава 20. Лютины, или Злобные цветы	100
Глава 21. Парфюм, чертомор и газопроход	101
Глава 22. Спуск Великого Праведника на землю, или Ангельский трамплинчик	105
Глава 23. Черный Праведник, или «Навреди!»	109

Глава 24. Ловушка для ангелов, или Не лезь в чужую душу!	113
Глава 25. Кто успел, тот все и съел, или Не спеши, но поторапливайся	116
Глава 26. Дорожное происшествие, или «Зарежь петушка!..»	120
Глава 27. Месть белокрылому, или Разбойничий налет	123
Глава 28. Слишком хорошо — тоже нехорошо, или Чем хуже, тем лучше!	126
Глава 29. Сон на дороге, или Пропажа райских вещичек	130
Глава 30. Смысл жизни, или Жертва философии	134
Глава 31. Явление «инокини Анны», или Бегство из борделя в монастырь	144
Глава 32. Мнимый родственник, или Продолжение земных подлянок	149
Глава 33. Поединок со львом, или Всеношное бдение	153
Глава 34. Ночная пирушка, или Избиение прелюбодеев	156
Глава 35. Голод — не тетка, или Ночлег в «теткином» доме, или Финита ля комедия!	162

Литературно-художественное издание

Осокина Людмила Михайловна

Новая божественная комедия

*Веселые истории о делах земных,
небесных и поднебесных*

Выпускающий редактор

Лариса Спиридонова

Корректор

Алёна Георгиева

Художественный редактор

Валерий Калныньи

Подписано в печать 27.02.2014.

Формат 70x108¹/₃₂. Усл. печ. л. 7,7.

Бумага писчая.

Тираж 500 экз. Заказ № ...

«Время»

115326 Москва ул. Пятницкая, 25

Телефон (495) 951 5568

<http://books.vremya.ru>

e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620041, ГСП-148, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

<http://books.vremya.ru>

e-mail: letter@books.vremya.ru

В «Новой божественной комедии» Людмилы Осокиной действие развивается в трех сферах: на Небе, то есть в Раю, на Земле и в Поднебье — невидимой стране, которая находится между Небом и Землей, где проживает Дьяво и его народ — поднебесы, или поднебовцы. Немало удивительного в Поднебье: на полях там растут огромные дурманящие цветы мариусы и хищные лютины, на поднебесных просторах пасутся ляки, дающие особое молоко. Вместо лошадей поднебовцы держат воздушных буйков, на которых можно промчаться верхом. Главные события происходят, конечно, на Земле. Чтобы доказать, что и там существует добро и справедливость, Бог отправляет к людям трех ангелов. А темные силы не дремлют и под предводительством Черного Праведника, главного советника Дьяво, строят всяческие козни светлоликим. Но на помощь ангелам спешит Великий Праведник, правая рука самого Бога. И кто же одержит верх в этом извечном противоборстве?

books.vremya.ru